

ПРЕРВАННАЯ
ЖИЗНЬ

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

ЕССИ СМИТ

Я — чистый холст, и даже художник во мне не знает, чем его заполнить. Моя жизнь началась в тот день, когда я сбежала и очнулась в больнице. Сбежала от реальности. Сбежала от страха. Сбежала от Него. До этого момента ничего не существовало, и я уверена что, с такой быстротечностью дней, впереди меня тоже ничего не ждет. Но я стараюсь. Пытаюсь жить для дедули, который не покидает меня с тех пор, как я проснулась. Но все попытки бесполезны. Я вновь сбегаю, чтобы начать новую жизнь на небольшом острове, где не нужно оправдывать ничьи ожидания. Где семья и друзья, о которых я не помню, не будут смотреть на меня с грустью и разочарованием. Когда в моей жизни появляется Трэвис Кейлар, все меняется. Те воспоминания, которые я утратила, становятся ничтожными в сравнении с теми, которые я создаю с ним. Впервые с того рокового дня в больнице, когда я открыла глаза, жизнь вновь улыбается мне в ответ. До тех пор, пока... Пока Он не возвращается за мной. Для того, чтобы отомстить мне за мои преступления, о которых я не помню.

Пролог

Мой разум кричит и велит мне бежать быстрее, а ноги еле тащат тяжесть моего тела. Кровавый след, словно насмехаясь, отмечает каждую оплошность, которую я совершаю. Мои ноги запутываются в клубок, и со стоном я неуклюже приземляюсь на мягкое ложе из листьев. Моей голове нужен покой, но опасность рядом.

Очень близко.

Страх змеей ползет по позвоночнику, и у меня перехватывает дыхание.

Где-то в моем разрушенном разуме я помню тьму. Помню страх, тоску и боль. Я помню, что убегая. Я заставляю себя подняться и начать снова бежать, впечатывая ноги в землю. Я направляюсь к свету, туда, где демоны никогда не рискнут меня искать.

Холли

С содроганием открываю глаза, и острая боль пронзает все тело. Она настолько сильна, что я не могу двигаться. Мой пульс учащается, отдаваясь в ушах, и я пытаюсь пошевелиться, чтобы хоть как-то заглушить его, но ничего не выходит. Пробую сглотнуть, но не могу. Язык распух, и во рту сухо. Поверхностное дыхание спасает, однако, когда до меня доходит реальность происходящего, я начинаю кричать.

Я не сделала этого. Я не бежала достаточно усердно, достаточно быстро, достаточно долго.

Я не убежала.

В страхе я конвульсивно содрогаюсь, разрывая кожу на руках какими-то посторонними предметами, отчего выкрикиваю ругательства.

В течение секунды появляются люди, одетые в белое, и удерживают мое тело. Они приносят мне нежелательное спокойствие в шприце, и жгучая боль пронзает мою руку. Слезы струятся по моим щекам, комната становится расплывчатой и, в конечном счете, исчезает.

Проходят минуты. Часы. Дни. Понятия не имею. На сей раз, я просыпаюсь медленнее, понимая, что мои запястья чем-то зафиксированы. На заднем плане раздается ритмичный звуковой сигнал. Не хочу открывать глаза, но приходится. Мой взгляд встречается с парой темных карих глаз, уставившихся на меня. Глаза принадлежат пожилому джентльмену, который медленно, но нетерпеливо встает и садится на мою кровать.

— Холли, — он берет мою руку в свои ладони и сжимает.

Я моргаю, смотря на него, не в состоянии говорить или понимать. Бессвязные мысли отдаются рикошетом в моей голове. В защитном жесте я убираю руку. Движение мое легкое, но незнакомец понимает и отстраняется. Я не могу предложить ему сочувствие, которое он ищет. Глаза мужчины распахиваются, и он смотрит на свою руку, державшую мою несколько секунд назад.

— Холли? — спрашивает меня, подсаживаясь ближе. — Это я. Теперь все в порядке.

Он выглядит восьмидесятилетним истощенным от недоедания стариком.

Старение — сука. Но я еще не решила, будет ли лучшей альтернативой умереть молодой.

Я прочистила горло в надежде, что вынужденный кашель также очистит разум от

тумана, в котором он тонет.

— Я не Холли, — продолжаю тихим, успокаивающим голосом, надеясь, что очевидное слабоумие или болезнь Альцгеймера не сделают старика агрессивным. *(Примеч. Болезнь Альцгеймера — наиболее распространенная форма деменции, нейродегенеративное заболевание, впервые описанное в 1907 году немецким психиатром Алоисом Альцгеймером. Как правило, она обнаруживается у людей старше 65 лет. Наиболее часто на ранних стадиях распознаётся расстройство кратковременной памяти, например, неспособность вспомнить недавно заученную информацию. С развитием болезни происходит потеря долговременной памяти, возникают нарушения речи и когнитивных функций, пациент теряет способность ориентироваться в обстановке и ухаживать за собой. Постепенная потеря функций организма ведёт к смерти).*

Я его не знаю. Либо я не знаю себя.

Мужчина отталкивается от моей кровати с куда большей проворностью, чем он, как я думала, обладает, и его глаза, дикие и противоречивые, смотрят поверх моей головы. Старик беспокойно морщит брови, испуская разочарованный вздох. Мой напуганный мозг сходит с ума, посылая сигналы тревоги, страха и боли. Такой же хаос я наблюдала на лице этого человека.

Мои руки и ноги связаны, так что я делаю единственное, на что способна. Я кричу и надеюсь, что не сошла с ума. Я хочу задать вопросы, которые помогут прояснить мне ситуацию, но мое тело от страха бьется в конвульсиях. Мониторы, подключенные ко мне, пищат в такт моим собственным крикам, предупреждая людей в белых халатах.

У меня есть смутное ощущение дежавю, когда один из них вводит мне иглу, отчего я быстро слабею, что даже нет времени разъяснить, какие опасности ожидают меня.

На этот раз, когда я пришла в сознание, то, наконец, поняла, что нахожусь в больнице. Почему — я не знаю. Где — это скрыто от меня. Но в больнице я в безопасности. Вздыхаю, заставляя себя поверить в это.

Человек, с которым я говорила ранее, неуклюже спит на стуле рядом со мной. Удивляюсь: может, я его выдумала, чтобы не чувствовать себя одинокой? Я не могу объяснить это чувство одиночества. Смотрю, как он спит. Мое дыхание соответствует его, и понемногу я начинаю расслабляться, несмотря на боль, распространяющуюся по всему телу. С каждым вдохом мой пульс на мониторе замедляется. По-видимому, все формы медитации полезны для организма.

Мужчина, наверное, услышал мои движения, потому что, когда я оглядываюсь на него, он смотрит на меня со слишком большой надеждой в глазах.

Тем не менее, я уверена, что этот человек является плодом моего воображения. Черт возьми, это все может быть выдумкой, чтобы избежать реальных ужасов, скрытых внутри меня. Я поднимаю руку, насколько это возможно, для того чтобы поприветствовать его, но этот небольшой жест отдается болью в моей руке. Я мельком смотрю на свое запястье — оно распухло. Становится только хуже оттого, что меня удерживают в кровати.

Мужчина кивает головой в мою сторону, его глаза внимательно наблюдают за мной, и я хотела бы быть его Холли. Я почти согласна: меня зовут Холли. Только так я могу подбодрить его. Но я не хочу лгать ему.

— Ты знаешь, где находишься? — спрашивает он.

Киваю головой в сторону различных мониторов, методично разбросанных по всей палате.

— В больнице, — отвечаю я.

— Знаешь, почему ты здесь?

Я качаю головой. Однако не спрашиваю его, даже если у него есть ответ, потому что уверена, что его мысли еще более запутанны, чем мои.

— Холли, ты пропала на месяцы, — говорит старик. Произносит слова медленно, чтобы я поняла, о чем он говорит.

Все же я не понимаю. Прямо сейчас я ничего не понимаю.

— Несколько охотников нашли тебя в лесу неподалеку от нашего дома пару дней назад. Ты не помнишь?

Я снова трясую головой.

— Сэр, — говорю, желая взять его за руку, чтобы принести этому доброму незнакомцу некий комфорт. — Я думаю, вы ошибаетесь. Это был несчастный случай.

Взволнованный, он качает головой, давая мне понять, что я неправа.

— Меня зовут не Холли. Простите.

— Тогда как тебя зовут? — вспышка раздражения появляется на его лице.

— Мое имя? — морщу лоб, чтобы сосредоточиться, но у меня нет ответа. Это такой простой вопрос, а я не могу на него ответить, потому что мой мозг перестал нормально работать. Игнорируя его вопрос, я спрашиваю:

— Вы знаете, почему я связана?

— Когда тебя принесли, у тебя была истерика, и когда ты проснулась, тебе стало хуже.

Он подходит к моей кровати, и так как у меня нет другого выбора, кроме как довериться ему, я двигаюсь, давая мужчине возможность сесть.

— Хо, тебе было плохо... — останавливается он, симулируя кашель, и дотрагивается дрожащей рукой до моей щеки. — Я умолял их не делать тебе больно, но ты продолжала вредить себе и наносить им удары.

Сузив глаза, смотрю на него. Я не уверена, что верю ему. Ничего из этого не звучит правдоподобно, но я здесь и прикована к кровати. Прикована. Прикована. Мой мозг начинает пульсировать. Прикована. Прикована. Я начинаю дрожать, не в силах остановиться.

— Отпустите меня! — кричу я на кого-то поблизости. — Отпустите меня! — требую, снова выдыхая на грани безумия, затем пытаюсь дергать руками и свободной ногой.

Медсестра возвращается с этим жутким уколом, который опять утащит меня в пропасть. Я кричу на нее, умоляя не колоть меня снова. Ругаясь, говорю, что буду хорошо себя вести. Игла приближается к моей коже. Сильно зажмурился, я начинаю плакать, зная, что у меня нет способа побороть ее. Но игла не касается меня.

Мужчина, этот незнакомец, приходит мне на помощь.

— Оставьте ее в покое, — говорит он медсестре. В то время как его голос нежный, в воздухе витает власть, требующая быть услышанной. Открыв глаза, молча благодарю его бледной улыбкой.

Между рыданиями, сотрясающими меня до основания, я с трудом перевожу дыхание. С

каждым вдохом и выдохом мои легкие горят, сжигая меня со всеми правдами и неправдами, которые я не могу вспомнить. Закрываю глаза, уверенная в том, что никто не будет колоть меня. Я сосредотачиваюсь на дыхании, как делала прежде. Мне нужно услышать более медленный ритм, чем мое собственное неравномерное сердцебиение в ушах, чтобы я смогла подстроиться под него.

Пытаясь сдержать слезы, я умоляюще смотрю на старика. Возможно, почувствовав, что я нуждаюсь в нем, он подходит ближе, снова садясь рядом со мной. Сосредоточившись, я подстраиваюсь под ритм его дыхания, пока моя паника не стихает.

— Ты должна отдыхать, — предлагает он, нахмурившись.

Я киваю головой, хотя не согласна с ним.

Я не хочу спать. Я хочу знать, почему я здесь.

Прикованная. Я чувствую, как мой позвоночник покалывает.

Опасность рядом, всегда рядом. Но какая опасность?

Я не думаю, что этот старик представляет угрозу, поэтому игнорирую желание убежать и найти безопасное место.

— Почему вы называете меня Холли? — спрашиваю я его. Надо дать ему понять, что я не та, за кого он меня принимает.

В течение некоторого времени мужчина смотрит на свои колени.

— Это твое имя, — отвечает он. В его карих глазах нет ни капли замешательства.

Он мог говорить мне правду.

Холли, кажется. Но я не чувствую связь с именем. Оно красивое, и это гораздо лучше, чем не иметь имени вообще.

— Как вас зовут?

— Эд.

Я поймала его за вытиранием случайной слезы.

— Я твой Дедуля.

Мне жаль, что я причинила ему боль, но я не знаю, почему и как этого избежать. Он страдает по Холли, которой, вероятно, не существует. Так что я киваю головой, как будто то, что он сказал, имело смысл.

Какой, к черту, несчастный случай лишил меня моих воспоминаний, но по-прежнему позволил мне говорить? И, надеюсь, ходить. Для эксперимента шевелю пальцами ног. Я благодарна им, когда мне это удастся.

Нет, не несчастный случай.

Что-то еще.

Где-то мой разум помнит, что что-то было, и от этого в моих жилах застывает кровь.

Будучи преданным дедушкой, Эд не оставил меня, и я согласилась называть его Дедой. Это как-то странно — называть человека, которого только что встретила, Дедой, но это делало его счастливым, поэтому я приложу все усилия для того, чтобы вспомнить. *Деда*. Я хочу, чтобы он был моим Дедой, чтобы я могла быть его Холли. По крайней мере, тогда я буду хоть частично знать, кем я являюсь.

Пару дней назад я совершила ошибку, размышляя вслух о том, где были мои родители, и столкнулась с душераздирающим горем отца, чья дочь и зять были убиты. *Убиты? Как?* Я не знаю. Я не имею права спрашивать его. Этот человек уже потерял слишком много, в том числе и внучку, которую он видит каждый день.

Я еще не знаю многого из того, что произошло со мной. Я была найдена девять дней назад, блуждающей по лесу за домом дедушки, — спустя полгода после исчезновения. Мое истощенное, в ушибах и побоях тело заставило полицию полагать, что я была в плену. Не знаю, как сделали такой вывод, но, думаю, эти тexasские полицейские должны быть гениями. Я уверена, что они поймут моего похитителя со дня на день.

По словам Деды, я всегда была кем-то вроде всезнайки — цепляюсь за свой сарказм, так как это единственное подтверждение того, что это действительно я. Деда также говорит, что я много ругаюсь, но материться перед пожилым человеком с такими печальными глазами кажется невежливым, поэтому я держу ругань строго в своих мыслях.

Мой мозг. Я видела снимки. Не уверена, что это нормальный размер мозга, но врачи сказали, что у меня совсем небольшой отек. Полиция считает, что мой предполагаемый похититель виноват в появлении этого отека. Я же говорю — гении. Все они чертовы гении.

На моем теле все еще много повреждений. На ребрах трещины, но боль стихла и проявляет себя только тогда, когда я дышу, — обратите внимание на сарказм. Мои ноги в ссадинах, вероятно, от бессмысленного бега по лесу, а может, и не совсем бессмысленного. Где-то в подсознании я знала, куда иду, поэтому была так близко к дому Деды. Я пришла к этому выводу самостоятельно, без гениальной логики местных правоохранителей.

Мое лицо. Вчера я впервые увидела лицо, ну, может, и не впервые. Я имею в виду, никто не может дожить до двадцати четырех лет, не глядя периодически в зеркало. Но, насколько я помню, это было для меня впервые. Мои мечты о том, что я темноволосая, голубоглазая богиня быстро рассеялись, и я была лишь немного разочарована, когда знакомые карие глаза дедушки уставились на меня в ответ. У меня темно-каштановые длинные волосы, спутанные и секущиеся, а не красиво разделенные на пряди. Мне позарез нужен стилист, чтобы все исправить.

Лицо в порезах, но если у меня хорошие гены, то они со временем исчезнут. После того как медсестра сняла повязку со лба, кожа оказалась красной и в ссадинах.

— След от ожога, — объяснила она.

Это выглядит уродливо, и я сомневаюсь, что хорошо заживет.

У меня высокие скулы. Из-за ушиба левая была в желтых остатках синяка. Я рада, что не помню, как это случилось. Уверена, что это было больно. Мое тело, а также руки и ноги покрыты темными синяками, которые постепенно превращаются в желтовато-зеленые. Они скоро сойдут, лишая меня возможности вспомнить.

Мои пальцы длинные и тонкие. Даже с царапинами у меня красивые руки, в отличие от коротких и поломанных ногтей. Несмотря на это, мне нравится смотреть на них. Наверное, потому, что это единственные части моего тела, которые, видя достаточно часто, я узнаю.

Я худышка. Деда говорит, что это естественная худоба. Мне можно позавидовать, ведь я могу есть все, что хочу, и при этом не набирать вес. И я низкая, около 150 сантиметров, очень маленькая. Другими словами, у меня не спортивный тип.

Идеальная жертва.

Это надо менять. Как только выйду из больницы, займусь тяжелой атлетикой, начну бегать и научусь бороться.

Я никогда больше не буду жертвой.

Сразу после того, как Деда договорился, чтобы кто-нибудь пришел заняться моими волосами, заходит мой психолог Энн, чтобы провести со мной сеанс. Мои встречи с Энн являются частью соглашения больницы с Дедой, прежде чем они смогут выписать меня. Она приветствует меня формальным кивком головы, я отвечаю взаимностью. Энн уж очень профессиональна, но она мне нравится, потому что ей удалось убедить врачей развязать мои руки и ноги, прежде чем мы начали наш первый сеанс.

Боже, благослови эту женщину.

Деда встает со стула и гладит меня по плечу, прежде чем оставить нас, чтобы дать некоторую уединенность.

— Как твои дела? — спрашивает меня Энн.

Пожимаю плечами, не зная, как реагировать.

Я до сих пор в растерянности, мне хочется кричать, а затем обвинить ее в том, что она не помогает мне. *Вот дерьмо, до сих пор ничего не могу вспомнить.*

В первый раз, когда мы встретились, она предложила мне попробовать метод, при помощи которого я вспомнила бы все. Я ей доверяю, но не могу этого сделать. Не знаю, что было реально, а что нет.

— Ты знаешь свое имя, — сказала мне Энн.

Холли Грейс Фишер.

— Ты знаешь, что жива, — продолжала она.

Киваю головой в ответ.

Не знаю, была ли я на самом деле жива. Что делать, если я застряла в каком-то чистилище за грехи, которые, возможно, и не совершала?

Но я добилась прогресса. Не знаю, почему я выжила и что пережила, но биение моего сердца подтверждает, что я здесь. Живая.

Однако есть кое-что, в чем я никому не признаюсь: не уверена, что хочу быть живой.

— Тебе все еще больно? — спрашивает Энн.

— Немного, но становится лучше, — я не помню, как раньше говорила, но, когда проснулась, мой голос приобрел тон, лишенный каких-либо эмоций. Надеюсь, что когда-то в моей жизни голос звучал с беззаботной невинностью.

— Хорошо, — она не поднимает глаз от тетради, в которой что-то пишет.

Я хочу отобрать ее у Энн, чтобы увидеть, что она обо мне написала. В основном мне нужен ответ на самый главный вопрос, не дающий уснуть. Меня возможно излечить?

— Сегодня опять приходила полиция, — выпалила я.

— Ох.

Энн продолжает писать, и у меня возникает невыносимое желание вырвать ручку из ее рук.

— Да, они думают, что они нашли парня, который сделал это со мной.

Это привлекает ее внимание, и я чувствую себя виноватой за свою ложь.

— Честно говоря, нет, — качаю головой, не в силах скрыть улыбку, появившуюся на губах.

— Вы хотите, чтобы они это сделали? — спрашивает Энн, глядя мне прямо в глаза.

Не уверена, знает ли она, насколько пугающий у нее взгляд, но я не дрогнула. Я бы ответила ей тем же, если бы грудную клетку не сдавливала боль. Когда она, наконец, посмотрела в сторону, я издала едва слышный вздох.

Хочу ли я этого? Вроде глупый вопрос, но правда в том, что меня это не волнует.

Помню только отрывки, которые я могла или не могла сложить в одну картинку. Единственное, что я точно знаю, — это он. *Это же он?* Должно быть, он держал меня в темноте, потому что она пугает меня. Этот парализующий ужас, оставивший меня без сил и способности пошевелить хоть одной конечностью.

И мне не нравится то, что сейчас происходит. Мне нужна свобода, чтобы двигаться без каких-либо ограничений или давления. На самом деле, я почти сошла с ума, когда медсестра впервые помогла мне встать и пойти. Умом я понимала, что она помогает мне оставаться в вертикальном положении, но я не могла справиться с сильным прикосновением ее рук, поддерживающих мою спину.

— Конечно.

Знаю, это то, что она хочет услышать. Но чего-то не хватает, у меня почти не осталось воспоминаний.

— Они хотят, чтобы я работала с полицейским художником-криминалистом.

— И? — продолжает Энн.

— Не думаю, что это сработает. Я не помню, как он выглядит.

— Вы не помните, но, возможно, ваш разум помнит.

— Это бессмысленно, — я смирилась с тем, что она добьется результата.

Вместе с моими воспоминаниями я также потеряла свободу выбора. Мое существование — не что иное, как пассивное передвижение: ем, когда они приносят мне еду, сплю, когда выключают свет. Даже если я и была другой, то не узнаю об этом. Кто я, что я любила, что делала.

Разве это сейчас важно?

Вскоре после нашего сеанса прибыл художник, и в то же время вернулась Энн. Не могу не предположить, что, возможно, она следит за моей палатой. Менее безумная и более разумная часть меня дает логическое объяснение тому, что, вероятно, она работает в полиции, параллельно помогая мне поправиться. Они смогут найти плохого парня.

Художник-криминалист, которого представила Энн, является так же полицейским. Он представляется как Деррик, и я в полной мере оцениваю его со своей кровати. Это типичный белый мальчик со светлыми короткими волосами и голубыми глазами — нет, зачеркните это. У него зеленые глаза. Он высокий, крепкого телосложения и говорит с ленивым, протяжным произношением, что не смягчает его угрожающий вид до тех пор, пока он не улыбается, обнажая совершенно неидеальные зубы. Мне нравится его небольшое несовершенство, и я улыбаюсь ему в ответ.

Во время знакомства заставляю себя пожать ему руку, и, поскольку физический контакт установлен, я широко улыбаюсь Энн, когда крики не вырываются из моего горла. Прогресс, верно?

Деда помогает мне держать больничный халат закрытым на спине, благодаря этому я могу пройти к столу, не демонстрируя всем мои штаны размером с парашют.

Изысканные трусики, новая прическа и уроки самообороны находятся на вершине топа моего списка текущих дел.

Деррик приказывает закрыть глаза и начать с описания всего, что приходит мне на ум.

Но ничего не происходит.

Я закрываю глаза крепче, пока белые пятна не появляются позади моих век, являясь хорошим отвлечением внимания от всей темноты.

— Она умеет рисовать, — вмешивается Деда, обращаясь к Деррику. — Дайте ей это сделать.

Я сомневаюсь, прежде чем открыть глаза и взять карандаш и бумагу у Деррика. Повторяю его слова про себя. Не уверена, верю ли я Деду, но через несколько минут мои пальцы начинают работать, и я понимаю, что действительно умею рисовать. Это сюрреалистичные внетелесные переживания, заставляющие мое сердце стремительно колотиться, отдаваясь грохотом в ушах. Я не позволяю своему разуму заикнуться на том, что делаю, но надеюсь, что мое подсознание считает это правильным.

Сделано. Смотрю на свою работу и вижу знакомое лицо, смотрящее на меня с бумаги. Но страх, который я ожидала обнаружить, когда изучала лицо похитителя, так и не почувствовала. Вместо этого я усмехаюсь и показываю рисунок Деррику, который качает головой, очевидно, явно удивленный. Я улыбаюсь про себя и не могу не предположить, что, возможно, мой изощренный разум на самом деле считает, что Крис Каррабба оставил известность и славу только ради того, чтобы похитить меня. *(Примеч. Кристофер Эндрю Каррабба — гитарист, вокалист и композитор).*

Довольная своим рисунком, швыряю его в сторону и получаю новый лист бумаги, на котором быстро начинаю делать набросок. Деда берет мой рисунок Криса, и я слышу его смешок.

— У тебя всегда была слабость к этому мальчику, — смеется он.

Я была так поглощена своим следующим наброском, что смех Деррика напугал меня. Смотрю на него. Рада видеть, что он не заметил моего внезапного беспокойства.

— Что ты еще можешь нарисовать? — улыбается он мне добродушной улыбкой старшего брата, из-за которой едва успевают ответить.

— Подождите и увидите, — отвечаю я. Мне так интересно, что я снова возвращаюсь к работе.

Через некоторое время начинаю подозревать, что у меня здоровый аппетит к хорошей музыке, когда я вижу глаза Курта Кобейна, появляющиеся из-под моего карандаша. (*Примеч. Курт Кобейн — автор песен, музыкант и художник, наиболее известный как вокалист и гитарист американской рок-группы Nirvana*). Я заметила, как Деррик, сидя рядом со мной, тоже делает зарисовки, в то время как Деда вернулся к своему креслу.

— Где Энн? — спрашиваю я.

— Она была не в восторге от твоих рисунков, — парирует Деда.

Я смеюсь, но останавливаю себя. На самом деле я не помню, как звучал мой смех. Он чувствуется незнакомым, когда вырывается из моего горла.

— Не обращайтесь на нее внимания. Я хочу посмотреть, что еще у вас там, — подмигивает мне Деррик и указывает карандашом на мою голову.

— Не так много, — даже для меня мой тон звучит сухо, поэтому я добавляю ухмылку, не желая нарушать небольшой дух товарищества, что сложился между нами.

Мы продолжаем рисовать, сидя рядом друг с другом, судорожными движениями наших рук, переходя от одного листа бумаги к другому. Мы достаточно близко. Я даже чувствую его дыхание на своей коже, но мы не так близко, чтобы я чувствовала себя неловко. Спокойная тишина охватывает комнату, и я больше не подскакиваю, когда Деррик смеется над нашими художественными зарисовками. Мы, наверное, никогда больше не встретимся.

Здесь весь мир дает мне понимание того, что перед сильной бурей есть затишье, прежде чем она уничтожит все на своем пути.

Когда дело доходит до бекона, ни мой возраст, ни уровень холестерина не являются показателями для отказа. Ни один взрослый человек не может устоять даже перед одним только запахом.

Смотрю, как масло брызжет из сковороды на плиту, и думаю о своей жене, которая находится наверху. Моя возлюбленная все так же красива, как и в тот день, когда я встретил ее тридцать семь лет назад, нам тогда было не больше двадцати. Ее руки такие маленькие, что помещаются в мои, как если бы они были созданы только для меня. Когда она склоняется ко мне, ее голова находит изгиб моей шеи, и она считает это самым удобным местом на земле. Она есть и всегда будет моим сердцем, моей родственной душой.

Бекон шипит, стреляя горячим жиром на мою руку. Поморщившись, я переворачиваю его и засовываю два куска хлеба в тостер. Иду к холодильнику и наливаю в высокий стакан апельсиновый сок, в это же время выскакивает тост, прося намазать его маслом. Вытираю излишки жира от бекона и выкладываю его на тарелку.

Он совершенен и готов для моей девочки.

Осторожно стучу в дверь комнаты, которую мы делим с тех пор, как переехали в этот дом тридцать пять лет назад. Дверь скрипит, когда я открываю ее, и, входя в нашу комнату, встречаюсь с тихим храпом жены. Моя девочка спит крепко, но все же я тихонько подхожу к ней. Осторожно, чтобы ничего не пролить, я ставлю тарелку на тумбочку возле кровати и сам остаюсь здесь же.

Наклонившись, целую ее в лоб, как делал это бесчисленное количество раз за все время нашего брака. Почувствовав, что она открывает глаза, я уклоняюсь в сторону так, чтобы поднять ее.

Она прекрасна.

Она смотрит на меня с улыбкой в глазах, хотя губы постоянно сердито сжаты. Открывает рот, чтобы ответить, но еще рано — ее мозг пока не готов к работе.

— Я приготовил тебе завтрак.

Она бормочет, путая гласные и согласные, что делает ее речь не понятной для всех, кроме меня. Я ее понимаю. Я всегда ее понимаю. У нас есть наш собственный язык, в который никто больше не посвящен.

— Да, твой любимый, — повторяю то, что она сказала мне, чтобы облегчить путаницу, которую она испытывает из-за нарушений мозга. — Бекон и тосты, — придерживаю ее спину, таким образом, что она может поесть.

Я помогаю ей, направляя еду ко рту, только останавливаюсь для того, чтобы она могла понемногу пить сок. После того, как она поела, вытираю ее лицо, чтобы поцеловать губы, больше ни к чему не чувствительные. Она закрывает глаза, концентрируя свои движения так, чтобы смочь коснуться меня. И она это делает. Это отрывистое движение без особого

контроля, но оно полно любви, поддерживающей меня.

— Мой Мандо, — говорит мне она на нашем языке.

— Моя Эрика, — отвечаю я, поднося ее руку к губам.

Когда она готова, я помогаю ей подняться с кровати, чтобы мы, шаркая, могли дойти до ванной. Я поддерживаю ее, пока она раздевается и идет в душ. Держась за ручку, Эрика становится на резиновый коврик, который я положил на пол. Ей не нравится, когда я нависаю над ней, поэтому, как только уверен, что она в порядке, покидаю ванную и жду ее в нашей кровати. Она упивается маленькой независимостью, которую находит в душе. У меня поджилки трясутся, я переживаю, что она может упасть, но все равно должен ей дать немного свободы.

Она не всегда была такой. Когда-то моя Эрика была яркой, полной цвета и движения, эксцентричной, веселой и доброй. Ее улыбка могла размягчить самое черствое сердце, как это было со мной. Люди хотели быть рядом с ней, чтобы увидеть ее, поговорить с ней. Те люди, которые просто хотели находиться в той же комнате, что и она, давно в прошлом, забыты.

Вот такая жестокая жизнь. Та рука, что вытирала слезы, поддерживала других в их горе, теперь имеет только одну опору. Для меня этого достаточно, и я надеюсь, что и ей меня достаточно тоже.

Моя кровь вскипает, когда я думаю о тех, кто не принимал сущность Эрики. Неважно, что они заплатили свою собственную цену. Это не имеет значения, потому что они никогда не узнают, как моя девочка страдает, или как сильно я страдаю ради нее.

Поскольку я не могу навредить им, то сделаю больно девушке, сумевшей скрыться. Я верну ее обратно и буду издеваться над ней еще сильнее, чем до того, как она совершила побег, оставив меня не завершившим свою месть.

Физиотерапия ужасна. Как будто из твоего паха выходит нож тупой стороной, причиняя невыносимую боль. Но я должна через это пройти. Если говорят делать, то я делаю. Я смирилась с этим и добровольно подвергаю себя боли, настолько мучительной, что ничего не могу вспомнить. Вспомнить? Я не могу вспомнить ничего, кроме боли. Забавно, не так ли?

Единственное, что хоть немного сравнимо с физиотерапией, так это мои занятия с Энн. Она вторгается, заставляя меня чувствовать, будто она копается в моем мозгу, пачкая его своими грязными пальцами. Но я смеюсь над ней, потому что до сих пор не помню, что произошло за последние двадцать четыре года моей жизни. Моя жизнь началась, когда я открыла глаза в больнице.

Я слышала, как она сообщает Деду и моим врачам о том, что я страдаю от посттравматического стрессового расстройства. *(Примеч. тяжелое психическое состояние, которое возникает в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, как, например, участие в военных действиях, тяжелая физическая травма, сексуальное насилие либо угроза смерти)*. Энн придется продолжить наблюдать меня в течение месяца, прежде чем она сможет правильно поставить диагноз, но надеяться надо на то, что мои воспоминания вернутся только тогда, когда я буду готова вернуть их. Понятия не имею, что это на самом деле значит, но не думаю, что у нее что-нибудь получится.

Что, если это все походит на какой-то банальный фильм, где героиня, то есть я, вспоминает все только перед финальными титрами? Это произойдет, как вспышка света, она вдруг поймет, что готова открыть разум своему прошлому? Что, если мое будущее не составят воспоминания о моем прошлом, и карма позволит плохому парню обойтись без каких-либо последствий или возмездия?

Несмотря на это, каждый день Энн приходит ко мне дважды. В основном мы работаем над тем, что она называет когнитивной реструктуризацией, которая не напрягает меня, так как мне не так много надо реструктурировать. В конце концов, мой мозг — чистый лист. Мы также работаем над методами релаксации, которые состоят в основном из медитации и дыхания. *(Примеч. распространенная форма психотерапии, основанная на предположении, что причины психологических проблем и нервно-психических расстройств человека кроются в ошибках мышления, и направленная на изменение нелогичных или нецелесообразных мыслей и убеждений человека, а также дисфункциональных стереотипов его мышления и восприятия)*.

Но ничего не получается. Кроме того, что я ничего не помню, у меня также есть приступы панической атаки, мучающие мое тело, оставляя меня в дрожащем состоянии. Иногда они случаются так внезапно, что у меня нет возможности контролировать их, и мне становится хуже от понимания того, что единственное успокоительное для меня, — это

укол. С помощью Энн я нахожу мои спусковые механизмы, которые, в свою очередь, помогают мне управлять ими, по крайней мере, в теории. Я еще ни разу не видела, как это работает в реальной жизни. В основном мои спусковые механизмы — это любой человеческий контакт, кроме Деда и темноты. Другими словами, если бы я была вампиром, то потерпела бы неудачу.

Сегодня Энн будет проводить свое занятие терапией в моей больничной палате с двумя из моих друзей, которые, по-видимому, рады меня видеть. Я стараюсь почувствовать то же волнение, но только от понимания этого мое сердце учащенно колотится, а голова так сильно болит, что я уверена — она взорвется. Закрыв глаза, сосредотачиваюсь на дыхании, как научила меня Энн, пока разумное спокойствие не окружает меня, и подергивание в правой руке не утихает. Все это время Энн зорко следит за мной, как ученый за клеткой с лабораторными крысами. Возможно, следующим моим приобретением будет маленькое колесо для бега.

Через несколько минут, когда мои нервы, наконец, успокаиваются, приходят Эмбер и Стефани. Дыхание перехватывает в горле, когда вижу их, и я выдавливаю улыбку на лице. Игнорирую холодный пот, бегущий по моей спине, пытаюсь произвести лучшее впечатление, пока мое дыхание не сбилось.

Высокая блондинка, с серыми глазами и плотно сжатыми губами, представляется, как Эмбер, в то время как Стефани стоит позади возле двери. Я знаю, что это неловко для всех нас, поэтому пытаюсь улыбаться более убедительно. Наконец, Стефани — та, что с каштановыми волосами и голубыми глазами — подходит ко мне ближе. Это действительно несправедливо, что Стефани, будучи на несколько сантиметров выше меня, выглядит как модель, при этом лучше, что можно сказать про мою новую прическу, так это «мило».

Мне нравится моя новая стрижка, хотя я с трудом сдерживаюсь, чтобы не потрогать ее. Девушка, которая привела в порядок мои волосы, смогла сохранить большую часть длины, но добавила несколько оттенков, чтобы скрыть поврежденные участки. Мой натуральный цвет она дополнила едва различимым оттенком красного с медово-светлыми прядями. Я не супермодель, но моя стрижка — небольшой аспект моей жизни, доказательство того, что у меня есть некоторый контроль над ней, в отличие от моего живота, урчащего в знак протеста, тем самым действуя на нервы, что я упорно пытаюсь игнорировать. Накрываю свою руку хлопчатобумажной больничной простыней, чтобы скрыть подергивания пальцев.

Спокойствие, напоминаю я себе. Дышать. Вдохнуть, выдохнуть. Я держу глаза открытыми, с улыбкой на лице, пока повторяю слова в голове.

— Так ... — блондинка говорит первая.

Эмбер, кажется.

Она сидит на моей кровати, и я заставляю себя оставаться на месте, иначе начну оскорблять ее, поскольку она вторгается в мое личное пространство.

— Чем ты здесь занимаешься?

Я? Ой, вы знаете, болезненной физиотерапией, которая мало чем отличается от медленной смерти, но напоминает мне, что я все еще жива.

Я тут не потому, что вдруг забыла, как ходить, забыла все остальное. Это из-за травм, которые получило мое разбитое колено, пока я была в плену или тогда, когда убегала. Мне уже пришлось пережить одну операцию, теперь жду, чтобы услышать, необходима ли вторая. Если нет, то мои врачи отправят меня в реабилитационный центр к концу недели, таким образом, мое выздоровление будет проходить быстрее, и я так же смогу восстанавливать

силы.

Терапия, терапия, много терапии.

Единственное время, когда я на самом деле чувствую себя нормально, это когда рисую или занимаюсь живописью. Особенно мне нравится, когда приходит Деррик и рисует вместе со мной. Мы уже махнули рукой на то, что я смогу дать ему описание моего похитителя, но он все равно приходит практически каждый день.

— Ничем особенным, — отвечаю я, пожимая плечами. — По крайней мере, ничем интересным, — отвожу глаза, не в силах посмотреть на Эмбер. — А что насчет тебя? — напряжение в комнате увеличивается с каждой молчаливой секундой между нами.

— Как всегда, — отвечает с улыбкой Эмбер, как будто я должна знать, о чем она говорит. — Шопинг, вечеринки, свидания. На самом деле у Стеф свидание с Шоном, мы его знаем с начальной школы, ты помнишь его?

Бросаю взгляд на Эмбер и киваю головой, так что она продолжает говорить, а я молчу.

— Это ненадолго, — добавляет Стефани, закатывая глаза.

— Стеф не изменилась с тех пор... — Эмбер сомневается, но, откашлявшись, продолжает: — Что ж, самые длинные отношения у нее длились месяц.

— Мне становится скучно, — улыбается Стефани.

— Шлюха, — отвечает Эмбер, смеясь.

Не знаю, что делать и как реагировать. Я смотрю в направлении Энн, но ловлю ее за тем, что она что-то записывает в свой тупой блокнот. Сопrotивляясь натиску слез, которые грозятся вырваться, я сосредотачиваюсь на стене, расположенной в другом конце комнаты, пока мои друзья продолжают свой безобидный стёб. Я бы хотела принять участие, но не знаю, какова моя роль в их компании, так что просто сижу тихо.

Когда Деда заходит в комнату, они приветствуют его объятьями, и это немного успокаивает меня. Любой, кто добр к Деду, зарабатывает одобрение от меня. Он занимает свое привычное место на моей кровати, оставив Эмбер стоять рядом, — я не против. Лучше пусть Деда будет рядом со мной, чем кто-либо другой.

— Приятно видеть всю компанию вместе, — при виде нас троих глаза у Деды сияют.

Мы улыбаемся друг другу. Затем я чувствую это. Что-то есть между нами. Мы больше, чем просто друзья, или мы когда-то были ими. Было бы неплохо, если бы мы могли вернуться к дружбе, которая у нас была.

— Вы как бомбы замедленного действия, — продолжает он, взяв меня за руку. — Всегда находите неприятности.

— Какие неприятности? — мне хочется знать.

Деда снова смотрит на Стефани и приободrivшуюся Эмбер.

— В наш первый год, в средней школе, мы пошли в поход с кучей других ребят, тогда кто-то принес спиритическую доску. Стеф не хотела играть ...

— Неправда! — прерывает она.

— Не важно. Ты испугалась, — продолжает Эмбер.

Я хихикаю.

— В любом случае, прежде чем начать, мы решили сделать так, как будто в тебя кто-то вселился, и мы с ним связались.

— Одержимая бесами? — слышу хихиканье и потрясена, когда понимаю, что хихикаю я.

— Да, — кивает Стефани. — В то время как несколько из наших друзей задавали

вопросы о призраках, ты начала биться в конвульсиях и что-то бормотать. Ты шокировала абсолютно всех.

— Одна девочка начала плакать.

— Мы до сих пор ей не нравимся, — добавляет Эмбер.

— Люди на это купились? — спрашиваю с насмешкой.

— Ты не полная задница, Холли. Ты хотела всех убедить в том, что ты была одержима, и ничто не могло тебя остановить.

Все еще смеясь, Стефани вытаскивает свой телефон и протягивает его мне, показывая фотографии, где мы втроем на протяжении многих лет. Есть очевидные изменения в росте, возрасте, моде, но одно остается неизменным на каждой картинке: мы всегда улыбаемся не вымученной улыбкой, которую я сейчас выставила на всеобщее обозрение, а настоящей.

— Мы знаем друг друга давно, — рассуждаю я.

— С тех пор, как были детьми, — соглашается Эмбер. — Наши мамы были лучшими подругами со школы, и, когда мы появились, они убедились, чтобы мы тоже стали подругами.

Я хочу спросить их о моей маме, что они знают о ней, что-нибудь лично для меня, но воздерживаюсь из-за Деды.

Вместо этого я обращаю свое внимание на Стефани, блуждающую на моей странице в Facebook, созданной несколько лет назад. С любопытством я забираю свой телефон обратно и встречаюсь лицом к лицу с теми, кто находится онлайн. В течение многих месяцев люди оставляли сообщения на моей странице, прося меня вернуться, молясь за мою безопасность, вспоминая забавные моменты, которые мы провели вместе, с размещением фотографий.

Я скучаю по тебе!

Возвращайся скорее домой. Без тебя все не так.

Любви тебе тонну!

Все время молюсь за тебя!

Я никогда не забуду хорошие времена!

Стихи, фотографий, сообщения о молебнах, обновления из местных источников новостей — их становится слишком много. Просмотрев все, я дрожащей рукой возвращаю телефон Стефани.

Не заботясь о том, что я могу показаться ненормальной двум моим лучшим друзьям, являющимся такими же виртуальными незнакомцами, закрываю глаза, глубоко вдыхая, надеясь, что тревога спадет. Я пробегаю руками по лицу, в то время мое сердце продолжает заходиться с каждым вдохом и медленным выдохом. Моя слюна густеет, что делает ее неприемлемой для глотания, тогда как желчь поднимается к горлу и обжигает его. Я заставляю себя проглотить ее и возобновляю технику дыхания, как учила меня Энн.

Я знаю признаки и борюсь с приближающимся приступом паники, только наполовину веря, что выиграю эту внутреннюю битву. Мои руки становятся липкими от пота, поэтому держу их подальше от Деды, когда он пытается взять их в свои. Мне нужно сделать это. Мне нужно успокоиться самостоятельно.

С закрытыми глазами я начинаю с правой ноги, напрягаю ее и вдыхаю, считаю до пяти, прежде чем отпустить напряжение и выдохнуть. Я опять возвращаюсь к правой ноге, напрягаю ее и вдыхаю.

Один.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

Расслабляю ногу и выдыхаю.

Затем все это я повторяю с левой ногой.

Я концентрируюсь на каждой мышце, на напряжении, наделяющем мое тело.

Делаю так со всем телом: руки, живот, грудь, плечи, шея, а затем лицо.

Я не торопясь открываю глаза и сразу же жалею об этом. Температура в комнате упала, и я дрожу, а мои друзья наблюдают за мной. Медсестра стоит сразу за ними, держа в руках шприц, готовый проколоть поверхность моей кожи. Пот струйкой стекает по груди, я не могу объяснить, что делаю, поэтому закрываю глаза.

Мои глаза вновь закрыты для мира, дрожь продолжает настегать мое тело, пока я не теряю контроль. Холодная и горячая, не зная, что делать дальше, я ухожу в себя и слышу далекий голос, взывающий ко мне, напевая. Но голос не приносит мне никакого утешения. Ужас и страх — вот что он напоминает мне. Темнота, цепи, голод, грязь, боль — это все, что обещает мне этот голос. Потому что я это заслуживаю. Он мучил бы меня каждый день до конца моего существования из-за того, что я сделала с ним. Его голос разносится повсюду вокруг, пока он не проходит через меня, став такой же частью меня, как кровь в моих венах.

Его голос причиняет мне боль, которую невозможно терпеть. Руками закрываю уши и кричу, когда резкая боль в моем плече заставляет меня остановиться. Теплые потоки свободно текут по моим венам, согревая меня изнутри. Боль медленно отступает, и я погружаюсь в кромешную темноту, небольшая часть меня приветствует это. По крайней мере, во сне я могу избежать суровой реальности.

Хотя я не сплю, глаза закрыты. Слушаю, как Энн говорит с Дедой. Я убеждаюсь, что дыхание остается ровным, поэтому они думают, что я все еще сплю, и прислушиваюсь к Эмбер и Стефани — надеюсь, что они ушли после того, как я опозорилась.

— Я думаю, что пора начать давать ей успокоительные, — предлагает Энн.

Она настойчива в своем предложении, но, как и все остальные, оставляет решение за Дедой. Он, может быть, и добрый человек, но требует к себе уважения, которого было бы глупо не проявить.

— По крайней мере, до тех пор, пока она не сможет справиться сама.

— Она бы продолжала видеться с вами, даже когда принимает лекарство, — это не вопрос, но Деда дает ей возможность ответить.

— Да, конечно. Ее сеансы терапии со мной абсолютно необходимы для ее общего состояния. Физиотерапия даст ей силы, а трудотерапия повысит ее уверенность в себе. Все это — в сочетании с ее рисованием с Дерриком — хорошо для ее эмоционального благополучия.

Я закрываю глаза плотнее, желая не подслушивать. Не могу поверить, что лгала себе, считая, что Деррик мог бы стать другом, в то время как я была его благотворительной

миссией. Бедняжкой, потерявшей в собственном рассудке, нуждающейся в помощи и благотворительности, которые только могла получить. Жаль, что для этой партии столик только на одного.

Нет, не жаль. Этого вы от меня не дождетесь. Выйти из больницы и завершить реабилитацию — это мои единственные цели. Я должна привести свою жизнь в порядок, так, чтобы у меня была жизнь, за которую не нужно волноваться. Я должна стать сильнее. Сильнее как умственно, так и физически, так что могу рассчитывать только на себя, без каких-либо таблеток и без благотворительного типа дружеских отношений.

— Ты можешь открыть глаза, Холли.

Слышу голос Деда, но мне слишком стыдно смотреть ему в глаза. Я ненавижу то, во что превратились мои дни. Ненавижу то, как сильно наслаждалась компанией Деррика. Ненавижу время, что мы проводили вместе, чтобы узнать, что это было сделано из-за доброты душевной, а не из-за нашей дружбы.

— Холли, — говорит он снова.

Я открываю глаза.

— Если ты не хочешь принимать таблетки, то тебе не придется, но, по крайней мере, подумай об этом. Твой доктор думает, что это поможет тебе.

Я мотаю головой и кусаю нижнюю губу, чтобы сдержать слезы.

— Это не так, — говорю я, как только, наконец, обретаю дар речи. — Ничего, Деда. Просто я такая глупая.

— Ах, так это что-то девчачье, — с огоньком в глазах он подмигивает мне. — Судя по выражению твоего лица, что-то произошло, и это задело твои чувства.

Улыбка появляется на моем лице, но из принципа я кашляю, пытаюсь скрыть смех. Какой принцип — я не знаю, но он есть.

— Мне надо удостовериться, что все не так скверно, — Деда дергает меня за плечо.

Я уступаю смеху, клопочущему внутри меня.

— Мне казалось, что Деррик и я были своего рода друзьями, — дуюсь я. — Думала, что он приходил ко мне, потому что он этого хотел, а не потому, что я нуждаюсь в подачках.

— Кто сказал, что ты нуждаешься в подачках? — хочет знать Деда. — Нет, внученька, это не так.

Я скептически смотрю на него и закатываю глаза.

— Это не то, что сказала Энн.

— Я не слышал, как она говорила что-то о Деррике и о том, что он приезжает сюда по какой-то причине. Я предполагаю, что он приходит в свое свободное время, потому что этого хочет. Он любит рисовать с тобой и, вероятно, любит, когда вы проводите время вместе. Ты на него запала? — брови Деда вздернулись.

Я краснею.

— Нет, я на него не запала. Он милый и все.

— И симпатичный, — прерывает Деда.

Я снова смеюсь.

— Да, конечно, но я не хочу с ним встречаться. Мне просто понравилось иметь друга, который приходил, потому что этого хотел. Энн сказала, он помогает мне рисовать только в качестве терапии, так... — я затихаю, мой голос превращается в мольбу, когда делаю паузу, не зная, что еще сказать. Я отвожу глаза, неуверенность объединяется с моей глупостью и инфантильностью.

— Он приходит, потому что вы друзья. Ничего более.

Я киваю головой и вздыхаю. Даже если у Деррика имеются скрытые намерения, то, по крайней мере, у меня есть еще кто-то, кроме Деды, кто принимает мое сумасшедшее великолепие. Или, по крайней мере, я думаю, что принимает, так как он не рванул на выход во время одного из моих приступов.

Прошел почти месяц с того момента, как меня нашли в лесу. Проведя две недели в больнице и полторы в реабилитационном центре, я, наконец, свободна. Возможно, это просто мое воображение, но могу поклясться, что воздух вокруг меня вибрирует, будто знает, насколько важен для меня сегодняшний день. Я добровольно покидаю больницу в своей собственной одежде. Не буду лгать. Было время, когда я была почти уверена, что закончу тем, что окажусь в комнате с мягкими стенами и в смиренной рубашке.

Это было рискованно, но после наших ежедневных встреч Энн решила сократить количество сеансов до одного раза в неделю. Небольшой, но все-таки прогресс. Я постоянно чувствую себя так, будто нахожусь на грани панической атаки, однако справляюсь с ней. На самом деле, я с нетерпением жду встреч с Энн. У нее нет всех ответов, но она проницательна и пытается помочь мне.

Я просто надеюсь, что не буду одним из тех пациентов, кто разочарует ее. Знаю, как сильно Энн хочет, чтобы я все вспомнила, но не знаю, как заставить мой мозг вернуть воспоминания.

По ее совету я начала вести дневник. Приятно записать свой распорядок дня, так что у меня теперь есть с чем оглядываться на прошлое. Конечно, это банально, и мне не хватает азарта, но я смирилась с этим. Я не против того, что каждое утро буду просыпаться в шесть, зная, что остальная часть дня уже распланирована. В предсказуемости есть стабильность.

И так слишком много непредсказуемости в моей вновь обретенной свободе. Все же я добилась успеха.

Сжав кулаки, Деда и я покидаем центр реабилитации. Нет никакого грандиозного праздника, только небольшое волнение и улыбки. Черт, медсестры, наверное, рады видеть, что я уезжаю, ведь теперь им не придется иметь дело с репортерами или круглосуточной необходимостью ограждать меня от СМИ. До сих пор не знаю, почему они находят меня или мою историю, или отсутствие таковой интересной. Несомненно, я пропала без вести, но люди все время пропадают. Предполагаю, что отличие моей истории заключается в том, что я сбежала.

Деда делает все возможное, чтобы оградить меня, но его хилое тело не в состоянии защитить меня от холода, свежего воздуха или репортеров, жаждущих заполучить мою историю. Я стараюсь быть сильной, когда Деда ведет меня к своему грузовику, позволяя СМИ получить фотографии отчаянной, раненой женщины, которая не может вспомнить свое имя. Независимо от вмешательства полиции, они следуют за нами к грузовику, пытаюсь собрать малейшую крупицу информации, которую они смогут превратить в заголовок. Я считаю шаги к грузовику и посылаю полицейским благодарную улыбку, когда Деда без каких-либо проблем открывает дверь.

Я пристегиваюсь ремнем безопасности и облокачиваюсь на окно, при этом

оглядываюсь назад на центр реабилитации. Персонал был хорошим, и терапия мне помогла — пока боль и дискомфорт действительно больше не беспокоили меня. Были любопытные зеваки, которые слышали мою историю и которые раздражали меня. Но с этим покончено, по крайней мере, почти.

Это — настоящее шоу на парковке. Только я в этом шоу и пони, и собака.

Деда молча выезжает с парковки, пока полиция формирует живой барьер, чтобы помешать СМИ следовать за нами. Я смотрю из окна, наблюдая в боковом зеркале, как исчезает город, и мы едем в дом Деда. Нет, не в его, а наш дом.

Деда сказал мне, что мы живем в местности, такой далекой от цивилизации, что единственные, кто приезжает туда — это сезонные охотники. Думаю, мне повезло, что я оказалась в лесу Деда во время сезона охоты на оленя. На самом деле, я удивлена, что охотники от злости не стреляли в меня, потому что я испортила им охоту.

Но это в прошлом, и, учитывая неудачу в восстановлении моей памяти, я решила, что мое прошлое не имеет значения. Если бы было, то я бы помнила, верно?

Белый фургон следует за нами по другой полосе дороги, и я слышу, как Деда ругается себе под нос. Оглядываюсь на него, пытаюсь выяснить, почему он так расстроен, однако он не спускает глаз с дороги и с зеркала заднего обзора. Я оборачиваюсь, чтобы лучше рассмотреть фургон, и вижу фигуры двух мужчин. У того, что за рулем, на голове кепка и солнцезащитные очки. Пот начинает струиться по шее, я смотрю на Деда широко открытыми глазами, и кровь громко пульсирует по всему телу.

— Это ребята из новостей, — пытается он успокоить мое нервное постукивание зубов.

Но это не помогает.

— Остановись, — шепчу я, облизывая языком пот над верхней губой.

Не медля, Деда останавливается на обочине, и я тяну дверную ручку так сильно, что выпадаю из грузовика. Я только смогла сделать несколько шагов, прежде чем меня вырвало на новую пару ботинок, которые купил мне Деда. Мои ноги трясутся и очень сильно устали. Опираюсь рукой о капот грузовика, чтобы сохранить устойчивость. Ожидаю, что Деда, моя скала, подойдет ко мне, чтобы помочь, но, когда этого не происходит, я озираюсь и вижу, что он пытается отобрать видеокамеру у мужчин в фургоне.

Набираюсь сил и, хромя, направляюсь к ним. Подойдя, я опираюсь рукой на плечо Деда, сжимаю и говорю:

— Деда, все хорошо. Давай просто пойдем.

Несмотря на то, что страх, настигший меня ранее, все еще подавляет, я, держа спину прямо, поднимаю дрожащий средний палец двум мужчинам, которые продолжают снимать нас. Деда хихикает и отводит меня назад к своему грузовику. Делаю несколько глубоких вдохов, в то время как он идет к водительской двери и открывает ее.

Мне становится стыдно за свою реакцию, но я не позволю стыду взять надо мной верх. Не думаю, что для него есть место в условиях страха и тревоги. Но они сделали это. Те двое мужчин, все СМИ — они все сделали это. Они вытолкали, вырвали и вторглись в каждый сантиметр моего личного пространства, пока я не могла справиться с этим. Если кто и должен быть смущен, так это они.

Деда поворачивает назад на дорогу, а я кладу голову на спинку своего сидения. Уже измученная дневными происшествиями, я наблюдаю, как деревья пролетают мимо нас. Яркое голубое небо простирается перед нами, вдоль дороги, сквозь деревья и вокруг нас. Облака исполосовали открытое небо. Они легкие и красивые, немного потемневшие. Между

нами повисает тишина, и мне интересно, каким будет мое будущее.

Деррик продолжал посещать меня, и я больше не думала ни о каких скрытых мотивах. Мы друзья, и мы общаемся — конец истории. Мы привыкли спокойно сидеть рядом друг с другом, рисовать на наших листах бумаги, однако уровень нашей дружбы повысился на несколько отметок. Теперь мы корректируем рисунки других, настаивая, что улучшаем их работу. Это приятно, поскольку лишь немногие из моих друзей навестили меня. Никто не вернулся после осознания того, что я не знала, кем они были. Думаю, моя потеря памяти больше напрягает их, чем меня или Деда, но я не злюсь.

Хотя, честно говоря, я не могу злиться на Эмбер или Стефани за то, что они больше не приходили. Я повела себя перед ними не очень хорошо. Будь я на их месте, то тоже бы не хотела себя видеть.

Чем ближе к дому, тем меньше цивилизации. Мы окружены деревьями и грунтовыми дорогами со случайно проезжающим мимо грузовиком. Поскольку деревья становятся гуще, я борюсь с головокружением, которое возникает от удовольствия и страха. Я принимаю решение игнорировать страх и сосредотачиваюсь на приятном. Визуализируя пространство, открытые просторы и свободу, которую она предлагает, я пытаюсь представить себя ребенком, блуждающим по лесу, не беспокоясь по поводу опасностей, таящихся в темноте.

Когда мы подъезжаем ближе, Деда указывает на наш дом, и я вижу фигуру, стоящую рядом с ним, облокотившуюся на белый пикап. Я не готова к встрече с незнакомцем, сердцебиение становится неравномерным — не думаю, что мое тело выдержит. К сожалению, мой язык стал толще, лишая меня возможности предупредить Деда о зле, которого я не могу помнить.

К счастью, Деда знает меня лучше, чем я знаю себя. Он хватает меня за руку и ободряюще сжимает.

— Это всего лишь Деррик, — его собственные глаза округляются от того же страха, что охватил меня.

Я улыбаюсь ему, сжимаю его руку и слушаю его устойчивое дыхание, заставляя свое замедлиться и стать более размеренным. Звук дыхания Деда успокаивает меня больше, чем какая-либо другая техника, которой я научилась у Энн.

Деда медленно подъезжает, давая мне достаточно времени, чтобы перегруппироваться, прежде чем я выберусь из грузовика. Деррик встречает меня объятьями, что в дальнейшем облегчает мою нервозность.

— Скучал по мне, правда? — спрашиваю я у него.

— Неправда, — он морщит нос. — Но у меня есть подарок для тебя от меня и твоего Деда.

Деда улыбается ему улыбкой, полной тайны и озорства, и затем зовет Деррика следовать за нами в дом.

— Я называю это чушью собачьей, — говорю я, бросая на Деда извиняющийся взгляд за мой болтливый язык.

— Не смей краснеть при мне, девочка, — смеется Деда. — Я слышал словечки гораздо похуже, выходящие из этого грязного рта.

Я оставляю Деда и иду, наконец, осматривать наш дом. Он огромный, как плантация-усеянная-умершими-родственниками-преследующими-нас. Я убежала домой так быстро, насколько позволили мне мои давние травмы. Рассматривая дом, я рада видеть, что его внутренняя часть столь же историческая, как и снаружи. Интересно, навестят ли меня мои

умершие родственники сегодня ночью и дадут мне ключ к разгадке относительно того, кем я была, к чему стремилась и кем хотела стать? Возможно, я унаследовала свои таланты от одного из них, и они могли бы нарисовать точный портрет моего похитителя.

Я озираюсь, стараясь ничего не задеть, и просто осматриваю свой дом. Высокие потолки с различными люстрами украшают каждую комнату. Я иду по коридору до столовой, которая намного больше, чем необходимо, с сервантом, вмещающим большие тарелки и столовое серебро, в чем, вероятно, мы нуждаемся. Рядом со столовой находится гостиная, являющаяся, очевидно, центром дома. Диваны кричат о комфорте, в то время как журнальные столики требуют уважения к своей изысканности. Небольшой вдох наполняет мои легкие, когда я вижу камин, и перед глазами мелькает картина, где я сижу на диване, читаю книгу, в то время как в камине горит огонь.

— В твоей комнате тоже есть камин, — говорит мне Деда.

Мои глаза становятся дикими от волнения, дыхание учащается. Мне не терпится узнать, где моя комната.

Деда приводит меня наверх в мою спальню, и он прав: изысканный камин украшает мою комнату — немного радости, скрывающей вездесущее горе. Это так прекрасно, что я начинаю плакать, крупные слезы текут по щекам.

— Она любила эти каминные, с тех пор как была маленькой девочкой, — объясняет Деда Деррику.

Я трогательно улыбаюсь ему, потому что действительно сожалею о своем поведении. У меня не хватает сил справиться с эмоциями и обуздать их. Деррик по-дружески похлопывает меня по плечу, давая понять, что он со мной, несмотря на то, что я ходячая катастрофа. Я хвалю себя, что не обращаю внимания на его прикосновения, как делаю каждый раз, когда кто-то прикасается ко мне. Думаю, самое подходящее время для физического контакта — это когда я чем-то эмоционально занята.

Отворачиваюсь от него и осматриваю свою комнату, надеясь хоть на какое-то воспоминание. Веселое, грустное — не важно. Это желание знать свое прошлое — тайна, запертая внутри. Вся напряженность этой ситуации отражается на лице Деды, и я хочу оградить его от своих губительных потребностей. Потому что это правда, даже при том, что я знаю Деду меньше месяца, но уже люблю его. Так что я держу свои секреты при себе, но по-прежнему полагаюсь на свою веру в неосознанное и надеюсь, что буду помнить не мое похищение, а все остальное. Я хочу помнить этого человека — этого замечательного, доброго, нежного человека, чье терпение и любовь ко мне безграничны. Его глаза не могут замаскировать такую глубокую печаль, и я боюсь, что он никогда не перестанет страдать.

Стараясь не обращать внимания на две пары глаз, наблюдающих за мной, я оцениваю свою комнату и сажусь на полу перед большой музыкальной коллекцией. Беру по одному свои альбомы, изучая музыку и пытаюсь вспомнить, что я слушала, а затем возвращаю их на свое место, где они разделены по жанрам. Хочу остаться наедине со своей музыкой. Так, чтобы я могла слушать каждую песню, сидя на своей кровати; мне кажется, в прошлом я именно так и делала.

Нехотя покидая свою комнату и ценности, которые нашла, я следую за Дедой и Дерриком, спускаясь по лестнице, чтобы съесть уже приготовленный для нас ужин. Интересно, а кто для Деды готовит и убирает? Не могу представить, как можно убирать такой большой дом. От этого нелепого предположения мои глаза распахиваются.

— Деда, — говорю я. — А я когда-нибудь убиралась в этом доме?

Деда, маленький и хрупкий на вид, настолько громко хохочет, что моя голова дергается назад. Его глаза оживляются, когда он держится за живот.

— О, Холл, ты ничуть не изменилась.

Я улыбаюсь, видя удовлетворение в глазах Деда и его улыбке.

— Ты заставлял меня убирать этот громадный дом? — подстрекаю я его, не желая видеть, как у дедушки исчезает первый признак настоящей радости.

— Это делала твоя мама, — хихикает он. — Ты училась в средней школе, тебе было шестнадцать или семнадцать. И ты нарушила свой комендантский час и пришла домой настолько пьяной, что не могла подняться на крыльцо.

— Итак, она заставила меня убраться в наказание? — спрашиваю я, удивленная историей, которую не могу воссоздать.

— Да, это она и сделала. Она тогда дала домработнице выходной, — подмигивает мне Деда, ласково обняв рукой и губами прижимаясь к моему лбу в нежном поцелуе. — Затем она выпустила твою собаку, позволила ей вывалиться в грязи, а потом впустила ее в дом.

— Она не могла этого сделать! — кричу я, оценивая чувство юмора моей мамы. Догадываюсь, что жили мы весело.

Мое сердце болит за нее. Осознание ее смерти, наконец, ударяет по мне, просачивается в мою душу, но я не позволяю себе расстраиваться, так что счастье Деда не угасает. Жаль, что я не могу вспомнить маму, ее аромат, голос, лицо, теплоту ее рук, утешающих меня. Мне нужно что-то, что-либо, что сделало бы ее настоящей.

— Ты это заслужила. Но она умудрялась помогать тебе после того, как ты прекращала жаловаться.

— Держу пари, тебе понадобилось время, чтобы перестать жаловаться, — дразнит Деррик.

Я хмуро гляжу на него, хотя он, вероятно, прав. Деда, соглашаясь, смеется.

— У меня для вас кое-что есть, — напоминает ему Деррик.

Когда Деда кивает головой, Деррик идет к своему грузовику, чтобы что-то взять.

Не хочу спрашивать, но мне нужно понять. Это часть меня, поэтому я должна знать.

— Деда, что случилось? — спрашиваю я напрямую. — Я про маму и папу.

Деда вздыхает. Агония поражает меня с полной силой, и я жалею, что не могу забрать свои слова обратно. Я иду за ним к дивану, он не торопится присесть. Я не должна была ничего говорить. Но я хочу знать. Черт возьми, я должна знать.

Я прижимаюсь поцелуем к щеке Деда, впитывая слезу, сажусь рядом с ним и позволяю ему взять меня за руку, надеясь, что этот жест даст ему немного комфорта.

— Это произошло за четыре месяца до того, как ты исчезла, — начинает он.

Мое сердце на мгновение прекращает биться. Сердцебиение возвращается только от болезненного понимания того, что Деда потерял за такой короткий срок. Я сжимаю его руку, не в состоянии сказать ему, чтобы он не продолжал.

— Твоя мама любила проводить время наедине с твоим отцом, раз в месяц она заставляла его приглашать ее на свидание. Так они вышли той ночью, — его лицо искажается, и он отводит замученные глаза от меня, в то время как я теряю его воспоминания о моих родителях. — Я не знаю, что произошло, — говорит Деда относительно прерывистым шепотом, его губы дрожат, пока он пытается восстановить свое самообладание. — Возможно, что-то выскочило перед автомобилем, и твой отец оказался на встречной полосе, они врезались в другой автомобиль, — качает головой, желая, чтобы это

было неправдой.

Тоска тяжелым ударом пронзает мое нутро, и я делаю единственное, что приходит на ум: сажусь к нему на колени, как будто я все еще его маленькая Холли, и обнимаю его, спокойно предлагая ту же самую поддержку, которую он оказывал мне. После секундного колебания Деда обнимает меня и начинает плакать на моем плече. Я держу его, позволяя его телу биться в конвульсиях напротив моего, его слезы падают на меня.

Этой ночью Деррика я больше не видела, но он оставил то, что Деда попросил оставить перед парадной дверью. Признательная за его предусмотрительность, я в благодарность посылаю ему улыбающийся смайлик.

Деда вручает мне сумку, имеющую много отделов, и я поражена, когда вижу ее содержимое. Деррик или, скорее, Деда купил мне все, о чем бы мог мечтать начинающий художник.

Я прижимаю маленький холст к груди и хочу уже бежать наверх со своей сумкой, как вспоминаю про Деда, поэтому ставлю сумки на пол и обнимаю его.

— Спасибо, Деда, — шепчу я в его ухо.

Он целует меня и затем проводит руками, пораженными артритом, по моим щекам.

— Я рад, что ты снова начала рисовать.

Я приподнимаю брови, так как в голове крутится вопрос, изматывающий меня.

— Я переставала рисовать?

— Ты перестала рисовать, когда с родителями произошел несчастный случай.

Вскинув голову, сталкиваюсь с уязвимым взглядом Деда, отчего мое сердцебиение ускоряется, и я снова его обнимаю, прежде чем иду наверх.

В своей комнате я методично кладу свой холст, краску и кисти на пустой стол и поворачиваюсь к CD-плееру, куда положила альбом Nirvana. Деда дал мне мой iPod, на котором хранятся все мои альбомы, но я предпочитаю использовать свои устаревшие CD.

Опустив голову и ссутулив плечи, я начинаю рисовать. Рисую без предисловия или продуманности, просто позволяю рукам делать то, для чего они, кажется, были предназначены.

Я рисую в течение нескольких часов, не осознавая этого. Останавливаюсь только после того, как в четвертый раз меняю диск в CD-плеере, и ранние утренние лучи солнца начинают проглядывать через жалюзи.

Я быстро принимаю душ, разминая затекшую шею, обещая себе, что в следующий раз во время рисования буду менять позу. Хотя холст с очаровательным хороводом цветов зовет меня, я заставляю себя лечь в кровать, напоминая себе, как важен сон.

Я работаю в нашем саду, пока моя Эрика наблюдает за мной из тени, слушая аудиокнигу, которую я поставил для нее, в то время как наш сын спокойно сидит рядом с ней. Это был ее сад, ее хобби, и так как он все еще приносит ей такую радость, я поддерживаю его. Это яркие цвета — такой была Эрика в день, когда она начала сажать овощи и фрукты.

Она любит свой сад так же, как любит нашего сына. В то время, когда Эрика была беременна, она начала называть его ее маленькими шмелем (*примеч. читается как бамблби*), которого в итоге стали звать просто Бэб. После того, как он родился, в жизни Эрики появилась цель. Она лелеяла его бесчисленное количество времени. Я находил ее поющей и танцующей босиком, с Бэбом на руках, их окружали дорогие моему сердцу вещи.

Я скучаю по тому, как когда-то Эрика раскачивалась под музыку, звучащую в ее голове. И я скучаю по ее голосу, как она говорила — с нежностью или решимостью, тон зависел от ситуации. Скучаю по тому, как раньше она брала мое лицо своими руками, прежде чем оставить мягкий поцелуй на моих губах. Я скучаю, скучаю, скучаю... моя девочка. Хотя вижу ее каждый день, я скучаю по ней и по тому, какими мы были раньше.

Я нечасто заикливаюсь на прошлом или будущем, отобранном у нас одной роковой ночью. Но сегодня я это делаю. Пытаюсь успокоить свой гнев, пока машу рукой своей жене. Желчь растет во мне, когда я смотрю на сарай, в котором когда-то находилась *та девушка*.

Снедаемый пламенной потребностью, я должен вернуть *ее*, она должна заплатить за преступление своего отца.

Эрика и я пошли на свидание. Она была одета в красивое бело-голубое платье, длиной чуть ниже колен, и туфли без каблука. Ее волосы были подобраны в аккуратный пучок. Эрика тряслась над своим макияжем, независимо от того, сколько раз я говорил ей, как она красива без него. Но она попыталась скрыть морщины, которыми наградила ее жизнь.

Поскольку наступила ночь, мы решили отказаться от танцев и прогулки по берегу. Мы поели в тишине, касаясь руками — так мы и провели время. Не было ничего особенного, но это было особенным для меня. Каждое мгновение, проведенное с ней, всегда было особенным. Она владела моим сердцем, моей душой, моим телом.

Если бы я знал, что это будет ее последняя ночь, я бы пригласил ее на танец. Спел бы караоке, пока ее щеки не стали мокрыми от счастливых слез. Я отвез бы нас в «Хилл-Кантри» (*Примеч. горная область Шри-Ланки*), чтобы провести ночь под звездами, держа ее в своих объятиях.

Но я не знал.

В полном неведении я вез нас домой. Ночное небо бесконечно растянулось вдоль пустынной дороги. Уличные фонари отсутствовали, и наш путь освещали лишь фары моего автомобиля. Но я не увидел грузовик на нашей полосе, пока не поднялся на холм. Было

слишком поздно, чтобы среагировать, у меня не было времени, чтобы свернуть. Грузовик врезался в нас за секунду до того, как Эрика расстегнула свой ремень безопасности, чтобы найти сотовый телефон, который уронила на пол.

Металл к металлу, мы сильно ударились друг в друга.

Темнота окутала салон автомобиля, когда я медленно пришел в себя. Не знаю, сколько времени прошло между ДТП и моим пробуждением, но помню каждый момент после того, как открыл глаза. Мои раны тогда не имели значения, да и не важны сейчас. Мое сердце заботилось только об Эрике. Моя Эрика. Я коснулся ее лица и плакал над ее разрушенным телом, когда смотрел, как ее грудная клетка поднимается и опускается с каждым поверхностным вдохом.

У меня произошел выброс адреналина. Полагаю, Эрика не сделала бы этого. Я пошел в другому автомобилю и в безумном исступлении вытащил водителя и пассажира — это была молодая пара. Когда я увидел, что они держались за руки, то понял — они любили друг друга. Разбитый, я стремился уничтожить их любовь так же, как они разрушили мое единственное счастье.

Мои эмоции вышли из-под контроля, я оттащил женщину подальше от мужчины, и она простонала от боли. Мужчина пытался встать, чтобы помочь своей жене, но у него ничего не получалось.

— Сиди, — потребовал я, мой отвратительный характер прорывался в словах.

Полагая, что это спасет его жену, он остался сидеть.

— Смотри, — сказал я.

С круглыми и испуганными глазами мужчина увидел, как я пинал его жену в живот снова, снова и снова. Даже когда он прыгнул мне на спину, я продолжал пинать ее. Кровь лилась из ее рта и носа, но этого было недостаточно. Я обернулся к мужчине, пнул его по ноге и, услышав удовлетворяющий щелчок, который говорил о том, что нога сломана, вернулся к его жене и задушил собственноручно на глазах ее мужа. После того, как я закончил с ней, трус пытался уползти, думая только о себе, а не о своей жене.

Мужчина в первую очередь должен думать о жене.

Только настигнув его, я схватил руками его шею и скрутил ее, пока его безжизненное тело лежало подо мной. В порыве ярости и неудовлетворенный искуплением, я подтащил оба тела ближе к их автомобилю. Когда приехала полиция, все, что они нашли, так это обезумевшего старика, безуспешно пытающегося спасти пассажиров другого автомобиля.

Это была трагичная ночь. В больнице мои слезы смешались со слезами дочери, которую оставили после себя тот мужчина и женщина, в то время как врачи работали не покладая рук, чтобы спасти Эрику.

Не имеет значения, что Эрика выжила, потому что искра, сделавшая ее моей, навсегда исчезла. Она — пленница в собственном теле. В отличие от девушки, Холли, моя жена не может избежать своей тюрьмы. Тюрьма Эрики — это то, чем она является, — безжизненное тело со свисающими конечностями.

Еще не время, но я приду за Холли снова. Надо напомнить ей, что я всегда рядом. Она по-прежнему моя пленница.

Желая сделать именно это, я взял локон ее волос, чтобы сохранить для себя, и прикрепил его на входной двери с указателем стрелки и словами: «Я приду за тобой», написанными кровью белки. Я скрывался в лесах ее бабушки в течение двух часов — достаточно долго, чтобы мои ноги устали и сердце утомилось. Я очень не хотел оставлять

Эрику одну надолго, так что поднялся с земли, стряхивая листья и грязь с моих нездоровых коленей, и, раздраженный, побрел назад к дому, стараясь не оставлять никаких следов, указывающих на мое местонахождение.

Холли

Мои некогда густые, волнистые волосы сваялись от крови. Моя кровь. Не в состоянии выдержать зловоние, я тяну волосы, вырывая пряди. Но запах везде — поглощается моей кожей и впитывается в стены.

Кожа на лбу содрана, так как я тяну волосы, но не смею прикоснуться к нему. Воздух, вновь попадая, причиняет боль ране от ожога. Если я прикоснусь к ней, будет только хуже.

Я должна отдохнуть. Этот человек оставил меня, дал отсрочку, и я знаю, что должна отдохнуть, прежде чем он вернется для дальнейшего избития моего уже израненного тела. Но сейчас еще ночь, и я не могу спать по ночам. Темнота меня пугает. Это время демонов, которые выходят наружу, чтобы поиграть. Итак, я продолжаю тянуть волосы в ожидании рассвета, когда наконец-то испытаю чувство безопасности и буду в состоянии отдохнуть.

Я просыпаюсь оттого, что кто-то трясет и кричит на меня. Так что я снова кричу, тяжелее, громче, мои слезы капаят так же быстро, как бьется мое сердце. Дыхание рваное, но я все равно кричу, пытаюсь бороться со своим уже забытым кошмаром.

Истерия возрастает, когда я пытаюсь двинуться, чтобы найти свои руки и ноги зафиксированными.

Не наручники. Я хочу кричать, моя душа разрывается так, как осколки мечты исчезают в небытие.

Но мой страх не оставляет меня парализованной. Я, наконец, перестаю бороться и просто жду. Боль не преследует меня, поэтому я открываю глаза и нахожу Деда, удерживающего меня. Он произносит слова утешения, которые я не слышу. Вместо этого я стараюсь прислушаться к его дыханию, но оно так же неравномерно, как мое собственное.

Отвернувшись от него, я лежу на своей стороне, прижав колени к груди, пытаюсь успокоить себя, пока слезы стекают на мою влажную от пота подушку. С закрытыми глазами я чувствую, как моя кровать прогибается, когда Деда ложится рядом со мной. Тепло его тела согревает меня, я прислоняюсь к нему, мое тело в безопасности, когда он рядом.

Деда водит дрожащей рукой по моей руке, и я сжимаю ее. Пот струится у основания моей шеи, я вспоминаю записку, оставленную мне моим неуловимым похитителем.

Я приду за тобой.

Мне нужно было именно напоминание. Пусть будет так. Так или иначе, наличие

нормальной жизни переоценено.

Проходит время, и с каждой секундой мои напряженные мышцы начинают расслабляться, буря внутри меня успокаивается. Мое дыхание нормализуется, и я, наконец, снова готова открыть глаза. Я сажусь и смотрю на Деду, наблюдающего за мной широко открытыми, как блюдца, глазами, пульс на его шее болезненно бьется.

— Я в порядке, — заверяю его. — Это был просто плохой сон.

Деда садится.

— О чем он был?

Качаю головой.

— Я не знаю. Не могу вспомнить.

— Как насчет того, чтобы немного перекусить? — спрашивает он, полный решимости заставить меня чувствовать себя лучше. — У нас есть куриный суп с диким рисом.

— На завтрак? — морщу нос от его предложения, забыв, что заснула на рассвете.

Будучи одна в своей комнате, последние несколько ночей я рисую с того момента, как покинула реабилитационный центр. Я могу заснуть только с восходом солнца.

— Холли, сейчас два часа дня.

— В таком случае да, черт возьми, — вскакиваю с кровати и целую Деду в щеку.

Стоя на трясущихся ногах, я чищу зубы и нежусь в душе, смывая с кожи грязь от моих предыдущих кошмаров, не обращая внимания на тьму, которая задерживается независимо от того, как усиленно я пытаюсь ее смыть. Не глядя в зеркало, спускаюсь вниз и встречаю Деду на нашей кухне, где он знакомит меня с Хизер, нашей домработницей, поваром и чудоженщиной. Желая, чтобы я приспособилась к новой обстановке, Деда просил Хизер взять несколько дней отпуска.

Она выходит вперед и прижимает меня к своему пухлому, мягкому телу. Она пахнет корицей и домом. Я не помню ясные серые глаза, уставившиеся на меня, или тонкие светлые волосы, собранные в тугой пучок, но я знаю ее запах.

Когда Хизер отстраняется, разорвав наши объятия, пустота заполняет меня, поэтому в защитном жесте я скрещиваю руки на груди и делаю все возможное, чтобы ей улыбнуться.

— Приятно познакомиться, Хизер, — заставляю себя пожать ей руку, потому что мне нужны дружеские отношения от ее прикосновения. Глубоко выдыхаю, когда контакт установлен, а потом разорван.

Она приводит меня в маленький уголок, где ждет меня мой суп. Я сажусь на деревянную скамейку и приклоняю голову над столом, чтобы дать отдых моей шее, все еще напряженной с прошлой ночи.

— Это же твой любимый, — дает мне знать Хизер, указывая на еду передо мной и с надеждой смотря на меня.

— Я уверена, что все отлично, — кручу ложку между пальцами, не зная, что еще сказать. — Спасибо.

Следует неловкое молчание, которое словно просачивается в мои поры, расщепляя мою решимость. Когда Хизер идет в сторону кухни, я пробую блюдо.

— Святые угодники, как вкусно, — говорю я.

Хизер смеется в знак признательности, звук заполняет пустое молчание, прежде чем я помещаю очередную ложку в рот.

Деда садится рядом со мной, не притрагиваясь к еде, Хизер присаживается за стол возле него. Я смотрю на Деду, указывая на еду, пока он с улыбкой смотрит на меня, после чего

наконец-то приступает к еде. Продолжая есть, не могу не задаться вопросом: сколько раз я сидела за столом, разделяя еду с моей семьей? Скольких разговоров был свидетелем этот стол? Быть может, стучали кулаки или падали слезы на поверхность нашего деревянного уголка? Может, здесь мы пели песни с днем рождения и разрезали торт?

От моих воспоминаний, не более чем туманных, я решаю, что создам новые воспоминания за нашим столом, начинающиеся с того, как я съедаю миску куриного супа с диким рисом рядом с Дедой.

— Я ненадолго встречу с Дерриком, — говорю я, замечая у него ухмылку от моего объявления.

— Куда вы, детки, пойдете? — кажется, Деда не удивился, а даже порадовался появившимся отношениям у меня с Дерриком.

— Боксерский зал, — снова обращаю все внимание на еду, моя правая нога постукивает об пол, пока я жду его ответа.

— Боксерский зал? — спрашивает он, разинув рот и уставившись на меня.

Я настороженно отрываю взгляд от еды, надеясь, что мне не будет объявлен выговор. Затем вспоминаю, что я не ребенок, а двадцатичетырехлетняя женщина, недавно побывавшая в плену. Жертва, я думаю. Спотыкаюсь на слове, помня свою клятву, чтобы никогда не быть такой восприимчивой снова.

— Да, Деда. Боксерский зал, — повторяю, все еще ожидая быть отчитанной. — Я хочу научиться защищаться. Ну, ты знаешь, на всякий случай.

— Да, на всякий случай, — перебивает он, сжимая переносицу двумя пальцами. — Будь осторожна. Ты все еще не выздоровела на сто процентов.

Нет, не на сто процентов, и никогда не буду. Даже самые хорошо скрытые шрамы оставляют свои последствия, с которыми я буду жить весь остаток своей жизни.

Сильные запахи пота в тренажерном зале усиливают сухость в воздухе. Здесь есть несколько боксерских груш и две арены с импровизированными рингами для спарринга.

Я следую за Дерриком в дальний конец спортзала, где мы кладем наши вещи в шкафчик. Позволяю ему помочь мне обернуть руки и только внутренне съеживаюсь. Пока он надевает перчатки на мои руки, мой пульс ускоряется в ожидании и страхе. Я хочу научиться драться, чтобы защитить себя, но не хочу, чтобы меня трогали. От мысли быть пораженной у меня кружится голова. Мои нервы выбивают меня из колеи, холодный пот течет по спине, пока беспокойство окончательно берет верх, и мои пальцы немеют.

Деррик ведет меня к свободной боксерской груше, где он сначала работает над моей боевой стойкой. Неуверенно я стараюсь подражать ему, но теряю равновесие после того, как наношу джеб (*примеч. левый прямой удар*), правой рукой дублируя удар по груше. Деррик становится за мной и разделяет мои ноги, чтобы улучшить мой баланс, но я замираю, не в силах двигаться или дышать, пока мои глаза бегают из стороны в сторону.

— Все в порядке, Холли, — Деррик двигает своими руками так, что они слегка нависли надо мной. Просто дух захватывает, но все-таки это вторжение. — Просто заведи правую

ногу немного, — он направляет мои стопы в том направлении, как ему нужно. — И согни немного колени.

Я делаю, как он говорит, все время концентрируюсь на дыхании, и надеюсь, что не задохнусь.

— Хорошо, — говорит Деррик, делая вид, что все нормально. — Теперь, когда ты ударишь, я хочу, чтобы ты ударила прямо, — говорит он, ведя меня за руку к боксерской груше. — Джеб предназначен, чтобы измерить расстояние между тобой и твоим противником, — объясняет он. — Когда ты выполняешь удар с правой стороны, ты крутишь правым бедром, при этом движении удар получается более сильным и мощным.

Я спокойно слушаю инструкции Деррика и стараюсь следовать его объяснениям, но чувствую себя глупо, как чрезмерно разбалованный ребенок, который еще не совсем научился исполнять обязанности в нормальной обстановке. Но я подогрета желанием учиться, чтобы стать сильнее, и бью боксерскую грушу с достаточной яростью, удивляясь тому, что мое запястье не сломалось.

С каждым джебом, апперкотом (*примеч. удар снизу*) и хуком (*примеч. короткий удар*) чувство свободы наполняет меня. Напряжение в шее и нижней части спины стихает, и хотя мое сердце буквально неистовствует, это не от страха. Скорее, я стремлюсь к успеху.

Я расхаживаю вокруг боксерской груши, полностью осознавая, что Деррик следит за мной, так что он может поправить меня при необходимости. Стараюсь не забывать дышать. Выдыхаю каждый раз, когда наношу удар, но легко забываю об этом и задерживаю дыхание. Пот капает с моего лба, иногда попадая в глаза, но я по-прежнему полна решимости выиграть эту битву, которую веду против себя и боксерской груши, символизирующей силу, и я только начинаю понимать, чем обладаю.

Проходят часы, прежде чем я готова уйти. Ухожу только потому, что Деррик останавливает меня, сказав, что не хочет, чтобы я повторно повредила все еще заживающее тело. Хочу поспорить с ним, но не хочу создавать трудности, желая, чтобы он привез меня сюда завтра. Вместо этого я хмурюсь на него, но следую за ним из зала, осознавая, что я всегда слеую чужим указаниям, и что мной всегда управляют. Я вообще когда-нибудь была лидером?

Когда мы покидаем тренажерный зал, внезапно замечаю синие полевые цветы и иду к ним, оставив Деррика на стоянке.

Время словно останавливается, мою кожу как будто заживо сдирают под ночным небом, пока я гляжу на них: васильки в январе. Я вздрагиваю, принимая это как знак, что все должно наладиться. Необъяснимое происходит каждый день. Точно так же, как и эти васильки, я буду одним из тех необъяснимых явлений.

Как только мы садимся в машину Деррика, я опускаю окно, позволяя холодному свежему воздуху наполнить машину, таким образом запах нашего пота не столь пронзительный. Я высовываю голову в окно и делаю глубокий вдох. Как только возвращаюсь обратно, Деррик начинает закрывать окно.

— Что ты делаешь? — сердито шурю я.

— Моя машина, мои правила.

Хотя я знаю, что он дразнится, мое тело все равно напрягается от его слов. Он прав. Его машина, его правила. Я должна была спросить разрешения. Деррик наклоняется ко мне, и я заставляю себя сидеть спокойно, не показывая страха, который в основе своей является частью меня. Дождавшись, когда Деррик обнимет меня за плечи, я начинаю кашлять и затем

закрываю рот, когда он пихает свою подмышку в мое лицо.

— Фу! Гадость! — я отворачиваюсь от него, смеясь и задыхаясь, пока пытаюсь опустить окно снова, и обнаруживаю, что оно заблокировано. — Ты отвратителен!

— Я мужчина, детка, — дразнит он, вдохнув запах своих подмышек.

Деррик смешной, но это в хорошем смысле, потому что это успокаивает мои обостренные нервы. Чувство радости оттого, что я утомлена (напряжена или утомлена — подозреваю, что все-таки утомлена) захватывает меня, на миг отвлекая от плохого.

— Хочешь чего-нибудь перекусить?

— Нет, — качаю головой. Я вспотела и, вероятно, пахну как сборщик сбитых на дороге животных.

— Здесь неподалеку есть забегаловка. Сэндвич не повредит тебе.

Я гримасничаю.

— Или просто тост, — говорит он. — Углеводы хороши для восстановления после тренировки. — Да, отлично. Как скажешь.

Хлеб. Черствый хлеб с зеленой плесенью, но я сделала вид, что он чем-то намазан. Последовала рвота. Все равно после нескольких дней или недель без еды хлеб выглядел аппетитно. Он даже имел приятный вкус, и я была признательна ему, благодаря его за маленькие подачи, в конечном счете, делающие меня больной.

Я больше не была решительной девушкой, которую он похитил. Он приручил меня быть послушной, пассивной.

Я перестала бороться с ним. Я не смогла убежать. Я перепробовала все.

Единственное, что оставалось, — выжить в изолированном темном подземелье, где он держал меня прикованной к стене.

— Ты в порядке?

Я моргаю, кусая нижнюю губу, повторно знакомя себя со своим окружением. Припарковавшись на обочине дороги, Деррик смотрит на меня, широко открыв глаза и ожидая моего ответа.

Как долго я была потеряна в своих воспоминаниях?

Слишком долго.

Это оставило меня грязной и уязвимой.

Я откашливаюсь и сглатываю, надеясь облегчить свое вдруг пересохшее горло.

— Да, — я смотрю вперед, не желая видеть Деррика, когда рассказываю ему то, что помню.

— Ты никогда не прекращала бороться, — возражает он, когда я заканчиваю. — Ты выбралась. Помни это, Холли. Ты сбежала.

— Что, если он вернется?

Эту обеспокоенность я не показывала до этого момента просто потому, что хотела казаться сильной и бесстрашной — это совсем не похоже на бездушный страх, разъедающий меня.

— У тебя есть я, — уверяет меня Деррик, запуская двигатель машины, совершенно не подозревая, что я уверена — *он* придет за мной.

Пока Эрика, посапывая, сладко дремлет на диване, я собираю белье для стирки и напеваю ее любимую песню группы Journey «Open Arms». Мое тело блаженно вибрирует, когда я пою ее, потому что песня не только делает мою девочку счастливой, но и я также помню весь тот ужас, который охватывал запертую девушку от лирики, срывавшейся с моих губ. Каждый стих навлек бы новую форму пытки.

Я надеюсь, что ее родители смотрят из потустороннего мира, понимая, что они должны были уничтожить меня. Они застали меня врасплох, я был беспощаден, поэтому не могу отомстить за неизлечимые травмы Эрики, которые они нанесли ей неумением ездить по своей полосе.

Я надеюсь, что они опасаются за жизнь своей дочери каждый день, зная, что я получу ее обратно. И, когда я это сделаю, пытка, перенесенная ей, будет ничем по сравнению с гневом, который она все же познает.

То, что она однажды лежала в своих собственных экскрементах и пила свою собственную мочу, — это будет заменено моей кровью, мочой и калом. Я подожгу ее кожу, оставлю на ней свою метку, снова и снова. И она будет терпеть боль, потому что больше я не позволю ей потерять сознание.

Она истечет кровью и только после смерти обретет покой.

Не в силах успокоиться, я подхожу к оружейному сейфу и достаю 357 Магнум, любуюсь им в своей руке. (*Примеч. 357 Magnum — американский револьверный патрон большой мощности, созданный компанией Smith & Wesson в 1934 году*). Он тяжелый, но чувствуется еще тяжелее в пустоте, оставленной Холли после побега. Поглаживая его по бокам, я возвращаюсь в тот день, когда она, наконец, подчинилась.

Она была упряма, и у меня заняло два месяца и три дня, чтобы сломать ее. Я причинил ей боль, держал в темноте без воды и еды, но она продолжала бороться со мной. Я порезал ее некогда безупречную кожу, оставляя красные воспаленные раны на ее бледном лице. Тем не менее, она верила, что может бороться со мной, до тех пор, пока однажды ей это не удалось.

Это было горько, как ломка дикой твари. Чтобы гарантировать ее послушание, я вознаграждал ее домашней едой, которую она ела, пока дуло моего пистолета было прижато к ее виску. Я играл с курком пистолета, сжимая ее горло, пока она жевала еду.

Я сделал это ради нее — так она поймет, что не убежит. Не было никакого спасения.

Холли

Через неделю после произошедшего, придя домой, я захожу на свою страницу в Facebook, но быстро отключаюсь, когда вижу посты на своей стене. Я знаю, что у всех добрые намерения, и по большей части они счастливы, что я вернулась и восстанавливаюсь. Но эти люди не мои друзья. Я не знаю никого из них, и никто из них не предпринял реальных усилий, чтобы связаться со мной, кроме Эмбер и Стефани.

Я согласилась пойти с ними в торговый центр. Отвечаю на автомате, я знаю, чего они ожидают от меня. Когда-то поход по торговому центру, я уверена, был прекрасным моментом в моей жизни. Я с удовольствием его посещала, но сейчас это все чуждо, и мне страшно так же, как в больнице, когда я проснулась в первый раз.

Иду к своему шкафу, чтобы выбрать одежду, но задача оказывается невыполнимой. Примеряю разные топы, постепенно образовавшие груды на полу, поскольку отклоняю каждый.

Черный топ в полоску?

Нет.

Черный топ в полоску с кружевными длинными рукавами?

Нет.

Яркий, легкий, струящийся топ?

Нет.

Обычная футболка?

Нет.

Ни один из них мне не нравится. Я все их ненавижу. Всё до последнего предмета одежды, имеющегося у меня, кроме удобных штанов для йоги и майки на лямках, но я не хочу их надевать в свой первый поход в торговый центр.

Сидя на одежде, собравшейся на полу, склоняю голову к коленям и раскачиваюсь, пока слезы текут по щекам. Запускаю руки в волосы и тяну их, пока кожа на голове не начинает болеть. Мне больно дышать, поэтому задерживаю дыхание и мысленно показываю средний палец каждой глупой технике дыхания, которую я изучила, так как мне снова приходится ею пользоваться.

Я должна отменить свою поездку в торговый центр. Я же не могу идти раздетая. Судорожно вздыхаю и лезу в карман джинсов, чтобы достать одну из волшебных таблеток, прописанных Энн, помогающих мне думать рационально.

Закрыв глаза, я ложусь на одежду — смотреть особо не на что, поэтому жду, когда нормализуется дыхание. Пока идут минуты, сердцебиение успокаивается, мое тело расслабляется.

Я напоминаю себе, что мне необязательно идти в торговый центр.

Но я должна. Только трус останется в чрезмерно заполненном гардеробе, утверждая, что

не имеет достаточно одежды, чтобы столкнуться лицом с миром.

Отползая в сторону, беру синюю футболку и надеваю ее. Синие джинсы будут хорошо смотреться с ботинками, на которые меня вырвало в первый день выхода из реабилитационного центра. Я потом почистила их, так что теперь они безупречны. После того, как я умылась, дабы избавиться от любых признаков моего фестиваля рыдания, приложив минимальные усилия с косметикой, я иду вниз, где Эмбер заключает меня в крепкие объятия, на которые я отвечаю после недолгого колебания.

Я отвыкла быть на открытом воздухе, и потому солнце на время ослепляет меня, когда я выхожу через парадную дверь. Закрываю глаза рукой и обещаю себе приобрести пару солнцезащитных очков на деньги, что дал мне Деда.

Я замечаю тропу, убегаящую назад за дом. Она ведет к небольшому заливику, и я пока не знаю, откуда мне это известно, но хочу пройтись по ней, чтобы убедиться в своей правоте. Я просто не хочу делать это в одиночку, поэтому попрошу Деррика пойти со мной в следующий раз, когда увижу его. Мне любопытно: если проследовать по этой тропе, сможет она напомнить мне о чем-либо. Уверена, что я часами исследовала этот лес и играла в нем. Невинная девочка, еще верившая, что будущее принадлежало ей.

Эмбер прерывает ход моих мыслей, когда тащит меня за руку, чтобы сесть в машину. Я неохотно отворачиваюсь от леса, поймав удивленный взгляд Деда. Ухмыльнувшись ему в ответ, смеюсь про себя, когда он подмигивает мне, давая понять, что я, безусловно, хорошо проведу время.

Прятки в темноте. Образ меня, еще маленькой девочки, бегающей возле леса, прячась за деревьями, пока родители и Деда ищут меня с фонариками, всплывает в голове, оставляя головокружение, но на этот раз в хорошем смысле. Уверена, что это настоящая память, а не то, что я придумала. Прежде чем сесть в машину Эмбер, я с переполняющим меня волнением мчусь к Деду.

— Может быть, мы можем сыграть в прятки там сегодня вечером? — указываю в сторону леса.

Деда награждает меня улыбкой.

Он берет мое лицо в ладони и запрокидывает голову, смеясь.

— Я думаю, что мы можем попробовать.

Счастливая, я отворачиваюсь от него и иду к машине Эмбер. Сегодня будет хороший день.

Хотя торговый центр переполнен, я не позволяю шуму или людям беспокоить меня. Сосредоточиваю все внимание на Эмбер и Стефани и примеряю каждый предмет одежды, который они бросают в мою сторону. Как кукла Барби в натуральную величину, но, положив руку на сердце, мне это нравится. Я доверяю их советам, но, что важнее, я весело провожу время.

Сначала они хотели идти со мной в примерочную, но я смогла сдержать их. Не хочу, чтобы кто-то увидел шрамы, оставленные моим кошмарным прошлым. Хочу оградить их от

моих шрамов.

С пятью большими сумками на буксире мы пробираемся к фуд-корту, где Эмбер и Стефани соглашаются на салат, пока я ем хот-дог и картофель фри вместе с шоколадным коктейлем. *(Примеч. Ресторанный дворик, или фуд-корт (англ. food court) — зона питания в торговом центре, аэропорту или, в некоторых случаях, отдельном здании, где посетителям предлагают услуги сразу несколько предприятий питания, имеющих общий зал).*

— Тощая сучка, — насмехается Эмбер и крадет мою картошку.

Я усмехаюсь.

— Должна набрать немного веса для этого изможденного тела, — смеюсь, встревоженная собственной шуткой. — Украдешь еще фри, и я порежу тебя, — предупреждаю ее. Но пододвигаю поднос ближе к ней, так что она может брать столько, сколько хочет.

Эмбер встревожено оглядывается на меня, прежде чем выпускает совсем не женственное фырканье, и смеется, прикрыв рот рукой.

С неуверенностью в глазах Стефани наблюдает за нами, после чего тоже начинает смеяться и берет одну из моих фри.

— Я думаю, что ты должна заказать еще фри для твоих бедных голодающих друзей, — предлагает Стефани.

— С сырным соусом, — добавляю я.

— И беконом, — кивает Стефани.

Не нуждаясь в дальнейших доводах, я встаю и спустя несколько мгновений возвращаюсь с нашими соусами для фри и большой колой для всех нас.

— Ты, моя дорогая, сделала сидение на диете намного веселее, — провозглашает Эмбер перед тем, как делает глоток колы.

— Ты имеешь в виду, что это не весело? — я недоуменно приподнимаю брови. — Я всегда думала, что это легко. Вроде езды на велосипеде. Знаете, как если бы велосипед был сделан из шипов, и все вокруг было в огне, потому что вы в аду, — подмигнула я, думая о том, где видела эту надпись.

— Вот приблизительно и подвели итог, — хихикая, соглашается Стефани, пока Эмбер продолжает фыркать между ее смехом.

Я откусываю большой кусок от своего хот-дога и быстро глотаю, в это время замечаю парня примерно нашего возраста, нависающего над нами. Раздраженная, что не в состоянии насладиться своим первым укусом хот-дога, я сердито смотрю на него, сузив глаза, когда он открывает рот, чтобы заговорить.

— Это правда ты? — спрашивает он, его глаза выражают недоумение. — Я слышал, что ты вернулась, но...

Испытывая неудобство, я корчусь на стуле и смотрю мимо него, пока пытаюсь взять себя в руки. Я не могу паниковать, не на публике.

Он старый друг, и все.

Смотрю на него и пытаюсь улыбнуться, но все в нем пугает меня. Скрестив на груди руки, я заставляю себя сидеть неподвижно, никакого покачивания, подергивания или бегства. Я не буду психовать.

— Извини, Холл. Я не хотел тебя напугать.

Он тянется, чтобы коснуться моего плеча, но я вскакиваю со своего места, избегая его прикосновения. Смотрю на его руки, пока он засовывает их в задние карманы, чтобы

показать мне, что не представляет для меня угрозы.

— Я сожалею, — бормочу я.

Я сожалею, что схожу с ума. Я сожалею, что не могу справиться на нормальном уровне. Я сожалею, что шарахаюсь от всех вокруг. Я сожалею.

Мое сердце бьется о грудную клетку, и я пытаюсь успокоиться, считая и вдыхая тем же способом, какому обучила меня Энн. Хотя руки уже трясутся и холодный пот течет вниз по спине. Я должна уйти отсюда. Осматриваюсь в поисках выхода или чего-то, что приведет меня на улицу. Я отшатываюсь от него, затем замечаю выход, но внезапно Эмбер хватает меня за руку.

— Мы, наверное, пойдем, Роб, — она виновато смотрит на него.

Он кивает головой, настороженный и неуверенный во мне.

— Мы поговорим позже?

— Да, конечно, — соглашается она.

Он смотрит то на Эмбер, то на меня, и для эффекта я пытаюсь улыбнуться.

— Холли, был рад тебя видеть.

Благодарно киваю головой, когда понимаю, что паника постепенно стихает. Я была в состоянии остановить ее — и это поразило меня с полной силой. Не знаю, как я это сделала, но напишу все подробности в своем дневнике, как только вернусь домой, потом я смогу проанализировать это и найти решение.

— Что ж, все прошло хорошо, — смеюсь я, но держусь за руку Эмбер, как за спасательный круг.

Закупив продукты, я захожу в местный цветочный магазин. Он не похож на те крупные коммерческие цветочные магазины. Это то малое, что дополняет оригинальный загородный антураж. Я приветствую владелицу магазина, с которой дружу уже более двадцати лет.

Профессиональной рукой она составляет для Эрики букет и улыбается мне, когда протягивает цветы.

— Как поживает твоя счастливица? — спрашивает она, убежденная, что Эрике повезло уже просто потому, что я покупаю ей цветы раз в неделю.

Это мне повезло. Ко мне пришла удача, когда Эрика увидела меня и поверила, что я достоин ее любви.

— Сегодня она так же красива, какой была в тот день, когда я встретил ее.

Я оплачиваю цветы и направляюсь к своему грузовику. Мне не терпится вернуться домой, прежде чем Эрика проснется. После того, как включаю зажигание, я заворачиваю за угол и проезжаю по парковке торгового центра, чтобы объехать красный свет, когда вижу Холли. Ее подруга рукой обнимает ее за плечи, и на секунду я думаю, что она видит меня. Понимаю, что это не так, когда она рассмеялась на слова своей подруги.

Мой гнев кипит и выплескивается наружу. Смех — это не то, чем она должна быть одарена. Боль — это то, чего она заслуживает. Нож, обжигающий ее кожу, формирующий идеально ровные длинные порезы на ее спине, свечи, врезающиеся в ее плоть, и электрошокер, которым я надавливаю на ее живот снова и снова, пока она блюет.

Холли изменила цвет волос, что бесит меня больше всего. Она думает, что ее жизнь принадлежит ей, но это не так. Она моя.

Моя.

Ее кожа сильно пострадала из-за меня, делая ее моей.

Было бы так легко взять ее сейчас, пока она смеется, но здесь слишком много свидетелей. Вместо этого я наблюдаю за ней издали, как делал это раньше. Я буду изучать ее новые привычки и познакомлюсь с ней заново.

Терпение.

Затем, как и прежде, я возьму ее. Мне просто нужно подождать, позволить ей поверить, что она в безопасности и что чудовища больше не существует.

Надеюсь, она будет такой же дикой, как девушка, которую я первоначально похитил. Я надеюсь, что она будет бороться со мной, пинать меня. Надеюсь, она поверит, что сможет уйти от меня снова, так что я смогу занять свое время, мучая и подчиняя ее вновь.

Холли

С тех пор, как я покинула больницу, прошло два месяца, и я почувствовала себя собой — нет, подождите, это неправда. Я все еще являюсь тенью того, кем была, но эта тень более сильная и счастливая. Я сама решаю, кем мне быть, а вовсе не то, что произошло со мной и не тот факт, что я потеряла память. Я та, какой хочу быть.

Я Холли Грейс Фишер.

Я не девушка, очнувшись в замешательстве, а женщина, переживающая вулканический шторм. У меня бывают моменты слабости, которые я научилась принимать как должное, потому что слабость только укрепляет мою решимость быть более стойкой. Нет, я уже не та девушка, но все равно узнаю ее. Она скрывается за всей этой бравадой и самоуверенностью. Точно так же, как я помнила о ручье, что во дворе у Деда. Он там, красив в своем постоянном потоке, но скрытый от посторонних глаз.

Различные моменты, забытые мной, пойманы объективом фотокамеры и с гордостью демонстрируются по всему дому Деда. Но я здесь, чтобы создавать новые воспоминания, и, взяв себя в руки, иду вперед.

Я рисую почти так же часто, как и дышу, моя комната заполнена моими каракулями, а также снимками и воспоминаниями из прошлого, которые больше не принадлежат мне. Но я начала новую жизнь. Это начало новой жизни, где нет места боли, которую, должно быть, я испытывала после потери родителей. И не хочу казаться самоуверенной, но в этой новой жизни я в буквальном смысле способна надрать задницу.

Четыре дня назад у меня впервые был спарринг. Я вспомнила, что говорил мне Деррик, и использовала свой небольшой рост как преимущество. Я была ловка и умела быстро отскочить. А также я слишком много думала, становясь энергичнее, чем нападающий. Но, по крайней мере, я защищала свое лицо, теперь гордо демонстрировавшее небольшой порез и синяк под правым глазом, несмотря на защитный шлем, что я носила. Наконец у меня есть синяк, которым я могу гордиться.

С другой стороны, Деда не был столь же горд, хотя я сказала ему, что выиграла бой. Но он не понимает. Это была не просто борьба за выигрыш или проигрыш. Это было обо мне, о спасении меня, потому что я не могу рассчитывать на чью-либо помощь. Я могу рассчитывать только на себя. Прямо сейчас я просто маленький конкурент в этой жизни. Но я отказываюсь сдаваться, и, по словам Деррика, это делает меня чемпионом.

Чтобы успокоить Деду, я встречаюсь с друзьями, которых не видела с тех пор, как в очередной раз облажалась перед ними. Я не могу винить их, по крайней мере, знаю, что не должна. Дважды я действовала, как обезумевшая беглянка из психушки, какой отчасти и являюсь. Я хихикаю при этой мысли, и плохое настроение покидает меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я натягиваю на себя маленькую серую майку с надписью «Рэн заставил меня сделать»

это» и темные узкие джинсы со специально сделанными разрезами на ногах. Для завершения своего наряда я надеваю черные ботинки на плоской подошве. Глядя в зеркало, я довольна тем, что вижу. Я до сих пор тощая, хоть и набрала вес, мои скулы остаются центром внимания, и мой зад добился впечатляющего внешнего вида. Локоны волос отрасли, я люблю оставлять их распущенными, поэтому они свободно обрамляют мое лицо, которым я, наконец, довольна и могу признать это.

Услышав дверной звонок, расправляю плечи, напоминая себе, что встречаюсь с друзьями. Они не должны быть здесь и не обязаны заботиться обо мне, но они пытаются, и им так же тяжело, как и мне. Оптимистично выдохнув, я склоняю голову и искренне улыбаюсь, когда вижу их.

Первой меня обнимает Эмбер, и в этот раз объятия не застают меня врасплох. Однако мое обнимание одной рукой выглядит неловко, так что мы расходимся, невозмутимо улыбаясь. Эмбер и Стефани следуют за мной в гостиную, где я сажусь, прижимая подушку к груди и подгибая одну ногу под себя. Стефани следует моему примеру, и тогда мы просто разглядываем друг друга, пока не приходят Деда и Деррик.

Увидев меня, Деррик встречает моих друзей ленивой улыбкой и садится мне на колени, пока здоровается с ними.

— Деррик, — протестую я, пытаюсь спихнуть его с себя. На моих губах появляется небольшая улыбка, втайне я радуюсь его выходке, потому что напряжение в комнате уменьшилось.

— Как дела, девушки? — спрашивает он, игнорируя мои бессмысленные попытки прогнать его.

Эмбер хихикает, пока я щипаю Деррика за бок, но вместо того чтобы сдвинуться, он полностью садится на меня. Смеясь, я щипаю его еще сильнее и вцепляюсь зубами в плечо — это заставляет его подпрыгнуть и вскрикнуть.

— Я учил тебя хитрить лучше, — ругает Деррик, потирая след от моих зубов.

Показываю ему язык.

— Не расстраивайся так, — отчитываю я, пока он отходит от меня, а Деда смеется над нашими шутками.

Теперь, когда атмосфера в комнате более-менее спокойная, я обращаюсь к своим друзьям, смотрящим на меня широко открытыми глазами.

— Что случилось? — спрашиваю, оглядываясь назад, частично ожидая увидеть за мной обезумевшего мужчину с мачете. По крайней мере, только часть меня осталась сумасшедшей. Другая половина относительно вменяемая, с небольшими шизофреническими тенденциями.

— Он горяч, — для большей убедительности Эмбер обмахивает свое лицо рукой.

— Кто? Деррик? — спрашиваю я, морща нос. Уверена, она говорила не о Деде, но, знаете, просто хочу убедиться.

— Ну, да, — отвечает Эмбер, хватая подушку и бросая ее в меня.

Я ловлю подушку, прежде чем она долетает, беспокойство охватывает меня. Делаю успокаивающий вдох, беру подушку и сажусь на нее, чтобы убедиться, что она не будет брошена в меня снова.

— Это Деррик, — пожимаю плечами, не в состоянии сказать больше.

— Так вы не встречаетесь? — спрашивает Стефани.

— Нет, — отвечаю я, сморщив лоб.

Встречаемся? Я чуть не рассмеялась. Ни с Дерриком, ни с кем-либо еще! Для отношений требуется физический контакт, который меня до сих пор не слишком привлекает.

— Не могла бы ты познакомить нас немного ближе? — спрашивает Стефани.

Я пожимаю плечами.

Стефани и Деррик? Они будут хорошо смотреться вместе.

— Конечно.

— Может быть, вы двое могли бы пойти с нами на вечеринку завтра вечером, — предлагает Эмбер.

Напряжение наполняет комнату с полной силой. Втягивая меня. Глубже. Комом оседает в горле, слишком большим, чтобы его сглотнуть.

— Ой, да ладно. Это будет весело, как в старые добрые времена, — настаивает Эмбер.

— Да, — вмешивается Стефани, вероятно, потому, что я ее единственный способ добраться до Деррика. — Мы сказали всем, что ты пойдешь.

— Всем?

— Да, всем, — повторяет Стефани, не обращая внимания, что эти *все*, о ком она говорит, не существуют для меня.

— Разве ты не помнишь, что случилось в прошлый раз, когда кто-то, кого я не узнала, пытался поговорить со мной?

Скрестив руки на груди, я бросаю на них взгляд и замираю на месте. Мне не нужно их сочувствие. Я хочу их понимание. Несколько месяцев назад моя жизнь пошла под откос. Сейчас я медленно возвращаюсь на былой путь. Вечеринка с незнакомыми мне людьми не похожа на окружение, в котором я делаю успехи.

Эмбер пристальным взглядом смотрит на Стефани, а затем на меня. Она гладит мою руку и обещает, что я весело проведу время, но сердце сжимается, а голова пульсирует, пока они продолжают разговаривать, не подозревая об эмоциях, растущих во мне. Вместо того, чтобы сосредоточиться на плохом, я вспоминаю, чему Деррик учил меня на ринге. Смотрю на Эмбер и Стефани не как на друзей, а как на потенциальных противников.

Как я могу их победить? Как перехитрить?

Но в действительности это я побеждена. Они просто пытаются помочь мне вернуться к нормальной жизни. Ну, и вечеринки — это нормально. Встречаться с людьми нормально. Как только мой разум анализирует эту идею, я принимаю эти мысли за беспокойство о тьме и суматохе, что стремятся к свободе. Может быть, я смогу сделать это. Сердце колотится, в то время как коленки трясутся, но я продолжаю контролировать реальность. Деррик на моей стороне — возможно, все будет не так страшно.

— Может быть, — гляжу я на них, и Эмбер обнимает меня.

— Это будет у озера в доме моих родителей. Не волнуйся. Я скажу тебе, как добраться.

Ее пристальный взгляд встречается с моим взглядом, переполненным беспокойством, полностью охватившим меня, — это так неприятно. Мы когда-то были лучшими друзьями, и я могу доверять ей.

— Если что-то произойдет и для тебя это будет слишком, то мы уведем тебя и пойдем туда, где тихо. Мы просто хотим, чтобы ты вернулась, — говорит Эмбер.

С меняющимися эмоциями я беру ее протянутую руку и понимающе киваю.

— Дело в том, что я не знаю, получится ли у вас вернуть меня обратно. Вот кто я теперь. Даже если помню, кем я некогда была, и кем мы были друг для друга, сейчас я не та.

Либо вы принимаете меня такой, какая я есть, либо отпускаете, — оставляю выбор за ними.

— Мы принимаем тебя, — вмешивается Стефани. — Мы тебя любим. Нам сложно отпустить ту, какой ты была, но мы постараемся. Просто не оставляй нас снова.

Так больно, в глазах стоят непролитые слезы. И я понимаю, что им плохо со мной. Точно так же, как и Деде. Я вернулась в их жизнь, но не той, которую они помнят. Они помнят энергичную, бесстрашную, непосредственную девушку.

Они остались со мной.

Это, в свою очередь, успокаивает меня. Но я одинока и узнаю свой путь, сделав его очередным опытом в моей жизни. Это не управляет мной. Это эмоции, через которые я дышу.

Прежде чем они уходят, Стефани вручает мне свой номер телефона, чтобы передать Деррику, который радостно принимает его.

Потом я сажусь в свою машину, Деррик дотошно давал мне уроки того, как водить машину, и я еду в спортивный зал. Я часами наношу удары ногами и руками по боксерской груше, надеясь стряхнуть неопределенность сегодняшнего дня. Поход в спортзал — это мое величайшее снятие стресса. Физическая усталость и гордость как мини-отпуск для моего мозга, я теряюсь в этом.

Но даже после того, как я прошла точку нормальной усталости, продолжаю, потому, что разочарование дня счастливо обосновалось на моей шее и плечах. С каждым ударом борюсь с демонами, скрывающимися в темноте, и я не успокаиваюсь, пока не ощущаю Деррика позади себя. Истощенная, оглядываюсь на него и вижу, что он такой же потный, как и я.

— Пора идти, Рокки, — говорит он мне.

Замечаю, что он прав. Наступила ночь, и солнечные лучи больше не пробиваются через входную дверь тренажерного зала.

— Как давно ты здесь? — спрашиваю я, следуя за ним в раздевалку.

— Чуть больше часа.

— Бездельник, — дразню я.

Он толкает мое плечо своим.

Я беру полотенце из своей спортивной сумки и вытираю пот, который капает с лица, прежде чем сделать глоток из бутылки. В молчании Деррик провожает меня к моей машине, но останавливается перед дверью, прежде чем я могу открыть ее.

— С кем ты там боролась?

— Боролась? — смеюсь я, уже зная, о чем он говорит. — Деррик, я наносила удары по боксерской груше. Ты же знаешь, что я тренируюсь для следующего спарринг-матча.

— Чушь, — утверждает он, его глаза нацелены на меня, не позволяя уйти от ответа. Опустив плечи, я вздыхаю.

— Встреча со Стефани и Эмбер была странной. Завтра вечером они хотят со мной пойти на вечеринку, и они *всем* сказали, что я туда собираюсь, — объясняю я свою позицию. — Это просто... ну, они говорили о людях, которых я должна знать, или как будто все еще знаю их. Они этого не понимают, или я чего-то не понимаю, — пожимаю плечами, не желая встречаться с ним взглядом.

— Ты хочешь идти на вечеринку? — спрашивает он.

— Нет.

— Так не ходи, — просто констатирует он.

Деррик всегда делает вещи проще, чем они являются на самом деле, или я делаю все

сложнее, чем оно должно быть. Он или я, но думаю, это действительно не имеет значения.

— Но как же нормальная жизнь?

— Мне показалось, что до сегодняшнего дня у тебя была вполне нормальная жизнь, — отмечает он.

— Нормальная жизнь состоит из намного большего, чем ты и Деда, — расстроившись, я махаю руками в воздухе и отчаянно шагаю перед Дерриком. — У меня есть диплом со степенью, но нет работы. Я должна вернуться к преподаванию, но не могу оставить дом, если это только не поездка сюда, — говорю я, указывая на тренажерный зал. — Я остаюсь в своей комнате и рисую или пишу красками. Вот и все. Это все, что я делаю.

— Холли, — говорит он, медленно хватая меня за руку и я перестаю двигаться, пока его рука приближается к моей. — Ты прошла через многое. Дай себе некоторое время, чтобы приспособиться. Если ты спросишь меня, то ты делаешь это просто замечательно.

Отлично, начинаются слезы, и я смотрю на Деррика, надеясь, что он поймет.

— Я хочу большего, чем просто замечательно. Я хочу быть нормальной.

Сегодня вечером я снова *ее* видел. И я продолжаю наблюдать за ней каждую ночь, когда она уходит из дома, чтобы отправиться в тренажерный зал.

Было смешно наблюдать за ней, за тем, как она учится защищать себя, и я понял, что тоскую по ночам, когда она била по моей груди, умоляя прекратить. Ее слезы, крики и кровь были самой настоящей мстью, и я скучаю по ней.

Я увидел *ее* плачущей на парковке тренажерного зала, все еще растерянной и испуганной — и это приносит мне умиротворение, которое я не испытывал с тех пор, как она сбежала. Я думал, она забыла меня, но это не так.

Она помнит страх, а я помню трепет.

Похитить *ее* было легко. Холли подолгу задерживалась в школе, где преподавала, и часто засиживалась до наступления сумерек.

Как только она добралась до своего автомобиля, я схватил *ее* сзади, закрывая *ей* рукой рот, чтобы она не могла кричать. Мой пикап стоял рядом с *ее* машиной, я кинул *ее* на пассажирскую сторону, пока она пиналась и кусала меня за руку. После того, как она оказалась внутри, я быстро закрыл дверь, зная, что она не могла открыть *ее* из-за детской блокировки.

Когда я открыл свою дверь, Холли набросилась на меня. Волнение пульсировало по венам, заполняя меня, жадно желая насыщения. Предвидя, что она будет бороться, я надавил электрошокером на *ее* шею, на время парализуя. Удовольствие шипами пронзало мою кровь, пока я усаживал *ее* вертикально, а она дергалась на своем месте, пораженная электрическим током, проходящим через *ее* тело.

Не теряя времени, я переключил передачу и поехал. Когда подергивания утихли, я дал *ей* пощечину, от чего Холли ударилась о пассажирское окно. Кровь, красная и темная, сочилась из уголка *ее* рта, я провел пальцами и посмотрел на *нее*, продолжая везти нас к *ее* новому дому.

Когда мы приехали, я вытащил Холли из машины, и она споткнулась о землю, ободрав коленки. В спешке я помог *ей* встать на ноги, и она прихрамывала рядом со мной, пока я вел *ее* в ожидавший *ее* сарай. Но я недооценил Холли. Потому что, когда я открыл дверь в сарай, она пнула меня по ноге и бросилась бежать в сторону моего грузовика.

Я наблюдал за *ней*, забавляясь, пока она пыталась отыскать ключ от зажигания. Когда я подошел к *ней*, на моем лице появилась улыбка, и отчаяние девушки возросло. Она оставила дверь открытой и побежала в сторону деревьев, за которыми в нескольких милях находился *ее* дом.

Мои шаги стали быстрее, но судьба взяла свое, когда Холли споткнулась о камень, упав лицом в подстилку из листьев. Среди них была ветка, которая ободрала *ее* щеку чуть ниже левого глаза.

Я снова использовал свой электрошокер и потащил ее безвольное тело через камни, палки и ветки, надеясь, что царапины, которые она получила, будут напоминать о том, кто был главным. Как только Холли оказалась в сарае, я сковал ее руки цепями, висевшими на стене.

Кандалы и грязь — мои подарки ей в качестве приветствия в новом доме.

— Ты не сможешь уйти, — сказал я ей, злой и запыхавшийся. — Все бессмысленно.

Она плюнула в меня. Кровь, смешанная со слюной, приземлилась на мои ботинки. Я схватил девушку за волосы и яростно запрокинул ее голову назад. Глаза, все еще наполненные дикой решимостью, встретились с моими, и я плюнул ей в лицо. Радость — настоящая радость — барабанила в моей груди, пока я наблюдал, как моя слюна медленно стекает по ее щеке, в то время как она боролась с цепями, удерживающими ее руки у стены.

— Тебе не уйти отсюда, — напомнил я. — Здесь ты будешь жить, пока я не решу иначе.

— А что потом? — ее голос заставил меня сказать правду. Произнести слова и подтвердить ее судьбу.

Поэтому я так и сделал.

— А потом ты умрешь.

Я улыбаюсь, вспоминая. Это было только начало. Ее время снова настанет. Мысль растет внутри меня, растет, просачиваясь в мое тело, как гноящаяся рана. У нее будет новое начало, гораздо хуже, чем то, что она оставила позади.

Как и раньше, я слежу за ней, запоминая ее распорядок, поэтому не буду упускать возможность закончить то, что начал. Это для Эрики, моей Эрики, которую отобрал у меня отец девушки, чья некомпетентность за рулем автомобиля забрала мое сердце. Ее родители получили наказание, не приносящее мне удовлетворение, — они заслужили намного хуже.

Их смерть была слишком быстрой. Они не получили возможность почувствовать мучение, с которым я живу.

Они все еще должны заплатить. Таким образом, она заплатит за них.

Тем вечером я возвращаюсь домой и обнаруживаю Эрику, мирно спящую под действием снотворного. После быстрого душа я ложусь рядом с ней и нежно целую ее в щеку. Одной рукой обнимаю ее, она медленно пододвигается ближе ко мне. Я вдыхаю ее запах и засыпаю с любимой женщиной, которая навсегда останется со мной.

Холли

Утром того дня, на который намечена вечеринка, я нахожу Деда на кухне, завтракающим булочками с кремом, которые Хизер испекла для нас. Я принимаюсь, и меня окутывает запах свежее испеченного хлеба. Сажусь рядом с ним, нервная улыбка играет на моем лице, пока я намазываю крем на свою булочку, а затем, не глядя, пальцами отщипываю от нее кусочки.

— Выкладывай, девочка, — требует Деда, подмигивая.

Я медлю, откашливаюсь и делаю глоток кофе.

— Если ты не хочешь идти на эту вечеринку, не ходи. Это твой выбор.

— Я знаю, — стучу пальцами по столу. — Просто... я хочу пойти. Хочу притвориться, что ничего не произошло и просто пойти и быть той, кем Эмбер и Стефани хотели бы меня видеть.

— Извини, Холл. Я не хочу на тебя давить.

— Это не твоя вина, — я беру его свободную руку в свою и сжимаю. — Просто прямо сейчас, — останавливаюсь на полуслове, чтобы прийти в себя и донести до него свои мысли. Делаю глубокий вдох, и на выдохе говорю. — Я хочу уехать.

Деда замирает с разинутым ртом, мучительный стон срывается с его уст, ударяясь о кухонные стены и проникая сквозь них. Я встречаю взгляд, наполненный смятением, и его булочка с громким шумом падает на тарелку.

— Уехать? — спрашивает он. — Куда?

Не в состоянии выдержать его взгляд, смотрю мимо дедушки. *Я не знаю. Я не знаю, куда ехать.*

— Просто уехать.

Глаза Деда покраснели и наполнились с трудом сдерживаемыми слезами.

— Я только тебя вернул.

— Знаю, Деда, — я скольжу по скамье, пока не касаюсь его, и прислоняю голову к его плечу. — Хочу уехать туда, где люди не знают меня. Я чувствую, что разочаровываю людей тем, что не могу вспомнить.

— Я заставил тебя так думать? — спрашивает меня Деда, его голос вязкий от горя.

Чувство вины охватывает грудь, заполняя легкие.

— Я приношу тебе печаль, — шепчу я, не желая смотреть на него.

Некоторое время мы сидим молча, и напряженность в шее и плечах распространяется до затылка. Я хочу сказать что-то другое, чтобы успокоить Деда, но все же молчу, надеясь, что он первым нарушит молчание.

Опустив голову, я пытаюсь убедить себя поесть, просто засунуть еду в рот, прожевать, а затем проглотить. Но горло сжимается, и эта простая задача становится невыполнимой.

— Ладно, — наклоняется Деда, чтобы поцеловать меня в макушку.

Прищурившись, я гляжу на него в смущении.

— Ладно, — повторяет он. — У меня есть место, куда ты можешь поехать.

Тихий вздох облегчения срывается с моих губ, снимая напряжение, когда он подмигивает мне, прежде чем поднять свою булочку. Мы не говорим о том, где находится это место. Я просто доверяю этому человеку, изначально знаю, что он любит меня больше, чем кто-либо другой в этом мире.

Деррик приезжает рано и ему удается отвлечь меня от предстоящей вечеринки, как и помочь мне подобрать наряд. Под «помочь» я на самом деле имею в виду, что он лениво развалился на моей кровати и невнятно мычит или отменяет предлагаемый мной вариант наряда. Но, по крайней мере, мне не придется реветь на полу из-за того, что мне нечего надеть.

Я перебираю пакеты, которые привезла домой после шопинга с Эмбер и Стефани, но не успела убрать. Позже роюсь в них, иду в ванную и надеваю черно-белую полосатую блузку и красную юбку с высокой талией. Глядя в зеркало, я заканчиваю свой образ черной подводкой для глаз и красной помадой. Зачесываю волосы на один бок и тренирую перед зеркалом улыбку.

Я сделаю это, напоминаю себе и отворачиваюсь от зеркала, не желая видеть беспокойство в своих карих глазах, и больше не рассматриваю себя.

Многолюдно. Слишком многолюдно. В животе все напряжено, волнами накатывает тошнота.

Дом у озера, принадлежащий родителям Эмбер, большой, но не достаточно большой для всех присутствующих, поэтому, когда мы приезжаем, я вижу их расположившимися во дворе. Когда Эмбер сказала, что пригласила всех, я не думала, что на самом деле она подразумевала, что пригласила всех. Пока Деррик, положив руку мне на спину, ведет меня через дом, я, сцепив руки, прижимаюсь поближе к нему.

Просканировав взглядом комнату, толком не воспринимаю никого, пока разыскиваю Эмбер или Стефани. Кто-то протягивает мне напиток, который я послушно беру и потом отдаю Деррику. Я уверена, что прежде пила, но так как не помню этого, то не хочу, чтобы мой первый опыт с алкоголем происходил на глазах у кучи незнакомых людей.

Заметив нас, Эмбер спешит навстречу, как я и ожидаю, тепло обнимает меня, ее объятия кажутся не такими чужими и более радушными.

— Рада, что ты и Деррик смогли сделать это, — говорит Стефани, посылая Деррику застенчивую улыбку.

Застенчивую, твою же мать.

— Интересно, продлится ли ее интерес к нему дольше месяца, — шепчу я Эмбер, и она запрокидывает голову назад, когда смеется, в то время как Стефани щурит глаза, и я в ответ показываю ей язык.

— Я хочу тебе кое-что показать, — говорит Эмбер, взяв меня за руку.

Не глядя ни на кого, я иду с ней, а Деррик и Стефани следом за нами. Беспокойство и напряжение ослабевают, поскольку мы отдаляемся от дома, и шум уменьшается. Добравшись до озера, мы идем по небольшой асфальтированной дорожке через лесистую местность. Извилистые могучие дубы отбрасывают тени от луны, и в воздухе чувствуется прохлада. Я вдыхаю пронзительную свежесть, витающую в воздухе, и на моих губах появляется небольшая улыбка.

Я была здесь раньше. Если пройдем вперед, то мы найдем небольшую песчаную зону с местом для костра.

Я беру инициативу на себя, желая увидеть, права ли я. Ветер играет с моими волосами, бросая пряди на лицо, и мой взгляд мечется, когда мы доходим до поляны. Пять пластиковых шезлонгов расположены рядом, образуя плотный круг вокруг того, что, как я знаю, является местом для костра.

— Я была здесь, — узнавание загорается в моих глазах, и я убираю волосы от лица. — Верно? — я оглядываюсь на девочек для подтверждения. — Мы были здесь, — я размахиваю дрожащей рукой перед собой.

Рассеянно я иду к кострищу, пиная по пути небольшой камень. Уставившись на костер, я представляю, как мы с моими друзьями сидим рядом вокруг костра с пивом и пиццей в руках, смеемся и делимся своими историями. Эмбер подходит ко мне сзади и обнимает за талию, кладя подбородок на мое плечо.

— Да, мы были здесь, — шепчет она.

От ее слов мое сердце бьется.

— Мои родители и ваши родители... — указываю я на Эмбер и Стефани. — Мы собирались вместе, чтобы посмотреть футбол и остаться в доме у озера.

— Они раньше устраивали большие вечеринки Super Bowl (*Примеч. Вечеринки, посвященные супер кубку США по американскому футболу*), — соглашается Стефани. — А мы приходили сюда посидеть у костра и просто потусоваться.

Видение было настолько четким, что мои глаза затуманиваются от слез. Это реально. Так ярко, что почти осязаемо.

— Может, устроим вечеринку Super Bowl? — спрашивает нас Деррик.

В ответ я закатываю глаза, и, хотя не уверена, что он меня видит, он смеется и притягивает меня в свои теплые объятия.

— Мне зажечь костер? — спрашивает он.

Мы с девочками киваем головами.

— Прости, что я пригласила всех этих людей сегодня, — начинает Эмбер.

Я качаю головой. Теперь я понимаю. Она хочет, чтобы я была счастлива, и присматривает за мной так же, как мы втроем присматривали друг за другом.

— Мы можем не возвращаться, пока все не разойдется, — предлагает Эмбер.

— Я не хочу возвращаться, — признается Стефани. — Лучше всего, когда только мы и никого больше.

— Мы начинаем сначала, — Эмбер вытирает слезы, текущие из глаз. — Все, что вы

помнили или делали, не имеет значения. Это мы, — она берет руку Стефани и мою. — И мы создадим новые воспоминания.

Это мы. Я знаю, что это так же верно, как знаю, что дышу.

Даже когда уйду, я все равно буду с ними.

Я беру наручники, которые использовал, чтобы фиксировать руки девушки, и подношу их к лицу, чтобы ощутить ее запах и тем самым быть ближе к ней. Она так давно ушла, оставив меня в неутоленной жажде по ней на долгие шесть месяцев.

Если бы я не наслаждался так сильно ее страхом, она бы не ушла вообще. Но когда отеки на запястьях увеличились в три раза, я решил дать ее рукам отдохнуть, поэтому ослабил наручники. И когда она упомянула имя Эрики так, как будто имела на это полное право, я все потерял. Я бросил вещи, пнул ее и, в конце концов, выбежал из сарая, словно едва достигнувший половой зрелости подросток.

Она заплатит мне за побег.

Я не совершу ту же ошибку вновь.

Нет, в следующий раз я прослежу, чтобы она не убежала, пока не испустит свой последний вздох.

Скоро этот час настанет. Мне нужно снова приготовить ее комнату. Безграничное небо и дубовая роща вырывают меня из пучины отчаяния. Мне нужно сделать так, чтобы у нее не было возможности спастись, но я говорю не о физической боли. Физическую боль можно проигнорировать и перебороть.

Но эмоциональная боль?

Эрика — мое свидетельство тому, что никто не может избежать эмоциональной боли.

Эд, ее любимый дедушка, обречет ее на эту боль.

Холли

В небольшом двенадцатиместном самолете я проспала большую часть полета на остров Элютера. (*Примеч. Элютера (англ. Eleuthera) остров в составе Багамских островов*). В нервном возбуждении, потная, тяжело дыша, вырвалась из кошмарного сна.

Отголоски кошмара преследуют меня, я смотрю на свои руки, все еще покрытые следами от ран, которые он мне нанес. Его восхищало то, как я истекала кровью, и его губы кривились в угрожающей улыбке. Трясу головой, желая избавиться от воспоминаний, и смотрю в маленькое окошко на море пушистых облаков.

— Мы уже почти там, — говорит Деда, касаясь моего плеча.

Я хватаю его за руку, так мне становится комфортней. Я благодарна ему за то, что он со мной, он — мой надежный якорь, в то время когда жизнь тянет меня прочь в бездну тьмы.

Но одновременно я радуюсь тому, что Деда пробудет со мной только в течение нескольких дней. Вместе мы сядем на паром на остров Харбор, где он покажет мне город и проводит в свой дом на вершине, которую многие туристы называют Чертов холм. (*Примеч. Харбор (англ. Harbour), или Харбор-Айленд — маленький участок суши у северо-восточного побережья острова Элютера*). Я посмеялась над названием, но Деда меня заверил, что я все пойму, когда увижу его.

После того, как он через пару дней уедет, я останусь одна — нет, не одна, но на краю независимости. Эта мысль переполняет мое сердце радостью и страхом, но я предпочитаю сосредоточиться на позитивных эмоциях.

Было непросто убедить Энн, что я могу и должна уехать, но она мой психолог, а не охранник. Поэтому, несмотря на ее заботу, Деда и я уехали. Ведь и правда — что она знает обо мне или о том, как стабилизировать мое психическое состояние? Она имеет пару дипломов и несколько лет опыта, но, в конце концов, я единственная, кто может сделать себя лучше и самой с этим справиться. Она заложила своего рода основу меня, но теперь решать мне, на чем основываться.

Мои губы дергаются, а затем растягиваются в широкой улыбке, когда самолет начинает снижаться. Даже с нашей высоты я вижу, какая чистая вода под нами. Как будто кристальная. Волны бьются о берег, образуя пену; отблеск заходящего солнца поджигает море.

Мои нервы настолько расшатаны, что я практически подскакиваю с кресла, однако беру себя в руки, потому что боюсь крошечного самолета размером с гроб, в котором мы находимся. Он может дестабилизироваться и привести нас к нашей внезапной смерти. Видите, каким позитивным мыслителем я могу быть?

После посадки я мысленно целую землю и следую за дедушкой на наш паром, на котором мы совершим небольшое путешествие по заливу к острову Харбор. Я с нетерпением ступаю на паром, ноги сами несут меня, и я сажусь на борт лодки — так лучше видно воду.

Не мутная. Прозрачная. Красивая. Я наклоняюсь через борт лодки, чтобы коснуться прохладной воды, и смеюсь, когда чуть не кувыркаюсь за борт.

Деда обхватывает меня за талию, ворча предупреждение, поэтому я сижу рядом с ним и смотрю, как остров обретает форму по мере нашего приближения. Он больше, чем я себе представляла, не такой большой, чтобы я могла заблудиться, но не такой уж и маленький, от чего бы я чувствовала себя в заточении.

Как только мы причаливаем, я беру капитана за руку, спрыгиваю и шагаю на причал. Чувство покоя накрывает меня, и я погружаюсь в него.

Я здесь.

Я жива.

Я могу дышать.

Деда ведет меня через пристань на узкие улицы, где он указывает на наш гольф-кар. *(Примеч. golf cart — маленький автомобиль, предназначенный для перевозки игроков в гольф и их клюшек. Обычно рассчитан на двух пассажиров, реже — на четырех).* Гольф-кар — это то, что я могу позволить себе на малолюдном острове. Мое воображение разыгралось, и я кружусь от счастья. Просто счастлива.

— Деда, я могу повести? Пожалуйста, — умоляю, зная, что нехотя, но он согласится. До меня доходит, насколько много сделал для меня этот человек.

— Лучше пусти меня, принцесса, — доносится голос позади меня.

Это пугает меня до такой степени, что все полученные от Деррика навыки вступают в силу, и я буквально сбиваю этого человека с ног, заставляя его приземлиться на руки и колени, прежде чем понимаю, что делаю.

Я впиваюсь взглядом в этого незнакомца, готовая защищаться, когда замечаю, что его светло-карие глаза смеются надо мной. Он отряхивает с себя гравий, прежде чем протягивает хорошо тренированную и покрытую татуировками руку ко мне. Переборов себя, остаюсь на месте и молча пожимаю протянутую руку.

— Я Трэвис Кейлар, — говорит он, улыбаясь кривоватой улыбкой, которой я не доверяю. — Ваш сосед. Я приглядываю за домом твоего дедушки, а также мне посчастливилось иметь ключи от вашего гольф-кара.

У него есть ключи, но он мне их не дает.

Не оглядываясь на меня, он кладет багаж Деда и мой на гольф-кар и оставляет меня стоять в стороне в раздражении от его высокомерия и задницы идеальной формы. Из-за меня он чуть не упал. Я усмехаюсь. У него больше преимуществ в сравнении с моим ростом и силой ног, но я могла бы сделать этого наглого говнюка, если бы пришлось. Довольная, я сажусь в гольф-кар, уступив дедушке переднее сиденье, так что мне не придется сидеть рядом с Трэвисом.

Но я все равно смотрю на него, а точнее, на его руки. Думаю, иметь красивые руки характерно для художников, так как мы работаем ими, или, по крайней мере, так должно быть. И его руки красивые, с тонкими длинными пальцами и крепкими, увеличенными венами, которые выпирают на его мускулистых руках. Мои глаза следуют вверх по его татуированной руке, и я испытываю желание поднять рукав его рубашки, чтобы увидеть, какие другие художественные богатства скрываются под ней.

Оценивающе наблюдаю за ним, Трэвис смотрит на меня и улыбается той же раздражающей кривоватой улыбкой, которой он одарил меня всего несколько минут назад. Поэтому я возвращаю похожую улыбку, и он качает головой, смеясь надо мной.

Хотя руки трясутся, и нервы напряжены до предела, я игнорирую его весь остаток нашего пути и во время знакомства с моим новым домом. Узкие дороги огибают деревья, которые настолько большие, что я удивлена, что они не толкают остров под воду. Домики небольшие, но ухоженные — гордость для их владельцев. Лошади пасутся на обочине дороги, бродят свободно, не ограниченные забором. Я немного завидую их свободе, но напоминаю себе, что тоже найду свою свободу и независимость на этом острове.

Без предупреждения Трэвис поворачивает налево, на еще более узкую грунтовую дорогу, по которой практически невозможно проехать, и давит ногой на педаль газа. Я начинаю протестовать, пока не вижу его — Чертов холм. Он соответствует своему названию: это узкий и крутой подъем — и я не думаю, что наш маленький гольф-кар может с этим справиться.

Деда оглядывается на меня и подмигивает.

— Вот дерьмо.

Я начинаю смеяться, когда наш гольф-кар прокладывает себе путь вверх по склону. Пыхтит. Тянет. Толкает вперед. Никогда не сдаваться.

Как только мы добираемся до вершины, только одна мысль закрадывается в мой разум. Я хочу взять гольф-кар и съехать по склону, полностью давя на педаль газа. Каково это — сделать подобное?

Наш дом находится на самой вершине холма, слева открывается вид на залив и океан. Уже представляю себе, как слушаю музыку на iPod или читаю книгу, или делаю и то, и другое одновременно, кто сказал, что я не могу совместить?

Иду в сторону дома и встречаю мокрого черного зверя — это собака, несущая в пасти большой камень. Она роняет камень рядом с моими ногами и прислоняется своим задом к моей ноге, пока я глажу ее.

— Ее зовут Лилу, — говорит Трэвис, и Лилу взглянула на него при звуке своего имени.

Я наклоняюсь, чтобы поднять камень, который Лилу уронила возле моих ног, и бросаю его, чтобы она его принесла. Она смотрит, как камень тонет, но не преследует его.

— Она не любит играть в апорт, — сообщает мне Трэвис, — но спасает камни от утопления в океане.

Камни тонут в океане? Не понимая, я решила его игнорировать.

В тот момент, когда я глажу Лилу, она оставляет меня и бежит в сторону пляжа. Лилу отрешенно вылетает навстречу волнам и плавает кругами вдоль берега. Я сразу захотела ее себе и надеюсь, что она покинет своего хозяина, так что мы сможем провести некоторое время вместе.

Следуя за Дедой в дом, встречаюсь с повсюду расположенной плетеной мебелью. Она выглядит красивой и по-домашнему, но, честно говоря, дом мне не очень интересен. Я хочу пойти на пляж и лучше прочувствовать его. Я хочу чувствовать песок между пальцев. Хочу услышать, как волны бьются друг о друга.

Послушно следуя за Дедой, пока он показывает мне дом, и мое сердце замирает, когда я вижу студию, которую он организовал для меня.

— Таким образом, ты можешь продолжить рисовать, — он шаркает ногами, опуская свой взгляд на них, пока я целую его в щеку.

— Это сделал Трэвис, — сообщает мне Деда, и я вынуждена поблагодарить его. — Не беспокойся, — говорит он, отмахиваясь от меня, как будто в действительности у него не было никаких забот.

Я отворачиваюсь от его пристального взгляда. Здесь идеальна не только сама студия, но и вид на пляж чуть неподалеку от нас. Не в состоянии больше ждать, я как можно быстрее обнимаю Деду, прежде чем выбегаю за дверь и направляюсь в сторону пляжа. Осторожно спускаюсь по каменистой тропе, добираюсь до низа, где снимаю свои сандалии и зарываю ноги в песок. Благодаря влажности песка, охлаждающей пальцы, и Лилу, плавающей по волнам, стресс, который я испытывала, кажется, рассеивается.

Знаю, что здесь я найду свою свободу. Я найду свой путь, так что могу быть совершенно взрослым человеком, для которого физический контакт не является непреодолимым барьером. Возможно, я никогда не смогу наслаждаться им, но с обретением свободы научусь не реагировать на него так остро.

Не знаю, сколько покоя обрету здесь. Как только дедушка уедет, здесь никого не будет, чтобы разбудить меня от моих кошмаров. Но это то, что мне нужно. Мне нужно научиться, как справиться с собой.

И как справиться с чересчур уверенным в себе соседом. Кажется, я слышу, как он спускается по той же дороге, что и я.

Не желая говорить с ним, иду к воде, чтобы посидеть на берегу, подтягиваю ноги к груди и кладу голову на колени. Холодные брызги океана целуют мое лицо — простая ласка моря.

Волны продолжают подниматься и выплескиваться на берег, касаясь пальцев моих ног. Каждая волна еще свирепее, будто ведет бой, в котором никто не сможет победить.

Не понимая этого утонченного уединения, Трэвис сидит рядом со мной, и вместе мы смотрим на горизонт, каждый погружен в собственные миры и мысли.

Я расслабилась, не осознавая этого. Хоть я и нахожусь в такой близости с этим человеком, напряженность спадает, и я издаю тихий вздох, когда Лилу приносит нам камень, который она достала со дна океана, будто это мусор.

Сохранение камней от утопления. Я понимаю.

Оглядываюсь на Трэвиса впервые с тех пор, как он присоединился ко мне, и слегка улыбаюсь ему.

— Твой дедушка сказал мне, что я должен быть добр к тебе, — он заваливается на бок и облакачивается на левый локоть.

Я смеюсь. Представляю, как Деда говорит это.

Когда мои глаза встречаются с глазами Трэвиса, я тону в них, неспособная планомерно отвечать на все его замечания. Он протягивает руку, чтобы смахнуть растрепавшиеся волосы с моих глаз, но я отстраняюсь от него, пытаюсь скрыть румянец и страх, который он всколыхнул во мне.

— Ты не должен быть ко мне добр, — я встаю, вдруг рассердившись и нуждаясь в некотором пространстве. — Ты ничего мне не должен. Нам даже не придется говорить, — выпрямив плечи, я напрягаю спину, гордясь тем, что мой голос не дрожит.

Но гордость исчезает, когда я вижу веселые искорки в его глазах и глупую полуулыбку.

Только потому, что Энн сказала мне, что насилие — это не лучший способ выпустить гнев, я решила не портить усмешку на его лице. Вместо этого я в гневе ухожу, как сделал бы гордый пятилетний ребенок.

— Ладно, принцесса.

Его слова останавливают меня, и я поворачиваюсь к нему лицом.

— Не называй меня так.

— Тогда, может, соблазнительница? — нерешительно предлагает Трэвис.

Я краснею, а затем румянец полностью заливает мое лицо. Его полуулыбка возвращается, это не успокаивает меня, поэтому я заканчиваю истерику и топаю обратно в свой новый дом.

Знание того, что там, на пляже, он надо мной смеется, приводит к тому, что этот дом и весь этот чертов остров становятся слишком тесными, поэтому я иду в студию рисовать только для того, чтобы найти себе занятие.

Разбитая и нуждающаяся в некоторой дистанции, я прошу Деду показать мне остров. Я все еще слишком потрясена ездой, так что пусть дедушка проводит меня пешком. Меня поражает, с каким большим количеством людей Деда знаком на острове. Я рада, что они ничего не ждут от меня, когда представляю себя иностранкой, приехавшей на чужой остров.

На ланч Деда приводит меня в бар, где он клянется, что у меня будет лучший бургер в мире. Я не уверена, насколько хорошей будет еда, но атмосфера что надо. Пол не что иное, как песочница, а бар украшен фотографиями улыбающихся клиентов, нашедших все, что искали в этот конкретный момент.

Мы с Дедой сидим снаружи, и я наблюдаю, как чайки танцуют над нами. Одна из них летит, достигая неба, а потом парит, расправив крылья. Солнце простирается по синему небу, его тепло согревает мою кожу. Закрыв глаза, я наклоняю лицо, приветствуя тепло.

— Ты знаешь, — говорит Деда, и я оглядываюсь на него, видя единственного человека, которого я действительно знаю, и он знает и любит меня. — Однажды здесь я встретил Джимми Баффета. *(Примеч. Джим Баффет — американский музыкант, исполняющий песни в стиле кантри-рок).*

— Да? — спрашиваю, вспоминая песни, которые он поет про чизбургеры и выпивку.

— Да. В этом вот баре, — глаза Деды сверкают, пока он вспоминает тот момент. — Он спел для нас все песни. Также устроил большое шоу.

— Ты взял у него автограф? — дразню я.

— Ты меня не слушаешь? — подмигивает он мне. — У меня был персональный концерт. Что может быть лучше этого?

— Автограф, — отвечаю, прежде чем сделать первый укус чистого блаженства.

Деда был прав. Они делают лучшие гамбургеры.

Потребность. Желание. Отсутствие удовлетворенности. Вечное желание чего-то большего, вечное недовольство достигнутыми результатами. Желая побыть в одиночестве, я хотела, чтобы Деда уехал. Все же одиночество подкралось в тот момент, когда он сел в самолет. Он вернулся домой три дня назад и звонит мне каждые два часа. Раздраженная и одновременно довольная, я отвечаю на его телефонные звонки, желаю повесить трубку и вместе с тем испытываю необходимость слышать его голос.

Я сижу на крыльце с Лилу, в то время как наступает ночь. В доме включен свет, полностью освещая его, — так что тьма не может настичь меня. Подтянув ноги, я сворачиваюсь в кресле, чтобы почитать один из старых любовных романов из маминой заначки. Деда сказал мне, что они спрятаны в комнате, где я сплю. Возможно, несколько литературных порно произведений придадут мне храбрости, столь необходимой для того, чтобы находиться рядом с Тором.

Так я назвала Трэвиса, ведь он сложен, как Бог. Нет ничего, что приносило бы мне большее наслаждение, чем смотреть, как он без рубашки играет со своей собакой на пляже. Его мышцы поигрывают на солнце, татуировки представляют собой вихрь цвета. В его светло-карих глазах танцует радость, а смех заглушает шум моря. Каждый день я смотрю на него, смакуя его неистовость. Ну, пока он не ловит меня за подсматриванием, и я прячусь обратно в свое убежище, где не вижу, как он надо мной смеется.

И, должно быть, словно всезнающий Бог, Трэвис появляется из ниоткуда на моем заднем крыльце. Я прерываю чтение, немного раздраженная тем, что он только что прервал сексуальную сцену персонажей в увлекшей меня книге.

Без приглашения он садится на стул рядом со мной, и я вынуждена отложить книгу. Мои движения немного резкие.

— Что читаешь? — спрашивает он.

— Книгу, — отвечаю я, показывая ему.

Трэвис удивленно приподнимает брови, когда видит обложку, и забирает у меня книгу. Это только расстраивает меня, поэтому я возвращаю ее обратно.

«Посмотрите на нас, ведем себя, как зрелые взрослые люди, которыми, вообще-то, и являемся», — думаю я, разочарованно качая головой из-за своей неопытности. Уверена, именно такое впечатление я произвожу на Трэвиса.

— Ты читаешь порно, — смеется он надо мной.

Закатив глаза, я отвожу взгляд, пытаюсь скрыть пылающие щеки, но мне кажется, что они светятся, словно красный люминесцентный маяк.

— Я читаю любовный роман, — поправляю его, заталкивая книгу под себя.

Он смеется в ответ на мое возражение, что только раздражает меня.

— А чем занимаешься ты? — спрашиваю я с осуждением, чтобы на этот раз он

чувствовал себя незащищенными и маленьким. — Помимо того, что весь день играешь на пляже.

— Я присматриваю за пляжными домиками, — Трэвис убирает несколько прядей волос от своего лица. — Я поддерживаю их, поэтому, когда хозяева приезжают на остров, им не приходится беспокоиться об уборке, и они просто наслаждаются отдыхом. И также подрабатываю на острове.

Мои щеки охватывает несвоевременное пламя, в то время как он нагибается, чтобы погладить Лилу, храпящую у моих ног.

— Как давно она у тебя? — спрашиваю я, указывая подбородком на Лилу.

— Я нашел Лилу и ее однопометников три года назад, когда им было всего несколько недель от роду.

Не могу не улыбаться при мысли, что Лилу, наверное, была такой крошечной, прежде чем превратилась в собаку с огромными лапами.

— Что насчет ее матери? — интересуюсь я, взволнованная его ответом.

— Я так и не нашел ее.

Черт.

— Ты искал ее? — мое сердце замирает. Она пропала, как и я? Только у нее не было никого, кто мог бы найти ее.

— Да, каждый день. Но все щенки были голодными, когда я их нашел, поэтому она, должно быть, погибла или убежала задолго до того, как я нашел их.

Мои плечи опускаются, любой из вариантов печалит меня.

— А остальные щенки?

— Они не выжили, — он наклоняется ко мне, прикасаясь к моему колену ладонью.

Мое тело замирает, и я отодвигаюсь подальше от него.

— Почему ты так ее назвал?

Трэвис растерянно смотрит на меня.

— *«Пятый элемент»*, — говорит он медленно, но я продолжаю смотреть на него пустым взглядом.

— Фильм? — подсказывает он.

Я виновато качаю головой, потому что понятия не имею, о чем он говорит.

— У меня дома есть этот фильм. Если хочешь, можешь его посмотреть.

— Конечно, — отвечаю я, довольная улыбка появляется на моих губах. Я думаю, фильм или, по крайней мере, женский персонаж должен быть очень интересным, если он назвал свою собаку в ее честь.

Такой же энтузиазм я наблюдаю каждый день на пляже. Трэвис встает, заставляя Лилу пошевелиться на своем месте возле меня, в то время как он тянет меня за руку. Я смотрю на него в замешательстве, но не пытаюсь убрать руку из его теплой хватки.

— Ну? — спрашивает Трэвис, даря мне полуулыбку, от которой мое тело начинает хотеть большее, чем я готова получить.

— Что «ну»? — я приподнимаю брови, пытаюсь понять его.

— Фильм, — отвечает он. Его глаза, как обычно, смеются надо мной, заставляя опустить взгляд на ноги.

— Верно, — приглаживаю волосы, убирая их от лица, хоть они и так собраны в конский хвост. — Хочешь посмотреть сейчас?

— Конечно, — Трэвис пожимает плечами, будто смотреть фильм была моя идея. — Я

принесу его, и мы можем посмотреть в твоём доме.

Трэвис отпускает мою руку, и я сжимаю руки в кулаки, желая удержать эти ощущения немного дольше. Я смотрю на его удаляющуюся спину, пока он идет к своему дому, и закатываю глаза то ли из-за него, то ли из-за себя. Не уверена, кто причина, но закатить глаза мне по-прежнему необходимо. После того, как он исчез из моего поля зрения, возвращаюсь в дом и смотрю на диван в гостиной. Осознавая то, что мы оба будем сидеть здесь, я начинаю понимать, что он слишком мал.

Тесный. Удушающий.

Внезапно мысли затуманиваются, я бегу в свою комнату, чтобы взять сотовый телефон. Прокручиваю список контактов, пока не нахожу имя Эмбер, и нажимаю вызов.

Прежде чем ей удастся поприветствовать меня, я начинаю бессвязно говорить.

— Ко мне сейчас придет парень, — шепчу я в трубку. — Что мне делать?

— Холл, запри двери! — орет Эмбер в трубку, и я слышу, как она ходит. — Позвони в полицию. Где бы ты ни была, не впускай его.

Встревоженная, я смотрю на свой телефон и начинаю смеяться.

— Нет. Я пригласила его. Отчасти. Он вообще-то сам предложил, но я не особо возражала. Я имею в виду... — затихаю я. — Эмбер, — умоляю, желая, чтобы она поняла.

— Ждешь? Ты хочешь, чтобы этот парень пришел?

— Я так думаю, — хнычу в трубку. Эта путаница порождает тревогу в моих мыслях.

— Так это вроде как свидание?

— Нет, — качаю головой, сердце колотится, и нервный испуг охватывает меня. — Не говори так. Это определенно не свидание. Он мой сосед. Я никогда не видела какой-то там фильм, который ему нравится, поэтому он сейчас его принесет, — распускаю волосы и расчесываю пальцами пряди. — Черт возьми... это свидание, Эмбер?

— Успокойся.

Я слышу смех в ее словах и стараюсь успокоиться, но не думаю, что ощущение спокойствия появится в ближайшем будущем. Мое прошлое тянет меня назад, мой сломленный разум всегда преследует меня.

— Пойди на кухню и возьми бокал для вина.

Я слеую ее инструкциям и дрожащей рукой хватаю бокал.

— Ладно, — отвечаю я, пока верчу его в руке.

— Налей вина, Холли, — она терпелива, но в ее очаровательном голосе слышится юмор.

— Вино. Верно.

Передо мной полный запас неизвестных вин, я смотрю на бутылки как на инородный предмет.

— Выбери аргентинское вино, — предлагает Эмбер.

Я просматриваю бутылки, пока не нахожу темно-красное аргентинское вино. Как только нахожу штопор, открываю вино с хлопком, столь же громким, как биение моего сердца, в это время Трэвис заходит через заднюю дверь.

С трепетом мой взгляд встречается с его глазами, пока я спокойно прощаюсь с Эмбер. Затем я делаю глубокий вдох и останавливаю дрожь в руках, отвернувшись от его осязаемого присутствия. Мое сердцебиение учащается, когда Трэвис подходит ко мне сзади и наклоняется для того, чтобы налить вино для нас. Я смотрю на стоящую передо мной бутылку вина, стараясь дышать ровно, но все, что мне удается делать, это вдыхать и

выдыхать короткими вздохами.

После того, как Трэвис вручил мне мой бокал, он идет к дивану и, наконец, дает мне пространство, необходимое для того, чтобы комфортно дышать. На несколько секунд закрываю глаза, крепко, до боли, и сосредоточиваюсь на дыхании до тех пор, пока не обретаю уверенность, что не выставлю себя полной идиоткой перед ним. Садясь на дальнем конце дивана, я сосредотачиваюсь на экране перед нами, пока Трэвис включает фильм.

Мое тело напряжено, пока идут вступительные титры. Я делаю глоток вина, надеясь, что мои мышцы расслабятся от этого маленького жеста. Вместо этого мои мысли занимает Трэвис и его дыхание, когда он поднимает бокал к губам, красно-черная таттуировка видна из-под рукава его рубашки. *(Примеч. англ. tattoo tribal — картины геометрического плана, выполненные в плавных или остроконечных линиях. Переплетение узора напоминает, скорее, орнамент, нежели реалистическое изображение чего-либо).*

Он смотрит на меня, а не на телевизор. Трэвис своим присутствием, кажется, полностью заполняет все пространство моего небольшого пляжного домика. Его мощный мужской запах проникает мне в ноздри, даже вино на вкус ощущается, как он. Я украдкой смотрю в сторону Трэвиса и вижу, что он невозмутимо улыбается мне в ответ, а его светлокори глаза задерживаются на моем лице.

Сердцебиение снова учащается, но на этот раз оно не выпрыгивает из груди, а чувствуется между ног. Я плотно сжимаю бедра и обращаю внимание на фильм. Не сказав ни слова, Трэвис отсаживается от меня, однако кладет руку на спинку дивана так, что его пальцы близки к моим волосам.

Электрические импульсы идут из его пальцев, словно тянутся ко мне, оставляя меня желать его близости. Я ненавижу это. Но больше я ненавижу то, что хочу, чтобы эти пальцы коснулись меня. Потребность, неудержимая и ужасающая, затопила меня. Не тихое желание, оставляющее мягкий след, а удушающее требование моей израненной души. Чтобы заполнить одинокие пробелы, чтобы почувствовать теплоту его рук, распространяющуюся по моему телу, до тех пор, пока она пульсирует в моей крови.

Многообещающее удовольствие затуманивает разум, и безнадежный вздох срывается с моих губ, незаметно повисая в плотном воздухе.

Когда Лилу прыгает на диван, заняв пространство между Трэвисом и мной, я немедленно начинаю ласкать ее, используя возможность пошевелить напряженными конечностями. Когда я глажу макушку, она пододвигается ближе ко мне и торжественно роняет голову мне на колени.

— Конечно, — смеется Трэвис. — Собака получает больше, чем мужчина.

Я откашливаюсь в руку и медленно перевожу взгляд на лицо Трэвиса, который смотрит на меня удивленными глазами.

— Собака может играть лучше мужчины, — находясь на безопасном расстоянии от Трэвиса и с Лилу между нами, я обретаю обманчивую смелость.

Трэвис смеется, а затем проводит пальцем по тыльной стороне моей ладони, лежащей на голове у Лилу.

— Мужчина может играть, — его голос звучит словно шелк.

Мой взгляд перемещается от наших рук к его лицу, и я со свистом выдыхаю, когда замечаю, что его взгляд сосредоточен на моих губах. Откашливаясь, я одергиваю свою руку от его, тут же теряя тепло его прикосновения, и концентрирую все внимание на телевизоре и тупом фильме, который в первую очередь поставил меня в такое положение. Все это время

сизу, сжав ноги, чтобы уменьшить пульсацию между ними.

Холли

Связанная.

В ловушке.

Я не могу дышать, кто-то удерживает меня. Корчусь, пытаюсь вырваться, но мои руки слишком крепко связаны. Крики эхом отдаются от стен, пока я чувствую, как лезвие бритвы прорезает полосы на горле. Мои крики душат меня, и я задыхаюсь. Хотя горячие слезы катятся по щекам, я не открываю глаза.

Если я это сделаю, то увижу его — лицо моих кошмаров.

Сквозь звук рыданий слышу свое имя. Это едва ли не шепот, но достаточно четкий для меня, чтобы услышать. Я сильнее зажмуриваю глаза, желая, чтобы это все ушло: связанные руки, голос, зовущий меня, жестокость, которая следует каждый раз, когда наступает темнота.

— Холли.

Опять этот голос зовет меня, а руки трясут мое тело.

Я кричу снова и в ужасе дрожу от садистских рук моего похитителя.

— Открой глаза, — говорит голос мягко.

Но я не могу. Я не могу открыть глаза в темноте. Не могу снова поддаться ему.

— Холли, ты в безопасности.

Безопасность. Как будто кто-то может быть в безопасности в этом злом мире.

— Ты в безопасности, — говорит голос снова, дыхание обдает мое лицо, словно легкий ветерок.

Кричу еще громче, слезы быстрее бегут по моим щекам.

— Это Трэвис, Холли, — голос по-прежнему мягкий, но непоколебимый.

Его руки оставляют мое тело, и только тогда я понимаю, что они не удерживают меня, а касаются.

Он трогает мое лицо, его руки ласкают меня, в то время как голос зовет.

— Ты в безопасности.

Так или иначе, его слова доходят до меня.

Постепенно мои крики становятся менее отчаянными. Реальность происходящего доходит до моего сознания, и смущенная, я, наконец, перестаю бороться.

— Я собираюсь залезть к тебе в постель.

Не отвечаю и не открываю глаза, чтобы увидеть его. Мое тело напрягается, когда прогибается кровать, пока Трэвис присаживается, а затем ложится рядом со мной. Он руками обнимает меня за талию и притягивает ближе к себе. Напряжение, словно воздух, покидает мое тело, и я сворачиваюсь возле Трэвиса. Разжимаю кулаки и, сильно вздохнув, медленно расслабляю тело.

— Когда был маленьким, я хотел стать космонавтом, — говорит Трэвис, губами лаская мой лоб.

Открываю глаза и слушаю успокаивающий голос Трэвиса.

— Я хотел бы жить среди звезд и видеть Землю из космоса. Однажды я нашел картонную коробку, которую выбросил наш сосед, и спрятал ее в своей спальне. Каждую ночь, когда все засыпали, я залезал в нее и притворялся, что это мой корабль. Я путешествовал бы в космосе и согласился бы на все эти космические полеты.

Я теряю себя в истории Трэвиса. Прекращаю дрожать. Прекращаю плакать. Я чувствую себя в безопасности в объятиях человека, которого едва знаю, и снова засыпаю.

Спустя несколько часов открываю глаза и обнаруживаю слегка храпящего Трэвиса возле себя. Смотрю на него, мой взгляд бродит по резким чертам его лица. Его глаза, светлые и яркие, закрыты. Интересно, что ему снится. Его губы расслаблены, и я испытываю желание провести по ним пальцем.

Его дыхание учащается, и я понимаю, что он просыпается, но его глаза остаются закрытыми. Отодвигаюсь от него, отводя взгляд от его лица.

— Не прекращай смотреть, — говорит Трэвис, его глаза все еще закрыты, и мои губы изгибаются в улыбке. — Это совершенно не кажется странным, — добавляет он.

Слишком рано для остроумного подшучивания. Я покидаю объятия Трэвиса, дарящие комфорт, и направляюсь в ванную, где смываю остатки сновидений прошедшей ночи. Когда выхожу из ванной, то набираюсь храбрости для того чтобы спросить Трэвиса о том, хочет ли он еще жить среди звезд. Это мой способ признать то, что он сделал для меня.

Но я нахожу свою кровать пустой и, обыскав дом, отмечаю, что вновь одна.

Забывшись в своем искусстве и свободе, я сижу перед пустым холстом, на котором появляются образы, пойманные в моей голове. Я не думаю ни о чем, кроме руки и всего того, что она создает. Здесь, в окружении своего творчества, я обретаю дар речи, свою судьбу, свое предназначение. Я оказываюсь с инструментами моего собственного творения. Это я, мой неповторимый высоко поднятый дух. Я никогда не шла на компромисс, по крайней мере, не здесь, не среди моего искусства.

Свет в комнате начинает меркнуть, когда рассвет перетекает в сумерки, и только тогда, когда мне нужно включить свет в комнате, я понимаю, что не ела весь день. С сожалением я покидаю свою маленькую студию, чтобы сделать сэндвич, и обнаруживаю на телефоне пять текстовых сообщений от Деррика. Игнорируя их, наливаю себе бокал аргентинского вина, которое пила прошлым вечером.

Вчера вечером.

Вчера вечером я смотрела фильм с Трэвисом и Лилу, это было... мило.

Но потом они ушли, и один из моих кошмаров навестил меня.

Я не видела Трэвиса, поскольку сегодня утром он опять ушел. Даже учитывая, что рядом с ним я чувствую себя неловко, мне не хватает его присутствия и не терпится увидеть его, потому что он может прогнать одиночество, живущее внутри меня. Не желая признавать это

маленькое желание, я беру свой ужин на задний дворик и смотрю на прибой, который надвигается и отступает. Внезапный холод пронизывает меня насквозь, пока я проверяю пляж в поиске Лилу или Трэвиса.

Это происходит не очень часто, но время от времени, как и теперь, одиночество, к которому я уже привыкла, тревожно закрадывается и оседает в животе. Единственный выход, который я придумала, — сон. Сон, как и рисование, является спасением, которого я с нетерпением жду, если один из моих кошмаров начинает преследовать меня. Пока кошмары не тревожат меня, как они это сделали, когда я впервые покинула больницу, они все еще там, отдыхают под поверхностью, только и ждут, чтобы нанести удар.

Не желая мерзнуть, я смотрю на небо и звезды, чьи обещания и очарование призывают меня. Оставляю телефон и оставшиеся без ответа сообщения от Деррика, беру бокал вина и спускаюсь вниз по каменистой тропинке к пляжу, где снимаю сандалии и зарываюсь пальцами ног в песок. Наслаждаясь мягким рокотом моря и спокойно дыша, продолжаю смотреть на звезды.

— Не раскисай, — говорю сама себе, обхватывая себя руками и ожидая бурю, назревающую в груди.

Вдруг появляется Лилу, она несется вниз к пляжу, при этом пугая меня. Я громко смеюсь, когда она перекачивается на спину и крутится на песке, но потом Трэвис пугает меня, прикасаясь к моему плечу так тихо, что я почти ничего не чувствую. После моего громкого визга Трэвис неуверенно кладет свою руку на мое плечо, прежде чем берет у меня вино и делает глоток.

— Ты знаешь, как рождаются звезды? — спрашивает он, глядя вперед, в темноту, нависшую над океаном.

Я качаю головой и смотрю в пугающую черноту, внезапно почувствовав уязвимость из-за близости Трэвиса. Его рука покоится на моем плече, и я дрожу от его прикосновения.

— Сначала должна развалиться газовая туманность. Она разрушается, и как раз в этот момент рождается звезда.

Пряди волос щекочут мое лицо, когда я поднимаю взгляд вверх, чтобы посмотреть на Трэвиса, и мои легкие наполняются надеждой.

— Да, разваливается, — он пожимает плечами. — Это единственный способ, чтобы возродиться.

— Мне это нравится, — я дарю ему слабую улыбку, благодарная за его слова, ослабившие мое напряжение. — Спасибо.

На секунду закрываю глаза, прежде чем бездумно продолжаю пялиться в небо, теряясь в красоте звезд. Не понимая действий моего предательского тела, я опираюсь на Трэвиса и вдыхаю его запах, вкус его мужественности ощущается на кончике моего языка.

— Хочешь поговорить об этом? — спрашивает он.

Нет. Нет, черт возьми.

Расстроенная, я отстраняюсь от него, но Трэвис по-дружески кладет руку на мое плечо. Мое тело напрягается, но он удерживает меня на месте.

— Эй, хочешь пойти со мной? — спрашивает он.

Несмотря на то, что хочу сказать «нет», я соглашаюсь. Любопытство и необходимость спускаются вниз по спине, но это нечто большее. Я *хочу пойти* просто потому, что хочу быть рядом с Трэвисом и его нелепой дерзкой полуулыбкой, легким поведением, надежными сильными руками и великолепными светло-кариими глазами.

— Куда пойдём?

— Это сюрприз.

— Я не очень люблю сюрпризы, — я стыдливо отвожу взгляд от его внимательных глаз.

— Все больше причин для тебя, чтобы пойти, — продолжает он, протянув руки ко мне.

Итак, я беру его за руку. Делаю это неохотно и удивляюсь, когда моя кожа оживает от его прикосновения. Стук моего сердца отдаётся в ушах, я продолжаю держать Трэвиса за руку, пока он ведёт меня обратно наверх по каменистой тропе мимо нашего дома к его гольф-кару. Мы разъединяем руки, когда я забираюсь в гольф-кар, однако, когда Трэвис присоединяется ко мне, он снова берёт мою руку и начинает движение. Мы едем молча, и я концентрируюсь на дыхании, а не на его большом пальце, круговыми движениями ласкающем верхнюю часть моей ладони.

Пока мы держимся за руки, на миг мои демоны исчезают.

Дыхание сбивается, и я задерживаю его, когда Трэвис поворачивает на большое пустое пространство, покрытое гравием, и ставит гольф-кар на стоянку. От страха моя шея напрягается, и я знаю, что к моей постоянно растущей коллекции узелков от судорог шеи и спины, добавится ещё один. *(Примеч. Имеются в виду узлы, известные в медицине как «триггерные зоны», образуются в тех случаях, когда мышечные волокна не в состоянии расслабиться. Обычно они появляются в крупной трапецевидной мышце, которая простирается от основания черепа до плеч и середины спины. Причины образования узлов самые разнообразные. В случае героини — постоянное напряжение мышц и судороги на почве стресса и чрезмерных занятий спортом).* Борюсь с желанием вырваться и бежать, но вместо этого сжимаю руку Трэвиса.

«Бояться нечего», — уверяю я себя.

Надеясь, что мой голос не дрожит, спрашиваю:

— Где мы?

— Заброшенный аэропорт, — отвечает Трэвис, улыбаясь мне.

— Что мы здесь будем делать? — я дрожу и уверена, что он может услышать стук моего сердца, пытающегося вырваться из груди.

— Смотреть, — говорит он.

Трэвис выключает передние фары на гольф-каре. Темнота, подобно лавине, охватывает нас, поглощая меня. Осознание происходящего ударяет меня вместе с ударом моего сердца, быстро и болезненно. Слезы ужаса разрывают меня, кровь отступает от лица.

Я наконец-то слушаю мой мозг и бегу. Трэвис сразу бросается следом, его шаги громкие, но я готова к борьбе, поэтому останавливаюсь и сталкиваюсь с ним, полная решимости победить, чтобы никогда больше не быть жертвой.

— Холли, успокойся.

Даже в крошечной темноте я вижу, что он держит руки в воздухе — признак отступления.

Готовая к бою, я всегда настороже, но от адреналина, что пробежал по венам секунду назад, уже не осталось и следа. Я осталась эмоционально пустой и уставшей. Трэвис, продолжая держать руки высоко поднятыми, приближается ко мне, его движения медленные, дыхание поверхностное.

Ругая себя за глупую реакцию, сажусь на землю и смотрю на что угодно, кроме мужчины, заставляющего меня задуматься о множестве вещей в течение нескольких секунд. Мое дыхание стабилизируется, но я отвожу взгляд, чтобы не видеть заботу или сочувствие в

глазах Трэвиса.

— Трэвис, включи свет, — умоляю его.

Я ненавижу темноту. В течение нескольких дней *он* оставлял меня в покое в темноте, и, в конце концов, я потеряла счет времени. День стал ночью, объединенный вечной темнотой.

Выплакав слезы, я грубо вытираю их, ненавидя каждую слезу, скользящую по щеке.

— Ладно, — отвечает он.

В темноте я слышу, как Трэвис уходит, его фигура исчезает, растворяясь в темноте.

Я громко выдыхаю задержанный воздух. Когда вижу вспышку света, до меня доходит смысл происходящего и то, как глупо себя повела. Я похожа на психопатку. Если бы земля разверзлась прямо сейчас, я бы с удовольствием провалилась.

Кроме того, что земля разверзнется, вероятно, будет еще и темно. Вздыхаю. Я не очень люблю темноту.

— Ты в порядке? — спрашивает Трэвис, садясь рядом со мной.

Пожимаю плечами.

— У меня странная боязнь темноты, — говорю легко, как будто психические срывы были нормальным явлением.

— Да, — смеется он и проводит руками по лицу. — Я думаю, мое удивление выглядит ужасно.

Несмотря на свое состояние, смеюсь.

— Так какой был сюрприз?

— Звезды, — говорит он, глядя вверх. — Ты всегда смотришь на них со своего заднего дворика, и, когда я увидел тебя на пляже сегодня, захотел, чтобы ты увидела их здесь, поскольку вокруг нет света.

Я смотрю на небо и вижу тысячи звезд, но знаю, что свет от гольф-кара заслоняет больше тысячи от нашего взгляда. Я хочу их видеть. Но больше всего я хочу не бояться своего похитителя, который своим существованием душит меня.

Борясь с внезапной тошнотой, я хватаюсь за руку Трэвиса, ощущая смелость, которой так не хватало мне несколько минут назад. Этот человек пришел в мой дом, когда услышал мои крики, и успокоил меня рассказом о маленьком мальчике и звездах.

— Покажи мне, — шепчу я.

Трэвис не усомнился в моей просьбе и не заставляет меня чувствовать себя неловко или глупо. Он просто помогает мне подняться, и вместе мы возвращаемся к гольф-кару. Я наблюдаю за тем, как он тянется к выключателю, чтобы погасить свет снова, и мои колени слабеют.

— Готова? — спрашивает Трэвис.

Моя грудь поднимается от резвого вдоха, и я напрягаюсь всем телом. Закрываю глаза, а затем киваю головой.

В течение нескольких секунд все становится черным, и страх возвращается обратно. Дыхание учащается, поэтому закрываю плотнее глаза, отчего слезы начинают просачиваться из уголков глаз. Но Трэвис сохраняет твердую хватку на моей руке, тянет меня обратно в безопасность.

— Посмотри наверх, — шепчет он мне на ухо.

После недолгих колебаний я это делаю.

И забываю, что мне страшно. Все еще держа руку Трэвиса, я отхожу от гольф-кара до тех пор, пока не оказываюсь в центре пустого аэропорта. Снова смотрю вверх на небо, и

остатки тоски покидают мою грудь. Звезды и запах близлежащего океана окутывают меня, моя судьба уже не в моих руках.

Трэвис успокаивает страхи, успокаивает мою душу. А мне нравится чувствовать его руку в своей руке. Тепло, которое она приносит, конкурирует с холодной дрожью, бегущей по позвоночнику каждый раз, когда мы разделяем то же самое пространство. Я хочу чувствовать его руки, обнимающие меня, но знаю, что отчаяние быстро отступит и оставит меня похожей на сумасшедшую, которая на самом деле живет где-то внутри.

«Он уже видел сумасшедшее во мне, — напоминаю я себе, — и он не сбежал».

Так, может быть, есть надежда для нас, если он хочет, чтобы мы были вместе, или это я хочу, чтобы были «мы».

Но зачем думать о таких неконтролируемых мною пустяках?

Я решаю довериться ему и наслаждаться волшебством, которым он делится со мной. Итак, я медленно подвигаюсь к нему, настолько близко, что наши плечи соприкасаются, и смотрю в небо, уверенная в том, что кто-то наблюдает за мной сверху.

— Это удивительно, — говорю я, наконец, нарушая тишину между нами.

— Я знал, что тебе понравится, — говорит Трэвис.

Он сгибает колени, опускаясь на асфальт под нашими ногами, и тянет меня за собой. Оказавшись на земле, он ложится на спину. Я следую его примеру и, подложив под голову руки, смотрю на небо.

— Так, Казанова, — начинаю я, — называй звезды, на которые я смотрю.

— Это просто, принцесса, — говорит он.

Я чувствую, что Трэвис улыбается мне, поэтому усмехаюсь ему в ответ над глупым уменьшительным прозвищем для меня.

— Вот это Полярная звезда, — говорит он, указывая на небо, но не прилагая особых усилий, чтобы указать на конкретную звезду.

— О, да? — спрашиваю я, глядя на него, а не на небо. — Ты уверен?

— Абсолютно, — говорит Трэвис, оглядываясь на меня, все еще указывая в небо, но теперь в другом направлении, нежели изначально.

Мои губы растягиваются в широкую улыбку от радости того, как легко проходит вечер. Довольствуюсь этим, хотя мой страх темноты обязательно вернется, на некоторое время я смогла его затолкать поглубже. Может быть, он будет очень хорошо скрыт, что я едва его замечу.

— Покажи мне еще одну.

— Да, ладно, — соглашается Трэвис. Он снова смотрит на небо, видимо, пытаюсь вспомнить название еще одной звезды. — Вон там, — говорит он, указывая в другом направлении, — где начинается Большая Медведица...

— Нет, — прерываю его, вдруг погружаясь в воспоминания о папе, показывающем мне, где созвездия.

Делаю глубокий вдох и сжимаю губы в тонкую линию. Воспоминания такие ясные, что вижу, будто это я, маленькая девочка, там с папой.

Мы были на заднем дворе — маленьком открытом дворе Деды перед самым лесом. Моя голова покоилась на руке отца, в то время как он свободной рукой указывал на звезды. Своей романтикой и наблюдением за звездами он завоевал маму. Запахи окружающих деревьев и земли, в которой работал папа, смешались с моим любимым одеколоном, затронув мои чувства.

Я вдыхаю глубоко, желая, чтобы воспоминания продлились дольше.

Мое сердце делает сальто в груди, я хватаю руку Трэвиса и направляю ее до тех пор, пока не указываю на Большую Медведицу.

— Вот она, — шепчу я, не понимая, насколько мы близки. Я продолжаю направлять его руку, пока она не достигает Полярной звезды. — А вот Полярная, — моя улыбка такая широкая, что мои начинают болеть щеки.

— Ладно, Казанова, — повторяет он мои слова, повернувшись ко мне. — Что там еще есть?

Что еще? Это хороший вопрос.

— Геркулес, — отвечаю я, и вижу белые зубы Трэвиса, когда он улыбается. — Не ты, — Трэвис напоминает мне Тора, а не Геркулеса. — Я знаю, где Геркулес, — уточняю я.

— Покажи мне, — шепчет он мне на ухо.

Я отстраняюсь, понимая, насколько близки наши тела друг к другу.

Откашливаюсь, надеясь, что это также очистит разум, но этого не происходит. Уже не способная мыслить, моя голова как в тумане, причиной чего являются Трэвис, его очарование и электричество, проносящееся между нашими телами. Не знаю, как сюда попала, но знаю, что не могу остаться.

— В другой раз, — я прерываю наше изучение звезд, вставая со своего места.

Чувствуя озноб, обхватываю себя руками, дрожа и пытаюсь собрать свои рассеянные мысли. Надеюсь, что еще будет время и я буду готова побороть страх. Моя душа распадается на осколки, когда мы забираемся в гольф-кар, и я уже тоскую по той удовлетворенности, которую ощутила на заброшенной летной полосе, так как она угасает на обратном пути домой.

Здесь темно, так темно, что я не вижу ничего, кроме черноты перед собой. Мои опухшие глаза не могут к ней приспособиться, не могу видеть то, что меня окружает... Холод охватывает мое тело, пока я дрожу и мечтаю получить тепло от моего камина.

Я скучаю по Деду и безопасности дома, который мы делим с ним. Но больше всего мне не хватает домашнего тепла, и речь не только о камине, но и о моей семье, которая жила там со мной или до меня. Мама и папа ушли, и их отсутствие делает мое сердце хрупким, в нашем доме не хватает смеха мамы.

Резкого холода от оков на моих запястьях и лодыжках, ран, которые эти фиксаторы оставили, больше не существует. Да и как иначе, когда суровый холод внутри меня намного сильнее, чем какие-либо ограничения?

Я умру здесь. Я в этом уверена. Мое желание выжить и вернуться к Деду, чтобы он не был одинок, не может быть вечным. Не тогда, когда бездушное предчувствие становится желанным другом.

Я лихорадочно открываю глаза, дрожу, холодный пот стекает по телу. Сажусь на кровати и пытаюсь отдышаться.

«Это был всего лишь сон», — напоминаю себе я. — «Просто еще один плохой сон».

Память о нем быстро исчезает, и я пытаюсь удержаться за оставшиеся фрагменты, прежде чем он полностью исчезнет. Но все, что я помню, — темнота и отчаяние. Хмурюсь, не желая поддаваться безрассудной мечте.

Я была связана — это то, что мне известно. И было темно — нет никакой новой информации. Но вместе со страхом было еще кое-что.

Как только перестая дрожать, я закутываюсь в одеяло и жду восхода солнца на заднем дворе.

Держа горячую чашку крепкого кофе в руках, открываю дверь во внутренний дворик и опускаюсь в мое любимое кресло. Я держу одеяло обернутым вокруг тела и, пока в моих руках чашка кофе, позволяю теплу от нее согреть меня. Смотря вперед, подношу чашку близко к лицу и вдыхаю тепло и манящий аромат свежего кофе.

Вдалеке Трэвис и Лилу уже играют на пляже. Подобно ползучему растению, я встаю, смотря, как Трэвис бросает большой камень в воду, и Лилу охотно пробирается через волны и ныряет, чтобы достать его. Когда Лилу всплывет, она плывет к берегу, где стряхивает остатки воды на Трэвиса, который, смеясь, запрокидывает голову. Они выглядят такими беззаботными.

Мои губы растягиваются в улыбке, когда Трэвис смотрит на мой дом. Он машет мне, заметив, что я шпионю за ними. Чувствуя себя робкой из-за прошлой ночи, я слегка поднимаю руку и машу в ответ. Он что-то кричит в мою сторону, но прежде чем я успеваю спросить, что он сказал, Трэвис срывается с места и бежит в другую сторону с Лилу, бегущей вслед за ним.

Не думая о том, что делают мои руки и ноги, я пробегаю разделяющий нас путь и работаю ногами немного быстрее, чем обычно, чтобы догнать их.

— Эй, — говорю я, когда добираюсь до него, делая вид, будто не запыхалась.

— Привет, — отвечает Трэвис, улыбаясь мне. — Хочешь поучаствовать? — спрашивает он с озорным блеском в глазах.

Мои легкие уже болят от нагрузки, которая потребовалась, чтобы добраться до него. *Какого черта?* Я могу немного повеселиться в своей жизни.

— Конечно, — отвечаю я.

Мы замедляемся, пока не останавливаемся рядом друг с другом. Моя грудь вздымается, и я осматриваю взглядом берег.

— Но я говорю команду к действию.

— Если ты думаешь, что это поможет.

Я искоса смотрю в его сторону, и кокетливая улыбка играет на моих губах. *Ой, это поможет.*

Как только я даю команду к действию, жду секунду после того, как он стартует. Затем ставлю свою ногу перед его лодыжкой, он спотыкается и падает лицом в песок. Прежде чем могу посмотреть на его реакцию, я бегу. Но мой смех меня тормозит, и, в конце концов, я вынуждена остановиться, потому что мой живот начинает болеть. Упираюсь руками в колени, пока ветер играет с моими волосами, я оглядываюсь на Трэвиса, бегущего мне навстречу будто с определенной целью.

Я снова бегу, ощущая свободу, мне необходимо, чтобы она наполнила мое сердце. Трэвис быстро догоняет меня и хватается руками за талию. Он разворачивает меня в воздухе и закидывает к себе на плечо, и я смотрю на его идеальный зад. При обычных обстоятельствах

неконтролируемая близость наших тел испугала бы меня, но я не могу перестать смеяться.

Даже после того, как Трэвис бросает меня в воду, смех продолжает вырываться из меня.

— Ты думаешь, это смешно? — спрашивает он.

Неистовый взгляд пронзает меня, и весь юмор улетучивается. Я узнаю этот взгляд. Удовольствие пронизывает мой позвоночник, пока его глаза пожирают меня. Я погружаюсь в воду, пытаюсь собраться с мыслями, но они так же изменчивы, как и мое сердцебиение.

Когда я всплываю на поверхность, губы Трэвиса впиваются в мои, и я начинаю падение в пропасть, от которой не хочу бежать.

Я открываю для него рот, предлагая гораздо больше, чем он берет. Это в некотором смысле мой первый поцелуй. Запускаю руки в его мокрые волосы, в то время как его руки ласкают мою спину, когда он поднимает меня. Ногами я обхватываю его талию и нежно прикусываю губу, когда стон вырывается из меня.

Волна врезается в нас, и под водой я забываю все, у меня начинается паника. Тревога звенит в моих ушах, мне становится страшно от внезапного осознания того, что я не могу дышать, и кто-то держит меня под водой. Каждая волна сбивает меня, но я отказываюсь принимать свою судьбу. Я борюсь против него, против ярости океана и пробиваюсь на поверхность прочь от рук, которые причиняют мне вред.

— Отпусти меня! — ору на него, задыхаясь, и стучу кулаком по его твердой груди, слезы катятся по моим щекам.

Оказавшись на свободе, я пулей вылетаю из воды, упав несколько раз, прежде чем добираюсь до песка. Я беспорядочно вдыхаю и выдыхаю воздух, рыдая. С трясущимися руками и ногами мне удается сесть на песок, где я укачиваю себя, пока мое тело дрожит от воспоминаний, которое оно помнит, а я нет.

Спокойствие отводит мои кошмары, воздух вибрирует страхом и смятением, исходящим от моего тела. Трэвис сидит рядом со мной и обнимает меня. Я хочу уйти от его прикосновения, но он тянет меня ближе к себе, я беспокоюсь плачу, прислонившись к его голой груди. Он гладит мои волосы и шепчет слова утешения до тех пор, пока я не прекращаю плакать и дрожать.

Вода приближается к тому месту, где мы сидим, песок поглощается волнами. Просторы океана оставляют меня опустошенной. Мои страхи смешиваются с прохладным бризом, фрагменты нормальной жизни погружаются на дно моря.

Нормальная жизнь. Если бы я знала, что это означало.

— Я не сумасшедшая, — бросаю взгляд на Трэвиса через мокрые ресницы и вижу только беспокойство в его глазах.

— Это под вопросом, Холли, — отвечает он через секунду.

Я резко поворачиваю голову к нему, готовая защищать себя и послать его к черту, но встречаюсь с его полуулыбкой, так что опасливо улыбаюсь ему в ответ.

— Может быть, — смягчаюсь я. — Но ты целовал сумасшедшую.

Его смех окутывает меня, избавляя от боли и страха. И я тону в нем.

Но он лишь прижимается носом к моей шее, пока я смотрю на него, и наши губы снова встречаются. Только на этот раз его губы не касаются моих, а только спрашивают разрешение, так что я плотно прижимаюсь своими губами к его. На этот раз поцелуй более медленный, менее навязчивый и слаще. Но мой пульс и дыхание все равно учащаются. Я задерживаю дыхание, когда мы заканчиваем наш поцелуй.

Я смотрю в глаза Трэвиса, видя в них сочувствие и желание понять меня. Почему он

выбрал меня — мне неизвестно. Но, похоже, я выбрала его.

— Несколько месяцев назад я была похищена, — говорю, держа руку так, чтобы он молчал. — Похищена, — заявляю я, уточнение было необходимо. — Я не помню этого, но я отсутствовала в течение шести месяцев.

Слушая морской рев и ощущая ветер на нашей обнаженной коже, я продолжаю рассказывать ему историю, которую слышала уже десятки раз, только на данный момент это ощущается более личным. Эта история никогда не звучала с моей точки зрения. Это оттого, что полиция взяла на себя всю историю, правильную версию. Мы знаем даты, когда я пропала и когда меня, блуждающей по лесу, нашел Деда. Те многочисленные травмы, которые я получила, вместе со сроками немного намекали на то, что это реальная история.

— Так ты ничего не помнишь? — спрашивает Трэвис, ласково выводя маленькие круги на моей спине.

Я опираюсь на него, игнорируя стеснение в груди, и слушаю стук моего израненного сердца и сердца, бьющегося в его груди.

— Ничего, — отвечаю я. — Никого, — просто нескончаемая тьма, что калечит мою душу.

Трэвис целует меня в плечо и в неверии качает головой. Мы сидим в тишине в течение длительного времени, в то время как Трэвис осознает то, что я сказала ему.

— Я помогу тебе, — говорит он, наконец.

Оглядываюсь на него, не понимая, что он имеет в виду.

— Вместе мы можем попытаться помочь тебе вспомнить.

Я вздыхаю. Так много людей пыталось помочь мне, и я разочаровала их всех.

— Трэвис, я хочу вспомнить. Правда. Но это не то, зачем я приехала сюда.

— Тогда зачем ты приехала? — спрашивает он.

Чтобы встретить тебя.

— Так я могу выяснить, как быть более независимой. Таким образом, я могу научиться жить снова, — чтобы найти место, где я не всегда разочаровываю кого-то.

Трэвис кивает головой, и я знаю, что он понимает или, по крайней мере, хочет понять.

— Итак, давай жить.

Он помогает мне подняться на ноги и оборачивает свою руку вокруг моей талии. Мое сердце выбивает имя Трэвиса, пока он ведет нас прогуляться вдоль берега. Волны манят нас, но мы продолжаем идти вместе. Мы ступаем на тот путь, который определила для нас судьба. Руки Трэвиса выжигают отпечатки пальцев на моем искаленном сердце.

Я хочу жить. Я хочу ощущать.

— Пойдем кататься на велосипеде, — лучезарно улыбаюсь ему.

— А, так ты имеешь в виду *велосипед*... — поигрывает бровями он, дразня.

— Велосипед, Трэвис, — закатываю глаза, повернувшись так, что он не может видеть мою улыбку.

— Просто будь осторожна, чтобы не споткнуться о мою подножку и не упасть.

Банально. Так банально. Но все равно моя улыбка становится шире.

Мандо

Я сижу внизу на диване, пока Эрика спит после приема снотворного, которое я дал ей сегодня утром.

Она проснулась взволнованная, растерянная и напуганная. Затем злилась, когда не получалось сформулировать слова, которые она хотела произнести. Я пытался объяснить ей, что понял ее, но она не слушала. Эрика металась в кровати, пытаюсь встать, но ее тело не было готово к этому, и я вынужден был дать ей успокоительное. Моя душа разрушена и разбита. Я стоял возле нее, держа за руку, не желая больше ничего, кроме как успокоить ее, тогда ее тело наконец-то сможет отдохнуть. Соппротивление Эрики сжигало меня, и я пытался сдержать слезы, когда смотрел на нее. В ее пристальном взгляде отчетливо просматривалось обвинение в предательстве.

Сегодня плохой день. Ее врач надеется, что все наладится, и он хочет регулярно видеть ее на магнитно-резонансной томографии, таким образом, он может наблюдать за ее мозгом, чтобы увидеть, есть ли какие-либо изменения. *(Примеч. магнитно-резонансная томография (МРТ) — томографический способ исследования внутренних органов и тканей с использованием явления ядерного магнитного резонанса).* Я уже знаю, что нет, и никогда не будет. Сначала надежда закралась в мою голову, но она была слишком далеко, вне досягаемости, поэтому я не был столь разочарован, когда понял, что моя Эрика ушла навсегда.

Я встаю со стула и начинаю вышагивать, в то время как наш сын Бэб готовит нам ужин. В его двадцать с небольшим лет он еще наивен, молод и считает, что все хорошо. Эрика находится в худшем настроении, в котором она, кажется, в сознании, но ничего не напоминает ее прежнюю. Предыдущий опыт мне подсказывает, что это продлится день, возможно, два. Потом однажды она проснется, не понимая мучений, которые мы пережили.

Когда я сказал врачу про ее тревожное состояние, он предложил мне положить ее в дом престарелых, но это не вариант, и не потому, что это моя обязанность как мужа заботиться о ней, а потому, что я бы начал чахнуть без нее. Она моя цель, чтобы дышать, питаться, функционировать. Эрика всегда была рядом со мной с того дня, она спасла меня от моих собственных демонов.

Демоны, о которых она не узнает никогда, существовали, но она успокоила их. Демоны, воскрешенные в день аварии. Демоны, ставшие беспокойными, так как та девушка уехала.

Но я найду *ее*. Ей не скрыться от меня, но, надеюсь, она уверена, что может это сделать. Я надеюсь, она чувствует себя в безопасности, прячась в своей норе. Когда я найду ее, она будет полностью принадлежать мне.

Неспособный держать тоску в узде, я нашел другую девушку. Она напоминает Холли по росту. Их цвет волос и глаз тоже почти идентичный, но на этом их сходство заканчивается.

Тогда как Холли была борцом, новая девушка сдается сразу же. Я не должен ломать ее

дух так, как я делал с Холли. Мне не придется морить ее голодом, избивать, связывать. Мне не нужно ничего делать.

Сиюминутная радость, которую я почувствовал, похитив девушку, исчезла, когда понял, как быстро она сдалась. Все, что осталось сделать, это убить ее, смотреть, как жизнь покидает ее глаза, пока она находит свою смерть в моих руках.

После того, как Эрика просыпается, она позволяет мне помочь ей в ванной, где я пою ей, пока массирую пальцами голову через ее волосы. Затем я одеваю ее и укладываю в кровать, целую лоб, пока она принимает снотворное. К счастью, Бэб уходит вскоре после этого.

Спустившись вниз, я беру «Спрайт» из холодильника и выливаю половину в стакан, полный льда. Затем беру антифриз из гаража и заполняю другую половину стакана ядом.

Я беру этот коктейль в сарай на заднем дворе, где новая девушка ждет меня. Морщины образуют складки в углу моего рта, когда я открываю дверь и вижу ее тень в углу комнаты, где оставил ее прикованной цепями к стене.

— Не бойся, — мой голос едва громче шепота, но все еще грозный.

Она шарахается от меня, пока подхожу к ней.

— Я допустил ужасную ошибку, — стараюсь звучать виновато, и моя улыбка становится шире, когда она смотрит на меня, ее глаза полны надежды.

Мое тело протестует в ярости, когда сижу на полу рядом с ней, но я хочу, чтобы она мне доверяла. Я снимаю наручники с ее запястий, и девушка сразу трет их пальцами.

— Я хочу загладить свою вину, прежде чем позволю тебе уйти.

Она кивает головой и, как хорошо обученная собака, берет стакан из моей протянутой руки.

— Я никому не скажу, — ее глаза, переполненные надеждой, ищут мои.

Продолжаю улыбаться, чтобы и дальше успокоить ее.

— Клянусь, я не буду. Только, пожалуйста, отпустите меня.

— Я хочу, — двигаюсь вперед и беру одну из ее холодных рук в свои, не желая с ней расставаться, и предлагаю стакан со «Спрайт».

Она отодвигается от меня.

— Но, во-первых, тебе нужно набраться сил, — поддвигаю стакан.

После секундного колебания она подносит его к носу и нюхает.

— Если ты будешь в состоянии выпить это, то я принесу тебе еды. Ты же хочешь этого, не так ли? — я говорю спокойно, как если бы успокаивал младенца.

Она кивает и подносит стакан к губам, делая глоток. Вздыхает, когда холодная жидкость попадает в ее сухой рот, и поднимает стакан выше, принимая огромными глотками свою маленькую порцию смерти.

— Хорошая девочка, — целую ее в лоб, как много раз делал с Эрикой раньше, и вдыхаю ее едва ощутимый запах, таким образом я могу помнить о ней все, прежде чем она уступит неизбежности.

— Расскажи мне немного о себе, — говорю я после того, как забираю у нее стакан, и ставлю его рядом с собой на пол.

Желанные мурашки бегут по всему телу. Я хочу наблюдать, как она ускользает от реальности. Чтобы это началось, потребуется всего тридцать минут.

— Мы просто поговорим немного. Как только я узнаю, что ты можешь удержать «Спрайт» внутри, я принесу тебе немного супа. Хочешь куриного супа? — спрашиваю я.

Она неохотно кивает головой.

— Хорошо. Хорошая девочка. После того, как ты поешь и немного отдохнешь, ты будешь свободна и сможешь пойти домой.

— Мне бы хотелось этого, — девушка снова кивает. — Спасибо.

Она начинает рассказывать мне о своем отце, брате и собаке.

Что за дерьмо?

Спустя сорок минут ее глаза начинают тускнеть, в то время как речь становится нечленораздельной.

Один раз она облизывает губы, два раза, три.

— Можно мне немного воды?

— Нет, — качаю головой, радуясь, что она начала путь к своей гибели.

Если бы мне пришлось продолжать слушать ее Богом забытую бессвязную речь дальше, то это бы вынудило меня ускорить ее смерть.

Мне это нужно. Мне нужно смотреть, как ухудшается ее состояние. Мне нужно видеть ее глаза, когда она поймет, что смерть пришла за ней. Это единственный шанс сохранить здравый рассудок.

До встречи с Эрикой я обижал незащитных животных, маленьких детей — всех тех, кто не смеет проронить ни слова в мой адрес. Потом я встретил ее, и все изменилось. Я хотел быть для нее лучшим мужчиной. У нее это легко получилось, и вдруг я почувствовал то, о чем не знал: я был способен на любовь, сочувствие, беспокойство. После несчастного случая все снова изменилось. Причинить вред невинному было недостаточно. Мне пришлось ударить провинившегося. И когда *она* оставила меня...

— Теперь вы позволите мне уйти? — из ее глаз текут слезы, изо рта — слюни.

— Нет, — я улыбаюсь, вглядываясь в ее растерянное лицо.

— Но... но вы сказали... — умолкает она, глаза проясняются от понимания происходящего лишь на секунду, прежде чем ее голова падает набок, и она закрывает глаза. — Я не могу... — ее желудок скручивает спазмом и ее рвет. Она протягивает трясущуюся руку ко рту и вытирает его, там, где желчь растекается в уголках ее губ, и открывает глаза, чтобы посмотреть на свои влажные пальцы. Тяжело дыша, девушка прислоняет голову к стене и закрывает глаза.

— Я хочу домой, — хнычет она.

— Не сегодня.

Зная, что она не может сбежать, я оставляю ее развязанной в сарае и укрываю нас обоих одеялом.

Это будет долгая ночь.

Утро наступает с потоком солнечного света, пробивающегося сквозь щели двери сарая. Я с сожалением встаю, чтобы позаботиться об Эрике. Дыхание девушки стало тяжелым, и она больше не пытается говорить. Перед тем как уйти, я становлюсь на колени перед ней и хватаю ее запястье руками, чтобы ощутить пальцами слабое сердцебиение.

Я беру ее спящее лицо в руку и улыбаюсь ей.

— Ты скоро будешь дома, — обещаю я. — Но пока нет. Моей девочке нужен ее завтрак.

Я встаю и подхожу к двери, крадя один последний взгляд, прежде чем направляюсь домой. Не желая брать на себя больше, чем нужно, достаю миску и заполняю ее хлопьями. Хотя Эрика всегда хочет молоко с хлопьями, я подаю ей их сухими, так что мне не придется убирать беспорядок, который она и без этого устроит.

Я спешу наверх, с шумом открывая дверь, и кричу, чтобы разбудить ее. Эрика пугается, ее глаза открываются, она смотрит на меня стеклянным взглядом от тяжелой дозы снотворного, которое я дал ей прошлой ночью. Я должен дать ей больше, чтобы мне не пришлось оставить девушку в покое в сарае до наступления ночи.

Эрика бормочет мое имя и закрывает глаза, когда я быстро прикасаюсь губами к ее губам. Она моргает мне пару раз и пытается улыбнуться. Вместо того чтобы воодушевиться от этого жеста, я отвожу взгляд, раздраженный тем, что она отвлекла меня от моей задачи.

— Время кушать, милая.

Я сажусь рядом с ней на край кровати и держу миску хлопьев на коленях. Я кормлю ее, после подбираю остатки ложкой. Я не болтаю с ней, как обычно делаю, и только останавливаюсь два раза, для того чтобы дать ей попить апельсинового сока.

После того как вытираю ее рот, она перемещает тело, чтобы я помог ей выбраться из постели.

— Не сегодня, дорогая, — целую ее в лоб, в то время как смотрю в окно нашей спальни, туда, где могу увидеть сарай. — У тебя была плохая ночь и надо больше отдыхать. Теперь будь моей хорошей девочкой и выпей таблетки.

Доверяя мне, Эрика не задает вопросов. Она просто открывает для меня рот, таким образом, я кладу четыре таблетки и смотрю, как она их глотает. Я целую ее губы и укладываю обратно в постель, не утруждаясь остаться возле нее, пока она засыпает.

Я спешу обратно в сарай, где нахожу все еще спящую девушку. Ее мышцы дергаются в темноте. Колени скрипят, когда я опускаюсь на них около нее, спазмы усиливаются от моего прикосновения. Небольшая лужа мочи вперемешку с кровью растекается под ней.

Теперь это долго не продлится.

Я трясу ее, пытаюсь разбудить, и она открывает глаза, только чтобы их снова закрыть. Потому трясу ее грубее. Ее дыхание превращается в вымученный вздох, ей очень трудно держать глаза открытыми, но я продолжаю трясти ее, таким образом, могу смотреть на нее, когда ее сердце отобьет свой финальный удар.

— Почему? — говорит девушка скрипучим голосом.

— Потому что *она* не оставила мне выбора.

Я бережно укладываю ее голову к себе на колени, убирая волосы от ее лица, пока она засыпает последним сном.

Мое первое убийство.

Ну, технически это третье, но родители Холли — скорее, возмездие, чем убийство.

Сводящая с ума радость охватывает меня, электризуясь в воздухе с каждым вздохом. В конце концов, она рассеивается, и все, на что хватило эту девушку, так это возбудить растущее во мне желание найти Холли. Охотник во мне радуется, зная, что охота — это почти так же хорошо, как и убийство. Только в этот раз я не буду охотиться на оленя или кролика.

Я охочусь на Холли. Она единственная, кто может восстановить меня.

Холли

Я медленно вдыхаю и выдыхаю, напоминая себе дышать неглубоко. Но загубник во рту чувствуется странно, и само понятие дыхания под водой кажется нереальным. (*Примеч. загубник — аксессуар для акваланга*). Знаю, мои глаза увеличились в пять раз, но, черт возьми, я дышу под водой. Если это не странный момент, то я не знаю, что это.

Делая вдох, напоминая себе не спускать глаз с датчика, чтобы удостовериться, что у меня не заканчивается кислород.

В течение двух недель Трэвис и я практиковали мои уроки дайвинга с профессиональным инструктором в одном из бассейнов в островной гавани, прежде чем мы рискнули плавать в открытом море. (*Примеч. Дайвинг (англ. «diving» от англ. «to dive» — нырять) — подводное плавание со специальным снаряжением*). Бассейн дарует мне обманчивую безопасность, отсутствующую на шести метрах ниже поверхности воды, где живут барракуды и акулы. Я их не видела, но уверена, что они охотились рядом с нами, просто ожидая малейших признаков бедствия для того, чтобы напасть.

Трэвис думает, что мое воображение слишком живое, и я не спорю с ним. Мои многочисленные рисунки предполагают, что я художник, а художники должны иметь здоровую дозу фантазии. Несмотря на мои протесты, он слоняется поблизости, так что это должно что-то значить.

Мы проводим много времени вместе, начиная с моего представления — временного помешательства на пляже. Не думала, что увижу его снова. Seriously, кто хочет провести свои дни с человеком, чей мозг сошел с рельсов и несется в мир, в который никто не может за ним последовать?

Мы больше не говорим о моем похищении или о потере памяти. Мы просто проводим время вместе, и, когда я теряю контроль, он помогает мне взять себя в руки, а потом делает вид, что все нормально, как будто это часть повседневной жизни каждого человека.

Мы возвращались в заброшенный аэропорт несколько раз, и он стал одним из моих любимых мест, особенно после импровизированного ужина при свечах, которые имитировали фонарики, поставленные по углам полотенец, которые мы использовали в качестве одеяла для нашего маленького пикника. Трэвис пожарил на гриле стейки, а я сделала нам картофельный салат и макароны с сыром. Хотя это были не просто какие-нибудь макароны с сыром. Это рецепт моей мамы, который я нашла, пока рылась в кладовке. Я следовала инструкциям: нарезала лук, сладкий перец и чеснок, потом смешала их в кастрюле с сыром «Вельвета» и молоком, растекшимся по лапше, когда она стала мягкой. Я продегустировала блюдо перед ужином и похвалила маму за изобретательность.

Я не стала бы называть наш ужин романтическим, хотя у него были все необходимые для романтики составляющие. Это был больше спокойный вечер, наполненный смехом и поддразниванием. Мое желание оказаться в крепких объятиях Трэвиса не осуществилось,

степень моей потребности непонятна. Но, услышав про мое несчастье, он решил, что будет лучше, чтобы все продвигалось медленно.

Слишком медленно, но, тем не менее, жутко захватывающе.

Мы продолжили целоваться сладкими, длинными поцелуями, разрушающими выстроенную мною оборону. И мы держимся за руки, позволяя себе редкие объятия, всегда заканчивающиеся слишком быстро, моя плоть горит от этого дополнительного контакта. Итак, продолжив читать откровенную литературу мамы, ложусь спать, думая о Трэвисе и о его изящных длинных пальцах, касающихся меня. Проникая в мою душу, открывая ее глубины.

Находясь под водой с аквалангом, прикрепленным к моей спине, я все же не думаю о Трэвисе. Я вообще ни о чем не думаю, кроме моего дыхания. Устав, собираюсь вернуться на поверхность, так что мне больше не придется чувствовать давление баллона на спине, но Трэвис хватает меня за руку и направляет к большому хребту коралловых рифов. То, что мне нужно, чтобы быть ближе к месту обитания рыб, где они могут появиться из своих укрытий и напасть на меня за нарушение границы.

Схватив его за руку, напоминаю себе, что доверяю не только Трэвису, но и себе тоже. Я грамотная, сильная женщина, которая легко может находиться под водой дольше, чем Бог предназначил нам быть. В самом начале кораллового рифа есть отверстие, напоминающее вход в пещеру, и я плыву туда до тех пор, пока мы не оказываемся внутри в окружении кораллов. Очарованная цветами и замысловатыми произведениями искусства природы, я плыву глубже, чем изначально планировала, оставив в стороне Трэвиса, пока не встречаюсь лицом к лицу с рыбой, голова которой не уступает размерам моего тела. Я дергаюсь назад, врезаюсь в Трэвиса. Пузырьки убегают через его трубку, пока он смеется надо мной, я показываю ему средний палец и уплываю, решив больше не позволять рыбе—людоеду огромных размеров запугать меня.

Трэвис следует за мной — наверное, боится, что у меня произойдет очередной психоз, и не удивлюсь, если в некоторой степени он чувствует себя героем. Это объяснило бы, почему он интересовался мной. Я хочу проплыть глубже, но слабый свет внутри пещеры потускнел до предела, и я едва могу видеть свою руку, когда протягиваю ее перед собой. Трэвис рядом со мной, и я осторожно оборачиваюсь, чтобы избежать встречи с рыбой, которую видела ранее. Мелкая рыба не пугает меня, поэтому я продолжаю исследовать часть пещеры, которая до сих пор хорошо освещена, и наблюдаю за движущимся подо мной миром. Только когда вижу угря, выглянувшего из своей норы, решаю, что с меня хватит этого особого мира, и возвращаюсь на поверхность.

Когда мы достигнем поверхности, Трэвис помогает мне вытащить мое дайвинговое оснащение, но строго приказывает оставаться в воде, пока он взбирается в лодку. Оказавшись на борту, он начинает бросать фруктовые хлопья в воду, и я гляжу на него, как на обезумевшего. Я не успеваю расспросить его, прежде чем меня окружают рыбы — крошечные рыбы, к которым я протягиваю руку, пока они плавают вокруг меня. Трэвис сидит на корме, опустив ноги в воду, и протягивает мне немного хлопьев, которые я держу между пальцами, в надежде покормить с рук одного из моих новых друзей.

Рыбы ничего не боятся и подплывают ко мне, щекоча мою кожу нежными касаниями. Я восхищаюсь их храбрости и готовности приблизиться к неизвестному, полагая, что это им не причинит вреда. Когда смотрю на Трэвиса, вижу, что он за мной наблюдает. Солнце отсвечивает от его влажного тела, и его темные волосы, находящиеся в беспорядке, манят

меня пропустить пальцы через каждую прядь. Желание наполняет меня. Хочу доверить ему не только слова, так легко вылетающие изо рта, но и мое тело. Я хочу дать ему все.

Собрав все свое мужество и игнорируя рыб, я плыву к Трэвису, замедлившись около его ног, перед тем как он поднимает меня к себе на лодку. Трэвис просто наблюдает за мной. Когда он не делает никаких попыток дотронуться до меня, я пячусь, сомнение закрадывается с каждой секундой, которую он теряет, не прикоснувшись ко мне.

Противоречивые эмоции отражаются на его красивом лице, когда он смотрит на меня. Вода стекает по моей коже, я сижу на его коленях и целую шею, лаская языком кожу, пробуя на вкус соль, оставшуюся от только что завершившегося погружения. Трэвис остается неподвижным, не желая дотронуться до меня, но мой разум сходит с ума от страха и желания, борющихся друг с другом, пока я не чувствую, что могу сломаться. Но я двигаюсь вперед, потому что хочу этого. Я заслуживаю это.

Провожу губами по его лицу, пока мой рот не находит его, нежно облизывая, до того времени как его губы, наконец, не захватывают мои. Он скользит языком в мой рот, мышцы на его предплечье напрягаются, когда я их сжимаю.

Когда мы отстраняемся друг от друга, я делаю глубокий очищающий вдох, успокаивая нервы.

Трэвис бросает осторожный пристальный взгляд в мою сторону и медлит всего секунду, прежде чем поднимает меня на руки и несет в каюту под палубой. Пространство небольшое, здесь есть только кровать, но это все, что нам нужно.

Он оставляет дверь каюты открытой, таким образом солнечный свет попадает в комнату, кладет меня на кровать и ложится сверху.

Его тело прижимается ко мне, Трэвис ласкает мою щеку костяшками пальцев. Такой жесткий и сильный, но нежный и заботливый.

Пробегаю руками по его голой груди, чувствуя, как его сердце колотится так же быстро, как и мое. Вода под нами бьется о корпус лодки, эти ритмичные удары убаюкивают меня, в то время как вид Трэвиса возбуждает. Он наклоняется ко мне, пока наши губы снова не соприкасаются, наши языки сплетаются, и одним движением он развязывает верх моего бикини.

Он отстраняет свои губы от моих, исследуя глазами мое обнаженное тело. Нервы сплетаются в глубине моего живота, когда он целует меня в шею, пока его горячее дыхание не обдаст мою грудь, сразу же напрягшуюся от внезапного прикосновения. Трэвис нежен, его движения медленные, поэтому я могу предугадать их.

И все же, я теряю свой контроль. Свой разум. Я сдаюсь.

Я — неистовое скопление похоти, а Трэвис — спокойный и терпеливый, эта смесь уничтожает любые ясные мысли, которые у меня были.

Борюсь со своим разумом, напоминая, что хочу того, что в данный момент делает мое тело. Снова и снова, как молитву, повторяю себе, что *нечего бояться*.

Я тяну Трэвиса за шорты, желая видеть и трогать больше, и не возражаю, когда он снимает нижнюю часть моего бикини. Довольная ухмылка играет на его лице, и пальцами, теми пальцами, которыми я с недавних пор одержима, он прикасается ко мне, посылая лихорадочную страсть по всему телу. Сгорая от его тела, прикосновений, от столкновения наших губ, впивающихся друг в друга, я извиваюсь от напряжения, растущего между ног, но терпеливо наблюдаю, как он снимает с себя шорты.

Волнующее возбуждение и бешеная энергия шумят вокруг и цепляются за нас.

Трясущейся рукой я беру его член в ладонь и глажу головку. Трэвис резко выдыхает и прижимается своими губами к моим.

— Трэвис, пожалуйста, — стону ему в рот, мой голос ниже, чем я предполагала.

Стон, родившийся от удовольствия, вибрирует в его горле и доносится до меня, когда он нетерпеливо надевает презерватив. Прежде чем Трэвис входит в меня, он шепчет мое имя и накрывает своими губами мои. Я стону его имя, приподнимая свою попку и приветствуя его.

Поначалу его движения так же опустошительно медленные, как и прежние его действия, и мне легко подстроиться под его темп. Он целует мое лицо, когда я хватаю его за затылок, не давая остановиться. Я не могу остановиться. Мои руки везде. Прикасаются, исследуют. Его мышцы сокращаются под моими оголодавшими пальцами.

Я шепчу его имя, мой голос умоляет дать мне больше, потому что он — все, о чем я могу думать. Возбуждение искрами вспыхивает в моих глазах, как если бы я сильно их зажмурила.

Мы двигаемся вместе быстрее, левую руку он прижимает к моему лицу, побуждая меня открыть глаза для него. Его глаза до краев наполнены энергией, и я перестаю дышать, пока мы смотрим друг на друга. Царапая ногтями плечо Трэвиса, кричу его имя, а он рукой ласкает мой затылок. После нескольких заключительных отрывистых толчков, Трэвис прижимается своим лбом к моему. Вместе мы пытаемся отдышаться.

Перевернув меня так, что я оказываюсь на нем, он пробегает пальцами по моему плечу, оставляя пылающий след от такого простого прикосновения, затем прикусывает мою нижнюю губу.

— Нехило? — спрашивает меня Трэвис через мгновение.

— Посредственно — это в лучшем случае, — дразню его я.

Он поднимает голову и кусает мой подбородок, разжигая еще большее желание у меня внутри. Глаза затуманиваются похотью, раскрывая мою ложь, и Трэвис улыбается мне в ответ.

— А сейчас лучше? — он атакует мою грудь зубами и языком, дергая и покусывая, пока я опять пытаюсь отдышаться.

— Да, — удивляюсь я, — у тебя есть потенциал.

Его взгляд пробегается по моему телу, и я позволяю ему взять полный контроль надо мной, проживая фантазию, в которой я — обычная девушка, живущая обычной жизнью. Он поглаживает меня пальцами, царапая зубами мое тело, все еще бьющееся в конвульсиях, до тех пор, пока все, что я могу делать, это со всхлипами произносить его имя. Он дразнит мое тело, подводя меня так близко к экстазу только затем, чтобы отсрочить мою кульминацию. Мое тело разрывается между тем, чтобы продолжить наслаждаться пытками, в которых я неистово нуждаюсь, и тем, чтобы достигнуть разрядки. Нет больше нежности, я дрожу под руками Трэвиса. Стон удовольствия вырывается из его горла, когда мой дикий взгляд встречается с его глазами. Крича, я выпускаю пламя, скопившееся внутри меня, и смотрю на удовлетворенное лицо Трэвиса.

— Это было лучше, — более чем довольная, я улыбаюсь ему.

Его напряженный взгляд бродит по моему лицу, пока он убирает в сторону прядь моих волос. Мое тело реагирует, когда его язык проскальзывает между губ, увлажняя их.

— В следующий раз... — он умолкает, не потрудившись закончить фразу, и мое дыхание перехватывает, когда его пальцы прокладывают себе путь по моей шее.

Прежде чем я медленно погружаюсь в сон, Трэвис ложится рядом со мной и заключает меня в свои объятия. Его грудь прижимается к моей спине так, что его сердце бьется

напротив моего. Его сердцебиение — это последнее, о чем я думаю, прежде чем сдаюсь сну.

Открыв глаза, обнаруживаю себя в каюте в одиночестве и в темноте, и паника скручивает мой живот. Руки и ноги свободны, я знаю, что в безопасности, и быстро вспоминаю, где нахожусь. Осознавая это, я улыбаюсь. У меня был секс, потрясающий секс с прекрасным мужчиной.

Я выползаю из кровати, прикрывая себя простыней, и иду на палубу в поисках Трэвиса, который сидит на носу лодки, любясь закатом. Я хочу обнять его так, чтобы между нашими телами не осталось пространства, но он выглядит задумчивым, и я не хочу нарушать его личный момент.

— Принцесса, — окликает он меня, смеясь, и я качаю головой в ответ на данное мне прозвище.

— Привет, Тор, — отвечаю я.

Он вскидывает брови, а я пожимаю плечами. Если он не знает, насколько хорошо сложен, то я не собираюсь говорить ему.

Я сажусь рядом с ним, и он обнимает меня за талию, притягивая ближе к себе.

— О чем ты думал? — спрашиваю я, потому что уже вторглась в его личную жизнь.

— О том, как я здесь оказался, — он целует меня в лоб.

Я жду, чтобы он уточнил, но он этого не делает.

— Итак, как ты сюда попал? Не говори, что на лодке, — добавляю.

— Это долгая история, — посмеивается он.

Я жду от него продолжения.

— Это действительно неинтересно.

Его смех взрывает вечерний воздух, но также ощутимо его беспокойство, поэтому я кладу голову на его грудь и слушаю биение сердца, а он продолжает держать меня. Он вздыхает, и этот вздох такой тяжелый и полный печали, что мое сердце болит за него.

— Фактически я родился в океане и был найден на пляже прямо там, — он указывает вперед.

Я слежу за его пальцем, указывающим на маленький островок практически вне поля зрения.

— Никто не знает точно, кто мои родители и что случилось с ними. Все, что нам известно, — на тот остров прибыл маленький плот с орущим голым младенцем в нем. Жители острова нашли его и забрали к себе, — он пожимает плечами, как будто его рассказ не разбил мне сердце.

Трэвис тянет меня ближе к себе, пока я не оказываюсь у него на коленях, прислоняясь головой к его плечу, все еще не способная придумать, что сказать ему.

Может, он и его семья были кубинскими беженцами?

Я не сильна в географии, поэтому не уверена, реально ли на плоту из Кубы добраться до острова Харбор-Айленд, но это единственное логическое объяснение, если беженцы наткнулись на пиратов, которые отобрали у них катер и отправили их дальше на плоту. Но

разве пираты еще существуют?

Трэвис отодвигается и смотрит мне в лицо, на котором отражаются печаль и сочувствие к его семье и к нему — ребенку, потерявшемуся в море. Если они были беженцами, то, видимо, были в таком отчаянии, пытаюсь найти свободу, что рискнули своими жизнями и в итоге проиграли битву. Но, по крайней мере, он выжил.

Распахиваю глаза, когда понимаю, как легко Трэвис мог погибнуть в море, и отворачиваюсь от него, так что он не мог увидеть мои слезы.

Затем он внезапно начинает громко хохотать.

— Твое лицо, — он продолжает смеяться и запрокидывает голову, пока смех захватывает все его тело.

Я смотрю на него в замешательстве.

— Ты бы видела свое лицо! Не могу поверить, что ты купилась на эту историю.

Мой рот открывается, когда я медленно понимаю, о чем он говорит.

— Так ты все это придумал? Дурак!

— Я не думал, что ты согласишься.

Он продолжает смеяться мне в лицо, пока я извиваюсь в его руках, пытаюсь освободиться.

— Почему бы мне не поверить? — кричу я, не чувствуя злости в голосе.

— Не злись, Холли, — его голос звучит обманчиво искренне.

Я почти позволяю ему сорваться с крючка, пока не замечаю, что он смотрит на меня с полуулыбкой.

— Ты придурок, — бормочу я, скрестив руки на груди. Я нарочно не смотрю на него, чтобы не начать смеяться вместе с ним.

Трэвис целует меня в щеку и переходит к уху, шепча:

— Этот придурок может тебе кое-что предложить.

Я поворачиваю голову и кусаю его за плечо. Когда он отпускает меня, вскакиваю и бегу к другой стороне лодки. Сердце стучит у меня в груди, но на этот раз не из-за страха. Напротив, оно напоминает мне, что я жива и мне есть ради чего жить. Мой дикий взгляд останавливается на Трэвисе, который медленно крадется ко мне.

— Ты укусила меня, — обвиняет он, а я задыхаюсь от хохота.

— Ты солгал мне, — отмахиваюсь я.

— Солгал? — он качает головой в недоумении. — Я придумал историю для развлечения.

— Чьего развлечения? Потому что мне не весело, — лгу я.

Трэвис сокращает расстояние между нами одним-единственным шагом и кладет руки на мои бедра, кончиками пальцев касаясь моей попки. Он опускает свои губы к моим, и я приветствую его мягким стоном, обнимая руками за шею. Он отстраняется от моих губ и прижимается в нежном поцелуе к моей шее, и я мгновенно теряю способность говорить. Все, что я могу делать, это чувствовать нежность его поцелуев, тепло его губ на моей коже.

— Видишь? — он подмигивает мне, когда мы разрываем наш поцелуй. — Я знал, что ты не согласишься на меня.

Холли

Успешно сварив лапшу и приготовив на пару овощи, я жду Трэвиса и его якобы знаменитые фрикадельки, глядя в окно кухни. Это не мой любимый пейзаж, но все равно красиво. В то время как из кухни виден океан, окно над раковиной открывает вид на небольшой пустырь рядом с домом, где вместе растут цветы и сорняки, создавая ощущение дикости, и я не нашла ни одной ухоженной лужайки на Харбор-Айленд. Мне нравятся участки земли, которых не касалась рука человека, это добавляет им особую ауру совершенства. Слежу глазами за чайкой, взлетающей с центра поля, мои мысли блуждают, и я теряю счет времени.

Когда я уехала из Техаса, то надеялась найти какое-то подобие себя. То, что я нашла на данный момент, гораздо больше. Я осталась в живых.

Мои кошмары могут терроризировать меня во сне, но они больше не контролируют меня, когда я бодрствую. Они меня не тронут. Я все еще способна функционировать, несмотря на эти кошмары. Я обнаружила, что когда Трэвис со мной, темнота терпима. Мне, может быть, никогда и не будет полностью комфортно рядом с ним, но я могу это пережить. В уязвимости кроется сила, которую я никогда бы не нашла, если бы не Трэвис и его любовь к звездам.

Мое прошлое, мои несуществующие воспоминания и кошмары, за которые я не могу удержаться, убивают меня. В некотором смысле они все еще убивают меня каждый день. Но в этой смерти я нашла и сделала себя. Я, наверное, никогда не узнаю, какой была прежняя Холли, но очень счастлива тому, кем она становится.

Если раньше я была в ужасе от контакта с каким-либо человеком, то теперь я превратилась в женщину, которая занимается сексом. Я прикасаюсь к губам кончиками пальцев, задерживая их, вспоминая ощущения от прикосновений губ Трэвиса. Мой желудок стягивает от воспоминаний о его руках — этих красивых руках на моем теле — принимающих, требующих и призывающих меня. Я изгибаюсь и передвигаюсь, так как пульсация между ног усиливается.

Я первый раз занималась сексом, по крайней мере, на моей памяти, и мы сделали это три раза за один день. Дважды этим утром в лодке Трэвиса и третий раз на полу в его гостиной пару часов назад. Я излучаю превосходную женственность, зная, что он хотел меня так сильно, что не мог ждать, чтобы добраться до дивана. Это привело к тому, что наши тела столкнулись, приземляясь на пол, где мы боролись, тянули и завоевывали друг друга. Синяк на моей спине, полученный от нашего столкновения с полом, является своего рода знаком отличия, который ношу с гордостью.

Нужно отпраздновать эту маленькую победу, я беру телефон и набираю Эмбер.

— Я только что занималась сексом, — выпаливаю, как только Эмбер приветствует меня на другой линии. — Впервые, — подчеркиваю я.

Я пританцовываю и верчусь, но останавливаюсь, когда слышу, как Эмбер смеется на другом конце линии.

— Не смейся, — мой голос суров, хотя я улыбаюсь. — Это великолепно. Девственности больше нет. Пуф.

— О, Холл, — она смеется еще сильнее, что делает мою улыбку более широкой. — Ты потеряла девственность несколько лет назад.

— Что? Нет, — парирую я, моя улыбка по-прежнему достаточно широкая, едва умещается на моем лице.

— Тебе было пятнадцать, и ты была безумно влюблена.

— Мне все равно, — закатываю глаза.

— Его звали... Хосе?

— Остановись.

— Или Хуан?

— Я не помню, поэтому это никогда не происходило, — предупреждаю я.

— У него была перхоть и глазные козявки.

— Эмбер! — смеюсь, размахивая рукой перед лицом.

— Скажи мне, что у этого парня нет проблем с гигиеной.

— У Трэвиса? Трэвис... ну, да, у него определенно нет проблем с гигиеной, — я прикладываю руку к своему краснеющему лицу... потому что, ну, в общем, он прекрасен.

Говоря о прекрасном, я резко вешаю трубку, когда слышу его шаги у своей двери. У меня перехватило дыхание, я оборачиваюсь с уверенной небольшой улыбкой и облокачиваюсь на раковину руками, крепко сжимая прилавок кухни, когда потребность быть с ним гудит в груди.

Из-за смущения собственной реакцией моя улыбка гаснет, в то время как я отвожу взгляд от него обратно к окну. Его шаги отдаются в моей маленькой кухне громко и внушительно, Трэвис направляется ко мне, преодолевая расстояние между нами длинными шагами. Он ставит блюдо из фрикаделек на прилавок, прежде чем берет в ладони мое лицо. Его губы, мягкие и сладкие, касаются моих, задерживаясь, пока я не открываю рот в приглашении. Наши языки и дыхание, горячее и прерывистое, сплетаются. Ошеломленная, я смыкаю веки, а пальцами ласкаю его шею.

Трэвис внезапно отступает, оставляя меня нетвердо стоять на ногах, когда его тело больше не прижимается к моему. Поджав губы, оглядываю его любопытным взглядом, и он качает головой с удивленной ухмылкой на лице.

— Если мы не остановимся, наша еда остынет.

Желание между нами растет и витает в воздухе, крепкая нить тянет нас ближе друг к другу. Смеясь, ядвигаюсь ближе к нему, пока наши губы почти соприкасаются.

— Мы не хотим, чтобы наша еда остыла, — шепчу я. Отхожу подальше от него к плите, где перемешиваю лапшу с фрикадельками.

Да,двигаюсь неторопливо. Так как у меня есть уверенность, по крайней мере, сейчас, видимо, я в настроении пофлиртовать. Подняв голову, смотрю на него, сощутив глаза, только чтобы обнаружить, что он все еще смотрит на меня, приоткрыв рот.

— Мы будем? — напоминаю ему.

Я приподнимаю брови, надеясь, что жест сексуальный, а не смешной.

— Возможно, позже, — его тон серьезен и посылает мурашки вниз по позвоночнику к моим ногам.

Воздух со свистом покидает мои легкие, когда Трэвис поднимает меня, прижимая мое тело ближе к своей груди, и несет в спальню. Он не отводит от меня взгляда, пока опускает меня на кровать и нависает сверху. Я оборачиваю руки вокруг его шеи и притягиваю к себе, пока приподнимаю свой таз, таким образом, он встречается и трется об него. Его губы прикасаются к моей шее, целуя и облизывая, пока я стону его имя в трепещущий вокруг нас воздух.

Страсть крадет мое дыхание, и дрожь от желания проносится через меня. Одежда снята и как попало отброшена в сторону. Его рот накрывает мой сосок, взгляд темнеет, и я пробегаю руками по его спине, запуская их в волосы. Притягиваю его к себе, прикасаясь губами к шее, целую, в то время как мои пальцы зарываются в его волосы.

— Холли, — голос Трэвиса хриплый, мое имя слетает с его языка.

Он придвигается ближе, когда я прижимаюсь губами к его рту, и подтягиваюсь, схватившись пальцами за его плечи.

Мой первый раз, и я собираюсь заняться сексом третий раз за день.

С моего заднего дворика я наблюдаю за местными лошадьми, бегущими вдоль берега. Обе лошади и человек как будто скользят, в то время как их гривы развиваются за ними. Их мышцы усиленно сокращаются, пока пот, блестящий на солнце, тускнеет. Затем они исчезают вдали.

Темные облака начинают грохотать за океаном, и я уже чувствую влагу. Как правило, гроза заставляет мое тело напрягаться, но не сегодня. Сегодня мои мышцы вялые, будто сделаны из жидкости, но отяжелевшие конечности напоминают мне о моих собственных физических нагрузках.

Я обхватываю себя руками и улыбаюсь, запрокидывая подбородок к облакам, они как будто поддразнивают меня, чтобы напугать и сделать этот день менее совершенным, чем он есть.

Мой взгляд смягчается, когда Трэвис садится рядом со мной.

— Ты что-то задумалась, — говорит он, протягивая мне бокал вина.

Я пожимаю плечами и смотрю на него боковым зрением.

— Просто смотрю, как плывут облака.

— Будет сильная гроза, — его взгляд глубокий и темный, с усталостью разглядывает облака. Губы Трэвиса сжимаются в тонкую линию, когда вдали мелькает вспышка молнии. Злобный мощный удар, как будто гроза берет власть над небом.

— Я не могу поверить, что Бог грома боится бури, — шучу, не имея возможности увидеть его, ведь на самом деле бояться нечего.

Он морщит нос, его прежнее поведение смягчается.

— Бог грома?

— Тор, — отвечаю я. — Вот кого ты мне напоминаешь.

— Я больше похож на Локи, чем на Тора, — утверждает он, хотя губы кривятся в привычной полуулыбке. *(Примеч. Тор и Локи — боги скандинавской мифологии, Тор — бог*

грома и бури, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ, Локи — бог хитрости и обмана).

— Не важно, — закатываю глаза.

Он дергает за прядь моих волос.

— Твое тело, Трэвис. Забудь про все остальное, у тебя тело, как у Тора.

Он напоказ касается левой рукой плеча и качает головой в обе стороны, будто длинные светлые волосы Тора танцуют на ветру. Я смеюсь над ним, сощутив глаза, пока не вижу его сквозь прорезь глаз.

— Ну, у тебя нет такой сексуальной гривы, как у Тора, — пожимаю плечами. — Но я видела, какое у тебя тело, — облизываю губы. — Я ощущала твоё тело, — прикусываю нижнюю губу, мое сердце колотится. — Прозвище остается.

— Ты видела Тора, да?

— Ну, да, — Хм. — В кино. — Как это так, почему ты можешь вспомнить фильмы, но не можешь вспомнить другие вещи?

Это первый раз, когда он упомянул мою потерю памяти или все, что связано с моим похищением. Поерзав на своем месте, я сталкиваюсь напрямую с ним, и кладу ноги под себя, таким образом, что я могу сидеть на них. Я хочу задать ему встречный вопрос. Он не сказал мне, как здесь оказался. На самом деле, он редко говорит о себе.

— У меня есть теория, — говорю, а не задаю свои вопросы. — Думаю, я могу вспомнить только обезличенные вещи, как фильмы, музыка и все такое. Но мой мозг отключается в личных вещах, как моя семья и друзья.

— И похищение, — его взгляд бродит по моему лицу, ища что-то, чего может и не быть.

— И это тоже, — я сдерживаюсь, пытаюсь скрасить его неожиданно серьезное поведение. — Твое тело защищает себя.

Мои плечи опускаются, пока я отвожу взгляд.

— У всех нас есть защитные механизмы, — разъясняет он свою точку зрения. — Это наш способ защитить себя от всей боли, что мы испытали в прошлом.

Рассерженная и недовольная, я скрещиваю руки на груди и прикусываю нижнюю губу. Это как если бы он сказал, что я не хочу вспоминать, но все помню. Я хочу вспомнить, что значит иметь семью и друзей. Я хочу вспомнить, что такое жизнь за пределами страха.

— Так, что является твоим защитным механизмом? — обращаю свой взгляд на него. — Истории про брошенных детей, оставленных на произвол судьбы на пляже? — я смеюсь без чувства юмора.

Взгляд Трэвиса еще больше омрачается, прежде чем устремляется к моему лицу, а его тело застывает. Мышцы, тугие и напряженные, просматриваются под рукавами его рубашки, и я знаю, каково это — чувствовать их, когда проводишь пальцами по ним. Его губы сжаты в тонкую линию, но я не собираюсь отказываться от своих слов.

Громкий глоток воздуха вырывается из его рта, и он качает головой, прежде чем ерзает на стуле.

— Я возвращаюсь домой.

Он встает, но я не следую его примеру. Вместо этого смотрю мимо него, злясь на него и на себя.

Трэвис громко ругается, а потом делает несколько шагов от меня, прежде чем отворачивается, я замечаю его яростный взгляд.

— Я был брошен на произвол судьбы, — его голос едва громче шепота, но я услышала

его слова, поэтому смотрю на него, ожидая продолжения. Но он этого не делает. Он просто уходит, оставив меня сидеть там в ожидании дальнейших разъяснений.

Бывают моменты, когда возникает такое чувство, будто я нахожусь в состоянии постоянного ожидания. Ожидаю возвращения памяти. Ожидаю, когда страх поднимется и окунет меня навечно в водоворот отчаяния. Ожидаю, что мой похититель снова найдет меня. Ожидаю увидеть, буду ли я когда-нибудь снова жертвой.

Ожидание. Я ненавижу ждать. Поэтому встаю и направляюсь на кухню, где выливаю свой бокал в раковину, наблюдая, как красная жидкость медленно исчезает в сливе. Я неторопливо ополаскиваю бокал и, только когда довольна его чистотой, направляюсь в спальню, оставляя свет включенным. Переодевшись в ночную рубашку, забираюсь на кровать и включаю лампу на тумбочке, где меня ожидает очередная книга.

Вместо того, чтобы потеряться в сюжете, поток моих мыслей направлен на Трэвиса и его последние слова, которые он произнес, прежде чем ушел. Он был брошен. Кем? И когда? Я рассказала ему все, что знаю о себе. Я открылась ему. Как и у него, у меня есть прошлое, причиняющее мне боль. У меня есть сомнительное будущее и настоящее, столь же туманное. Столь сомнительное, как оно могло бы быть, по крайней мере, я разделила эти аспекты себя с ним.

Перед глазами все размыто, слезы угрожают вырваться наружу, поэтому я плотно сжимаю веки и зарываюсь лицом в подушку, где надеюсь задушить их. Я даже не знаю, почему плачу. То ли это из-за отказа Трэвиса, то ли потому, что у него, на самом деле, есть прошлое, но он отказывается говорить об этом. Давление в груди невыносимо.

Когда одна сторона матраса уже пропитана мои слезами, я поворачиваю голову, чтобы увидеть Трэвиса, сидящего на углу моей кровати. Вытираю глаза, пытаюсь скрыть слезы, которые я так бессовестно проливали минутой раньше. Он шепчет мое имя, в то время как пододвигается ближе ко мне, и я игнорирую охватившую меня дрожь и пульсирующее в каждой частице моего тела желание.

— Я родился в Хайалиа — городе, который находится недалеко от Майами, но не в родной мне стране, — говорит он, смеясь.

Понимая, что он собирается открыться и поделиться со мной частичкой себя, сажусь и поднимаю голову так, чтобы он понял, что я настроена слушать его.

— Столько плохого было в моей жизни, Холли. Ты не захочешь быть частью этого, — Трэвис останавливается, рассматривая мое лицо. Тяжелые эмоции сгущаются вокруг кровати, буря пролетает над нами. — Я родился не в больнице, но той, кто родила меня, хватило ума оставить меня в больнице, прежде чем бросить, — его голос звучит вызывающе, но взгляд удрученный, и, сидя далеко от меня, он словно обороняется, не желая показывать свою уязвимость.

Я прижимаю дрожащий палец к губам и делаю движение к нему, чтобы утешить, но он отодвигается дальше от меня. Движение это незначительное, но я понимаю смысл, поэтому сижу, не двигаясь, и жду продолжения.

— У меня были проблемы с сердцем, пришлось перенести несколько операций, которые сделали меня неуязвимым. Ты услышишь тонну историй, подобных этой, только обычно они заканчиваются тем, что медсестра влюбляется в ребенка и усыновляет его, — он пожимает плечами, но в его глазах отражается боль отвергнутого мальчика. — Может быть, я слишком много плакал, чтобы быть милым.

Он смеется, и я качаю головой, сердце разрывается его боли.

— Конечно, ты был милым, Трэвис, — я двигаюсь ближе к нему, несмотря на то, что он снова отодвигается от меня, и сажусь рядом с ним, положив руку ему на колено. Он поднимает взгляд на меня, уязвимый, ищущий, полный надежды.

С трудом сглотнув, я понимаю правду. Я погибла.

Влюбилась в его спокойную силу и прекрасный характер. В то, как его рот изгибается, когда он улыбается, в то, как он заставляет меня смеяться и жить. В то, как он застрял рядом со мной.

Мои губы находят его, передавая слова, которые я не могу произнести. С нежностью его пальцы ласкают мое лицо, когда мы разрываем поцелуй.

— Да, но ты сумасшедшая, знаешь? — его улыбка искренняя и в ней нет никаких следов печали.

Я пожимаю плечами, но прислоняю голову к его плечу.

— Вот именно.

Смеюсь и снова пожимаю плечами, пока он смеется вместе со мной.

— Расскажи мне больше, — прошу я.

Трэвис делает глубокий вдох, а затем продолжает:

— Особо рассказывать и нечего. Я менял одну приемную семью на другую, редко оставаясь на одном месте дольше, чем на пару лет. Независимо от того, где я был, мой социальный работник пытался держать меня в той же школе, чтобы я не отставал. Только спустя некоторое время я перестал волноваться и начал прогуливать занятия практически ежедневно. Я бросил школу на мой восемнадцатый день рождения и ушел из дома моих приемных родителей. Несколько месяцев я ночевал, где придется, пока моя последняя приемная мать не позвонила мне и не сообщила, что нашла мне работу на роскошной яхте.

Он делает еще один вдох и целует меня в лоб, его слова вырываются и обретают свободу.

— Я жил с ней и ее семьей в течение четырех лет — дольше, чем с кем-либо еще. Она хотела усыновить меня, но я не желал этого. Я был для этого слишком стар. Или, — смеется он, — это был мой защитный механизм, чтобы предотвратить боль.

— Боль? — я хмурю брови.

— Да, — он сжимает переносицу пальцами. — Я никогда никому не был нужен, поэтому подумал, что это только вопрос времени, пока она больше не захочет видеть меня. Только она не отдала меня. Даже когда я покинул ее дом, она осталась со мной. Она дала мне сотовый телефон и вносила деньги на счет, чтобы мы могли говорить. Следила за тем, чтобы я не голодал, помогала мне со случайными заработками и поспособствовала получению мною аттестата.

— Она любила тебя.

— Да. Она заботилась обо мне так, как если бы я был одним из ее детей. Она до сих пор звонит мне каждые семь дней и летом на неделю приезжает ко мне в гости со своими взрослыми детьми, у которых уже есть собственные дети. И каждый год в течение этой недели у меня есть семья с детьми, называющими меня своим дядей.

Мои губы растягиваются в улыбке от нежности в его голосе, и я наклоняю голову, чтобы поцеловать его в щеку.

— У тебя есть семья гораздо дольше, чем неделю в год, — возражаю я, и наши глаза встречаются на мгновение. — Они твоя семья, и точка.

— Да, — сильные руки обвиваются вокруг меня, и он тянет меня ближе.

— Как ее зовут?

— Барбара.

— Итак, она нашла тебе работу на яхте? — спрашиваю я, желая узнать всю историю. —

Что ты делал на лодке?

— Яхта, — исправляет он.

Я закатываю глаза. Не важно.

— Пока я жил с Барбарой, она воспитала во мне любовь к океану, и я обучился управлять лодками. Однажды летом она позвонила своему другу и попросила для меня работу на его рыбацкой лодке. После того, как я получил аттестат, Барбара позвонила ему вновь, и с его помощью я познакомился с владельцем и капитаном той огромной яхты. Они готовились выйти в годичный рейс по Багамским островам. Он был близок со своим экипажем и в итоге нанял меня. Это был лучший год моей жизни. Мы прошли все эти острова, а некоторые посетили несколько раз. Харбор-Айленд был одним из тех островов. И я не знаю, — он снова пожимает плечами и дарит мне одну из своих полуулыбок. — Я влюбился в это место.

— Ты нашел свой дом.

Он целует меня в лоб, прежде чем отодвинуться и посмотреть на меня.

— Ты сделала это.

Трэвис прижимается своими губами к моим, и я улыбаюсь напору его губ.

— Так ты вырос в Майами? — спрашиваю я, и он кивает. — Ты когда-нибудь вернешься туда, чтобы увидеть Барбару и остальных членов твоей семьи? — я убеждаюсь, что назвала их его семьей, потому что они его семья, круглый год, не только летом, даже если он совершенно не верит в это.

— Я не покидал Харбор-Айленд с тех пор, как оказался здесь. Мне незачем уезжать, понимаешь?

Действительно, зачем уезжать. Я двигаюсь поближе к нему, зная, что однажды я уеду, а он останется.

— Что за история с грозой? — у меня появился вопрос и нужно отвлечься от мыслей о предстоящей разлуке. Не понимая, я рукой тру круги на груди, пытаюсь успокоить мое заранее разбитое сердца.

— История с грозой? — спрашивает он.

Я киваю.

— Исходя из моих ограниченных знаний, вода испаряется в атмосферу. Она накапливается и образует кучевые облака. В конце концов, эти облака настолько плотные сот влажности, что они образуют капли воды, которые становятся дождем. Конец.

Я закатываю глаза, так как его история раздражает и забавляет.

— Трэвис, — я зарываюсь лицом в его плечо и сдерживаю улыбку, — не будь какашкой.

Он методично трет подбородок, как будто задумался.

— Не думаю, что когда-нибудь раньше меня называли какашкой.

— Может быть, слово «какашка» неизвестно в Техасе?

— Ты не знаешь?

— Грозы. Ты их боишься?

— Боюсь? Нет, — он качает головой, не веря, что я спросила об этом. — Я просто не люблю их.

— Ладно, хорошо. Тебе они не нравятся. Как же так?

— На это должна быть причина?

Я думаю об этом и решаю, что да, должна быть причина.

То, как он смотрел на грозовые тучи, мне больше напоминало взгляд бойца, брошенный на противника, чем того, кто просто не любит грозы.

— Мне не нравятся птицы, — говорю я, внезапно вспоминается маленький ребенок и Деда. — Деда раньше разводил их, когда я была маленькой девочкой. Мне нравилось играть с ними, наверное, слишком грубо, — я улыбаюсь, перед моими глазами улыбающиеся я и Деда, еще не подозревающие о том, что нас обоих ожидает в будущем. — Во всяком случае, Деда сказал мне, что я не должна подносить их близко к лицу, потому что они любят и клюют все блестящее, например, глаза. Поэтому я ненавижу птиц.

— Ты помнишь? — Трэвис слегка смеется рядом со мной и притягивает меня еще ближе к нему.

— Да, — мое дыхание учащается, внезапно усиливаясь, пока я стараюсь удержать в памяти запахи, голос Деды вперемешку с щебетанием его птиц, деревья, окружающие нас, и наш дом вблизи. Я ищу воспоминания о маме, но не могу найти их, поэтому позволяю им уйти, оглянувшись на Трэвиса. — Да, я просто вспомнила это.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Трэвис целует меня в лоб, его горячий рот задерживается там, и я закрываю глаза, головой прислонившись к его губам. Он снова целует меня, прежде чем отстраняется.

— Мне было пять, может, шесть, я жил у одной из моих приемных семей. У них было много приемных детей, все они были старше меня. Никто из нас не ладил друг с другом, но они были особенными для меня, потому что я был самым младшим.

Он снова почесывает подбородок, прежде чем проводит кончиками пальцев по губам.

— Однажды ночью они разбудили меня и сказали, что наша собака была во дворе и ее надо завести в дом. Собаку звали Эмми, и она боялась грозы. Я выбежал на улицу, чтобы поймать ее, но как только оказался снаружи, они заперли дверь. Мои приемные родители ненавидели, когда мы шумели, поэтому я не мог постучать или покричать, чтобы кто-нибудь открыл дверь. Я просто сидел на ступеньках и ждал, когда меня впустят.

Выражение его лица застыло, челюсть напряглась, в то время как взгляд испепеляет стену перед нами. Мучительная тяжесть его воспоминаний связывает его, давно овладев им, так что я сжимаю его колени, чтобы вернуть его.

— Они меня так и не пустили. Я остался там на всю ночь и просто сидел на ступеньках крыльца, пока на меня, не переставая, капал дождь. Мой приемный отец думал, что я запер себя снаружи специально, поэтому он наказал меня, заставляя оставаться снаружи всякий раз, когда надвигалась гроза. Я так и стоял под дождем в нижнем белье, пока другие дети смеялись, — горечь, словно волны, скатывается с него, каждое слово вырывается как удар хлыста в воздухе. — Поэтому да, с тех пор я ненавижу грозы.

Мое сердце болит за пятилетнего мальчика, оставшегося стоять под дождем, но также мое сердце наполняется гордостью за человека, которым он стал. Этот человек не бежит от женщины, которая вполне может быть сумасшедшей, а держит ее в объятиях, когда она становится слабой.

— Грозы заставляют дуб отрастить глубокие корни, — повторяю слова Деррика, которые он сказал мне перед тем, как я уехала. Я тогда рассказала ему, как боялась назревающей внутри меня грозы. Деррик ответил, что это высказывание одного известного человека, а значит, не может быть просто какой-то глупой поговоркой. Это должно быть

правдой.

Я поворачиваюсь, когда чувствую взгляд Трэвиса, обращенный ко мне, и краснею, когда сталкиваюсь лицом к лицу с его удивленной ухмылкой. Не давая мне увернуться от него, Трэвис заключает меня в объятия, тогда как его улыбка замирает напротив моего лица.

— Расскажите мне больше о своих дубах, принцесса.

— Не важно, — отвечаю с улыбкой на губах. — Я не хочу.

Он разворачивает меня таким образом, что мы оказываемся лицом друг к другу, и целует меня в губы.

— Дуб сильнее бури. Мне нравится. Кого ты цитируешь?

— Кого-то, кто гораздо умнее тебя.

Я спрыгиваю с кровати, в ночной рубашке бегу через дом к тропинке, ведущей к пляжу, и Трэвис следует за мной.

Прошло два месяца, с тех пор как я в последний раз видел ее, и мое волнение возросло до точки кипения. Девушка, которую я убил, не помогла унять эту тревогу. Она ничего не значила. Она была никем.

Я пытаюсь обуздать свое разочарование, чтобы не напугать Эрику, только во время ее сна, когда я нахожусь один в лесу, позволяю вырваться беспокойству и тревоге наружу. Я помню о своей главной цели, поэтому использую это время, чтобы охотиться и отточить свои навыки свежевания. (*Примеч. Сдирание кожи (свежевание) — один из исторических видов смертной казни и пыток (в зависимости от количества сдираемой кожи и метода осуществления этого), заключающийся в сдирании кожи с живого человека или его трупа*). Благодаря этим периодичным урокам я научился причинять боль, а не смерть. Когда девушка покинула меня, моя жажда причинять боль разгулялась, и теперь я удовлетворен.

Мое удовлетворение растет, когда я с Эрикой, у которой бывают хорошие дни.

Вчера она даже попросила, чтобы я поставил Битлз, одну из ее любимых групп. (*Примеч. англ. The Beatles — британская рок-группа из Ливерпуля, основанная в 1960 году, в составе которой играли Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон и Ринго Стар*) Я перенес ее с кровати и осторожно поставил ноги на пол. Я поддерживал ее слабое тело своим, и мы вместе качались в такт музыке.

Хотел бы, чтобы Бэб был сегодня дома и мог видеть маму такой. У нее давно в последний раз был хороший день, и он готов на все, чтобы увидеть ее, когда она в лучшем настроении.

Той ночью она рыдала в моих руках, повторяя, как сильно меня любит. Я вытирал слезы, и мне было больно, хотя знал, что это были слезы радости. В ответ я сказал ей, как сильно я ее люблю, что она была и всегда будет для меня всем. Затем она рассказала мне, как она счастлива, но я ее заверил, что мне повезло больше.

По сей день я ощущаю себя цельным только благодаря ей, она исцеляет раны, которые без нее до сих пор терзали меня. Моя единственная оставшаяся мука — девушка.

Позже вечером я понимаю, как могу уничтожить ее эмоционально и в то же время заставить найти меня.

Всегда есть решение. Так уж случилось, что это решение не только вернет ее мне, но это будет также забавно и принесет мне гораздо больше удовлетворения, чем тогда, когда я просто держал ее в плену.

Пригревшись на солнце, я лежу с книгой в руке, в то время как Трэвис катается на доске для серфинга, а Лилу ныряет за камнями, которые привлекли ее внимание. Трэвис пытался научить меня пользоваться доской, но после пары сотен попыток стало совершенно очевидно, что единственное, чего я смогу достичь — сломанный копчик. Кроме того, я предпочитаю смотреть, как Трэвис катается на доске. Все его мышцы сокращаются, напрягаются и блестят на солнце, в то время как он пытается покорить набегающие на берег волны. Чернила татуировок — его лирика — блестят на его коже.

Я наблюдала за ним десятки раз, каждый раз — в новой обстановке, но здесь, на солнце и без рубашки, с выставленными на показ татуировками — вот это мой самый любимый вид. И я знаю, что буду хранить эти рисунки в памяти как символ нас двоих, когда мы были вместе, после того, как оставлю все это позади. Думаю, что время отъезда приближается, и от этой мысли мое сердце болит. У меня была цель — найти себя и стать независимой, и я сделала это. Я стала более сильной и узнала, на что способна. Я горжусь собой и тем, как далеко я зашла, и осознаю, что часть моего прогресса — заслуга Трэвиса.

— Трэвис, — я выдыхаю его имя, меня захватывает хаотичный поток мыслей. Мне придется оставить его, потому что, как он говорил раньше, ему незачем покидать Харбор-Айленд. Конечно, из-за меня он не покинет остров.

После нескольких месяцев, проведенных вместе, мы ничего не можем обещать друг другу. И я смирилась с этим. У нас есть наше настоящее, нечто особенное, и не нужно пустых обещаний, которые никто из нас не сможет выполнить.

Я люблю его. Без сомнений. Но в нашем случае любовь — не показатель, потому что она не поможет. То, что я испытываю к нему, подаренное мне волшебство не уйдет дальше этого острова. Итак, я решила закрыть свое сердце для любви и просто жить теми мгновениями, которые у нас есть. И когда я вернусь домой, сделаю на груди татуировку в виде сердца, которое будет со мной вечно.

— Я должен идти, — напоминает мне Трэвис.

В животе все напрягается при мысли о встрече с его семьей через несколько минут. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, но волнение явно написано на моем лице.

— Останься здесь и отдохни, принцесса. Я вернусь, — он снова целует меня в губы. — Они полюбят тебя. А если нет? — он резко вскидывает брови. — Тем не менее, они — моя единственная семья в этой жизни.

Я ударяю его по плечу, и он издает громовой громкий смех.

— Тоже мне, нагнетатель напряжения.

После очередного поцелуя он уходит. Лилу вскидывает голову и наостряет уши, роняя камень на берег, когда Трэвис едет на гольф-каре по нашей дорожке. Я зову ее ко мне, но, как и ожидала, она меня игнорирует и погружается обратно в океан. Без Лилу, которая

отказалась составить мне компанию, я направляюсь в дом и занимаюсь уборкой и без того уже безупречного дома, только чтобы сконцентрироваться и отвлечься от водоворота мыслей.

Вычищая туалет, я слышу быстро приближающийся звук голоса Трэвиса, и мой желудок сжимается, язык утолщается. Я не умею знакомиться с новыми людьми, особенно когда эти новые люди члены семьи Трэвиса.

Глядя в зеркало, я приглаживаю волосы назад и затем скидываю напряжение с плеч — раз, два, и так три раза. Напряженность остается, так что я сдаюсь, и, оставив уборку, выхожу из дома на мой задний дворик и направляюсь навстречу женщине, которую привел Трэвис.

Она красивая, даже утонченная, со смуглой кожей и с длинными, вьющимися русыми волосами. Она маленькая, ее макушка едва достигает плеча Трэвиса. Но что привлекает мое внимание больше всего так это ее рука в руке Трэвиса. В этом простом прикосновении есть любовь, родственная любовь от матери к сыну.

Мое сердце щемит от боли при виде такой естественной материнской любви.

Подойдя к ним на трясущихся ногах, я протягиваю руку в знак приветствия, но она игнорирует мою руку и обнимает меня. Я делаю шаг назад, пытаюсь отступить, когда она целует меня в щеку. Выпучив глаза, я смотрю на Трэвиса, который обнимает меня за плечи.

— Я должен был сказать тебе. Барбара любит обниматься, — Трэвис смотрит на меня с веселым беспокойством.

Я отбрасываю свой первоначальный шок и улыбаюсь Барбаре в ответ.

— Не обращайтесь на меня внимание, — она машет нам. — Я просто счастлива, что мой мальчик нашел кого-то особенного, — она похлопывает его по плечу.

Я краснею, а Трэвис неловко топчется на месте, как будто он на самом деле маленький мальчик.

— Я не знаю, насколько я особенная, — улыбаюсь я, пытаюсь поднять настроение. — Но Трэвис вам скажет, что я скорее странная.

— Трэвис Кейлар, почему ты позволяешь ей говорить о себе подобное? — предупреждает его Барбара.

Я усмехаюсь, когда он переступает с ноги на ногу под ее пристальным взглядом.

Неуверенность появляется лишь на мгновение. Если бы я моргнула, я бы пропустила ее. Его полуулыбка возвращается, и я нахожу, что меня это больше привлекает, чем то, как он выглядит, когда его ругают.

— Холли не просто странная, Барб.

Он подмигивает мне, в то время как я показываю ему средний палец.

— Она также немного сумасшедшая.

— Только немного? — моя улыбка становится шире, и я расслабляюсь от нашего подшучивания.

— Я не могу открыть ей степень твоего сумасшествия. Это просто ее напугает, — говорит Трэвис мне.

— Ваш сын очаровашка, — прищурившись, я игриво похлопываю по его плечу.

Барбара улыбается. Это ее сын, и она знает его гораздо лучше меня.

— Настоящий романтик, с его слов, — добавляю я.

— Я пыталась научить его манерам, — она цепляется за мою руку, — но некоторые вещи потеряны для этого мальчика.

— У него есть другие качества, — успокаиваю ее я.

Барбара оборачивается, когда слышит свою семью, с шумом пробирающуюся вдоль берега.

— Своими другими качествами я буду рад тебя порадовать позже, — пользуясь возможностью, шепчет мне на ухо Трэвис.

— Трэвис, — шепчу я в ответ, повернув подбородок к Барбаре и остальным членам семьи.

— Все в порядке. Ожидание делает возбуждение сильнее, — рычит он мне в ухо.

Погодите? Что это вообще значит? Возбуждение... черт возьми.

Мои щеки краснеют, в то время как тело Трэвиса трясется рядом со мной от смеха. Сердце колотится в горле, пока я наблюдаю за ним в надежде, что он оставит какие-либо другие сексуальные намеки при себе.

— Меня зовут София, — представляется младшая племянница Трэвиса, которой приблизительно семь лет и она точная копия Барбары. — Дядя Трэвис, — зовет она Трэвиса, прежде чем у меня появляется шанс ответить, — поиграй со мной.

Трэвис подходит к ней и берет ее на руки, и она обнимает его за шею, скрещивая их за его головой. С ней на руках, он бежит по тропе на пляж и с головой погружается в волны.

Я шоке выпучила глаза, в то время как мое тело приготовилось быстро броситься им на помощь, если вдруг окажется, что София ранена или в опасности.

— Не волнуйся, — Барбара кладет руку мне на плечо и сжимает. — София плавает как рыба.

— Не говори об этом при ней, — советует Барбаре старший брат Трэвиса. — Она думает, что она русалка, — он смотрит на меня. — София может Трэвиса обвести вокруг пальца. Но он никогда не сделает ей больно.

Конечно, так и есть. Я знаю, он никогда не сделает ей больно. Я вежливо киваю, смущенная своей реакцией, и иду вниз по тропинке к пляжу.

— Я — Роберт, — его старший брат протягивает руку для пожатия, когда мы добираемся до берега, а затем он указывает на свою жену и младшего брата. — Моя жена Мари, а это Трэва и мой средний брат Роджер.

Я всем улыбаюсь и снова киваю головой. Такими темпами моя голова оторвется от моей шеи в любую минуту.

— Я — Холли, — заявляю я. — Я рада встретиться с вами, ребята.

— Ты уже познакомилась с Софией, — Мари берет меня под руку. — Другие три хулиганки уже обследуют пляж в поиске ракушек или мальчиков. Надеюсь, в поиске ракушек.

Вероятно, все же мальчиков. Губы растягиваются в улыбке, когда я смотрю, как три девочки прогуливаются по берегу в противоположную от родителей сторону в сопровождении Лилу.

Это были Эмбер, Стефани, и я. У меня еще нет четкой картины, но я почти вижу нас троих в доме наших родителей, когда мы прочесывали пляж в поисках мальчиков или загорали, слушая музыку. Картина проясняется, и появляются три молодых девушки, главной заботой которых была музыка и мальчики. Но, в конце концов, наши разговоры стали серьезнее.

Я отхожу от семьи Трэвиса, когда небольшие фрагменты воспоминаний возвращаются ко мне.

Стефани была первой из нас, у кого появился парень, первой, у которой был поцелуй с мальчиком, и первой, кто потеряла девственность. Я помню ее волнение. Как она любила каждого мальчика, который ей отдавал кусочек себя. Как несчастна она была, когда они ее бросали.

Мы топили ее печали в пинтах мороженого и пиццы, именно в таком порядке. Мы пообещали не разбивать наши сердца из-за мальчиков. Только Эмбер и мне удалось до сих пор сдержать свое обещание.

Я потеряла свое сердце с особенным мальчиком, живя на маленьком острове, и я не хочу его обратно.

Мое сердце принадлежит ему, чтобы сохранить или выбросить. Так или иначе, оно больше не принадлежит мне.

Трэвис подходит ко мне сзади и обнимает меня за талию. Откидываюсь ему на грудь, и он целует меня в затылок. Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на него, и когда наклоняюсь, чтобы поцеловать его губы, он подносит руку к моему лицу и вытирает слезу. Я даже не знала, что плакала. Он с беспокойством смотрит на меня, и я улыбаюсь ему, отталкивая тоску.

— Воспоминания, — улыбаюсь ему. — Я вспомнила, как мои лучшие друзья вернулись домой.

Счастье и печаль сталкиваются друг против друга, каждый борется за свое место в моем сердце. Я кладу голову ему на грудь, а он обнимает меня, и я рассказываю ему о Эмбер и Стефани и лакомых кусочках нашей дружбы длинной в жизнь, которую я начинаю вспоминать.

— Ты никогда не видела «Звездные войны»? — спрашивает меня Роджер в третий раз.

— Извини, Роджер, но мой ответ по-прежнему «нет».

— Спроси ее снова, — говорит Роберт, подмигивая мне.

— Я просто не могу в это поверить. Трэв, скажи мне, ты собираешься исправить это? — Роджер взглядом умоляет Трэвиса.

Я прячу улыбку за своим бокалом.

— Я не знаю, должен ли я это делать, — Трэвис берет мой бокал и отпивает из него, прежде чем дает его обратно мне. Вся беззаботность в теле Роджера, разрывается от разочарования.

— Ты не знаешь, должна ли твоя девушка посмотреть классику? — расхаживает Роджер, его голос на грани истерики.

— Я посмотрю его, Роджер, — обещаю я, стреляя в Трэвиса предупредительным взглядом, в то время как он качает головой.

— Ты будешь смотреть их, — говорит Роджер, подчеркивая последнее слово.

— Ты имеешь в виду, что это не один фильм? — беспокойство неприятно оседает в моем животе. Я имею в виду, разве «Звездные войны» не нудный фильм и главным образом для ботанов?

— Я не могу! — Роджер вскидывает руки в воздух. — Я просто... я не могу! Холли! — он берет мою руку в свою, и я стараюсь не смеяться над озабоченной физиономией. — Холли, все хорошо. У меня все шесть из них в цифровом виде. Мы можем начать смотреть их сегодня.

Трэвис, Роберт и Мари стонут в унисон. Барбара неожиданно хватается Софию и уходит со двора через заднюю дверь, и Роберт отправляет троих дочерей Мари вслед за ней. Хотя бутылка вина, которую я пью с Мари, еще наполовину полная, я открываю еще одну на всякий случай, которая, похоже, нам понадобится.

— Ты не должна этого делать, — шепчет Трэвис мне на ухо, посылая мурашки по спине.

— Это будет весело, — говорю я, почти убедив себя в этом. — Давай сделаем это, Роджер!

Я хватаю руку Трэвиса, прежде чем он сможет убежать, и веду его к дивану, у каждого из нас в руках по бутылке вина. Мари следует за нами и протягивает мне мой бокал вина, который я быстро допиваю, чтобы налить еще.

— Пей быстрее, — шепчет Мари. Затем, она также опустошает свой бокал.

Роберт наполняет свой бокал, прежде чем сесть на диван и посадить Мари к себе на колени.

— Чем быстрее мы напьемся, тем интереснее будет фильм, — говорит Мари.

— Не напивайся, — предупреждает Роберт. Затем он шевелит бровями. — Я не хочу, чтобы ты потеряла сознание, прежде чем я окажусь наедине с тобой.

— Даже если я отключусь, я разрешаю тебе воспользоваться мной, — Мари смеясь, запрокидывает голову.

Ее смех заразителен, и я следую ее примеру.

— Вы уже напились! — обвиняет нас обеих Трэвис.

Мари и я уставились друг на друга, широко раскрыв глаза, на несколько секунд, прежде чем начали хохотать.

— Нет! — отстреливаюсь я.

Мари демонстративно кивает обоим братьям, в то время как Роджер подключает свой компьютер к телевизору Трэвиса.

— Дети, — ругает нас Роберт и качает головой.

— Не думаю, что им можно доверять, — соглашается Трэвис.

— Тсс! — прерывает нас Роджер. — Начинается.

— Тсс! — повторяю я, прижимая палец к губам.

— Начинается, — заканчивает Мари.

Мы обе смеемся, пока Роджер впивается в нас взглядом.

Я поднимаю руки, сдаваясь, прежде чем Роджер обидится.

— Мы будем хорошо себя вести, — я пытаюсь стереть улыбку со своего лица, чтобы он воспринимал меня всерьез, но я вижу, как его губы кривятся в небольшой улыбке. — Я действительно с нетерпением жду просмотра «Звездных Войн», — добавлю я.

Его улыбка становится шире, демонстрируя идеально ровные белые зубы.

Я действительно с нетерпением жду просмотра «Звездных Войн»? — повторяет мои слова Трэвис, когда мы лежим в постели.

— Все оказалось не так плохо, — зеваю я в руку и прижимаюсь к нему.

— Ты заснула через пять минут.

— Нет, это неправда.

— Холли, мы едва могли слышать кино из-за твоего храпа.

— Я не храплю, — говорю я. А может, храплю?

— Окна вибрируют от того, как громко ты храпишь.

— Заткнись! — я прикрываю лицо руками и пинаю его под одеялом.

— Ой! Какого черта?

— Я не храплю. Скажи это! Я не храплю.

— Хорошо, хорошо. Ты не храпишь. И также ты не пускаешь слюни.

— Боже мой! — я подсакиваю слишком быстро, от чего комната начинает вращаться.

Ладно, допивать вторую бутылку вина, когда я проснулась, было плохой идеей. — Я пускаю слюни?

— И храпишь.

— Я настоящая находка.

— Особенно, когда у тебя утреннее дыхание.

— Стоп. Пожалуйста, просто остановись, — я хихикаю, когда он тянет меня вниз так, что я ложусь на него. — Ты счастливчик, Трэвис Кейлар.

Он целует меня в губы, и мое тело тает, растекаясь возле него, в то время как я открываю рот в ответ. Вдохновенная винным мужеством, я сажусь на него, широко раздвинув ноги, и задираю его рубашку. Я провожу пальцем по его груди вниз к пупку, а затем перемещаюсь в сторону так, чтобы снять с него трусы. Я играю с резинкой, еще не готовая снять их, в то время как он наблюдает за мной. Мой язык выскальзывает изо рта, облизывая губы, прежде чем я опускаю лицо и целую след, который оставили мои пальцы. Его сердцебиение ускоряется под моей ладонью, в то время как его дыхание учащается.

— Холли, — он выдыхает мое имя, как будто это обещание.

Я смотрю на него, в моих глазах неуверенность по поводу отданного мне контроля над его телом.

— Холли, — он кладет руку на мою щеку и тянется вверх, чтобы поцеловать меня. — Ты прекрасна, так прекрасна.

С хитрой улыбкой, я отодвигаюсь от него и начинаю скользить пальцами снова вниз по его груди и животу, пока они осторожно пробегают по резинке его нижнего белья. Я делаю глубокий вдох, кусаю нижнюю губу и снимаю с него нижнее белье.

Вот, я сделала это. Его член салютует моей храбрости, поэтому довольная улыбка растекается по моим губам, я опускаю голову на кончик его члена, предварительно лизнув его один раз, прежде чем втягиваю его в рот. Его стон доносится до меня и оставляет с чувством успешно выполненной задачи.

Холли

На моем лице появляется небольшая раздраженная улыбка, когда я вижу количество пропущенных звонков от Деда, которые мигают на экране сотового телефона. Я почти не отвечаю на его звонки, к тому же не разговаривала с ним пару дней и знаю, что он будет волноваться, если продолжу игнорировать его звонки. Я встаю и ухожу от Барбары и Софии, которые заняты тем, что строят замки из песка, и подхожу к телефону.

— Привет, Деда, — говорю я, прикрывая глаза от солнца.

— Холли? Ты в безопасности? — спрашивает он, его голос рваный и звенит от страха.

— Деда! Что случилось? — кричу я достаточно громко, чтобы привлечь внимание Трэвиса.

— На данный момент твой Деда в порядке, — от голоса на другом конце телефонной трубки мгновенно мое тело мгновенно охватывает страхом, тот самый ужас, во власти которого я оказываюсь, когда один из моих кошмаров подкрадывается и набрасывается на меня.

Желудок скручивается, я начинаю задыхаться и обнаруживаю, потеряла способность говорить. Я захлебываюсь словами, которые хочу сказать Трэвису, когда он берет у меня трубку. Я не слышу его слов, но я так или иначе ловлю его взгляд, который выдает его мысли, и я знаю, что Деда в опасности.

— Это он, — кричу я Трэвису, дрожу, пытаюсь вырвать у него телефон.

Он кивает мне, но отказывается отдавать телефон.

— Что мы должны сделать? — спрашивает он, его голос напряжен, а глаза темные и опасные.

— Нет, — говорит он звонившему, и, услышав этот ответ, я прихожу в ярость.

Слишком много завершенности в этом слове.

— Дай мне телефон, — отчаянно требую я.

Я безжалостно ударяю его, но страх разрушил мою собранность, я становлюсь легкой добычей, и он легко удерживает мое тело на песке. Разбиваясь на осколки, я извиваюсь под его весом, дергая ногами в воздухе, но он отказывается слезать с меня. Пойманная в ловушку, я концентрирую свои мысли, успокаиваю разум достаточно, чтобы мыслить. Когда его хватка слабеет, я отстраняюсь и отползаю от него.

К тому времени, когда я завладела трубкой, вызов уже завершился.

— Как ты мог? — кричу я пронзительно, переполненная яростью и страхом, и бью Трэвиса в челюсть, заставляя его сделать несколько шагов назад.

Ослепленная яростью, я едва вижу семью Трэвиса, хотя они стоят вокруг нас, наблюдая за нами, вероятно, пытаются выяснить, стоит ли им вмешаться.

— Холли! — кричит он на меня, хватая мои руки, прежде чем я снова ударю его. — Твой дедушка в порядке, — он пытается успокоить меня.

— У него Деда! — мотаю я головой.

— Я знаю, — говорит он.

Он знает, и не позволил мне поговорить с ним!

Он крепко меня держит, я пинаю его, готовая биться с ним из-за его высокомерного невежества, которое подвергло опасности жизнь Деда еще больше. Мы снова кувыркаемся на песке, и на этот раз он удерживает меня таким образом, что я не могу бороться с ним, поэтому делаю единственное, на что способно мое тело. Я плачу.

Роберт пытается оттянуть Трэвиса от меня, но Трэвис отталкивает его, заставляя упасть с громким глухим стуком. Затем он тянет меня в свои крепкие объятия, губами касаясь моего виска, пока приглаживает мои волосы.

— Мы вернем его, — успокаивающий голос Трэвиса не соответствует жестокому взгляду и сильному захвату, которые удерживают мое тело.

— Как? — мне плевать на него. — Ты не дал мне поговорить с ним! Как я должна вернуть Деда, когда ты не позволил мне выяснить, что он хотел?

— Ему нужна ты, Холли, — шепчет Трэвис, его слова душат меня.

— Тогда, он получит меня.

Трэвис качает головой.

— Это не тебе решать! — кричу я, мое сердце кричит громче, чем мой голос.

— Достаточно, — голос Трэвиса суров и так резок, что я замолкаю, и этого достаточно для того, чтобы он продолжил говорить. — Твоя борьба со мной ничего не исправит. Позвони своему другу Деррику и объясни ему, что произошло. Я организую наш вылет.

Трэвис отрывается от меня, шагает мимо своей семьи, которая тихо замерла на месте, и возвращается в свой дом, оставив меня сидеть в одиночестве на песке. Не позволяя страху взять меня в очередной раз в заложники, я отрываюсь от земли, готовая сделать все необходимое, чтобы вернуть дедушку.

Я виновато смотрю на Барбару и остальных членов семьи Трэвиса, но у меня нет сил или желания, объяснять им, свидетелями чего они только что стали, поэтому я возвращаюсь в свой дом и звоню Деррику. Прижав телефон к уху, я вижу Барбару, которая идет к моему дому. Она входит и в ободряющем жесте кладет руку мне на плечо. Я напрягаюсь от ее прикосновения, мои эмоции взрываются, поэтому я начинаю считать телефонные гудки.

Один.

Два.

Три.

Четыре.

— Деррик, — шепчу я в трубку, когда он отвечает после четвертого гудка. Мои руки, липкие и потные, дрожат, поскольку мой кошмар становится реальностью. — Он похитил Деда.

— Что? — голос Деррика отзывается эхом в моей голове.

Я трясую головой, чтобы очистить ее от всего, но я должна рассказать Деррику.

— Ты уверена?

— Он позвонил мне с телефона Деды. Голос Деда был такой...

— Не надо, Холли, — прерывает он меня. — Не мучай себя, думая о том, какой был голос у Деда. Он сильный, — напоминает он мне.

— Мы должны вернуть его, — я всасываю нижнюю губу и кусаю её достаточно сильно, до крови.

— Деда не хотел бы, чтобы ты пошла за ним.

— Это не ему решать.

После нашего разговора, я теряю единственную цель, ради которой упорно держалась на ногах, и оседаю на пол. Барбара опускается на колени рядом со мной и приглаживает мои волосы, в то время как я задыхаюсь от рыданий, сотрясающих все тело. Она заключает меня в свои объятия, и я охотно иду к ней, как ребенок в поисках утешения.

— Деррик позвонит в полицию, — Барбара напоминает мне, что слушала мой разговор с Дерриком.

Деррик пытался меня убедить, что единственный способ помочь Деду — это обратиться в полицию. В противном случае, это будут просто Деррик, Трэвис и я, которые отправятся на поиски Деда. Я не стала напоминать Деррику о той помощи, которую я «получила» от полиции, когда была в плену.

Даже в разгар депрессии я могу почувствовать Трэвиса прежде, чем вижу его. Его присутствие неуловимое и напряженное, как будто он был дыханием, в котором я нуждаюсь. Я медленно освобождаюсь из объятий Барбары и смотрю на Трэвиса с бледной улыбкой.

— Я возьму ее, — он не ждет, что Барбара ответит. Он просто подходит и берет меня на руки.

Я злюсь на него. Но, пока я нахожусь у него на руках, и он оставляет мягкие поцелуи на макушке моей головы, я должна напоминать себе, что рассержена.

Он несет меня в комнату, в которой мы проводили каждую ночь с того дня, как он взял меня поплавать в пещере, и он садится на кровать со мной, устраивая меня на коленях. У меня небольшая пауза от реальности, но разве я могу быть настолько наивной, чтобы думать, что это будет длиться вечно?

Во рту пересохло, и я облизываю губы.

Сухо, во рту так сухо, и мое тело устало, я была уверена, что попаду в какую-нибудь разновидность комы, вызванную обезвоживанием. По крайней мере, я надеялась на это. Комната вращалась, запах моих собственных испражнений делал все происходящее еще невыносимее. Я ногтями скребла пол, пытаясь найти стену, чтобы прислониться и сесть прямо.

— Воды, — попросила я тихо.

Но никто не мог меня услышать.

Его не было в течение нескольких дней.

Если бы он умер, то я бы в скором времени тоже умерла.

Мое упрямое сердце продолжало быстро барабанить в моей груди. Слишком быстро. Слишком тяжело. Интересно, может ли осколок моего ребра проколоть мою грудь?

Успокаивающий голос Трэвиса возвращает меня к реальности, к пляжному домику и комнате, в которой мы любили друг друга, и я начинаю опять рыдать в его объятиях. Минуты и часы проходят мимо, но я этого не осознаю, пока Трэвис позволяет мне разваливаться на куски. Когда слезы, наконец, останавливаются, я прижимаюсь лицом к его груди, приликая к его телу.

— Все будет хорошо, Холли, — он проводит руками по моим волосам. — Мы его найдем, — обещает он.

Его голос как шелк. Его уверенность почти заставляет меня поверить ему. Но он не

знает. Он понятия не имеет, на что способен мой похититель.

Холли

Трэвис не смог организовать вылет для нас в тот же день, и мы остались ждать до завтра. Ранее его братья разожгли костер на пляже, и после долгих уговоров я оставляю свою кровать в комнате и присоединяюсь к ним. Я даже не забываю улыбаться в нужный момент.

Но мое сердце снова болит, неистовая боль очевидна окружающим и истощает меня.

Пока все болтают, Трэвис упрямо остается рядом со мной, крепко обнимая, тем самым сдерживая холод, растущий внутри меня.

Мне хочется продолжать жить в сказке с Трэвисом и притвориться, что мне ни о чем неизвестно, но понимаю, что должна ехать домой. Должна спасти Деду, даже ценой собственной жизни, если необходимо.

Полиция захочет поговорить со мной лично, и я боюсь представить, в каком состоянии будет дом после того, как разрешу им осмотреть его на предмет следов похитителя Деды. Без Деды и с полицией, оставляющей повсюду следы своего расследования, дом перестанет быть моим домом. Действия полиции уничтожат все хорошее, что было создано в доме. Все будет таким же чужим мне, как было в тот день, когда я вместе с Дедой покинула больницу.

Когда Барбара садится рядом со мной, я снова натягиваю улыбку, отчего мои щеки начинают болеть от напряжения.

Она гладит мою руку, и я поеживаюсь от прикосновения, не желая принимать ее утешение. Ненавижу то, что Трэвис рассказал ей и остальным членам семьи обо всем.

О моем похищении, о потере памяти, обо всех моих трудностях и не только. Это мое. Это была моя история, это часть меня, а не его.

Разочарование поглощает меня, и я поддаюсь ему в надежде, что оно затмит страх, прощупывающий своими пальцами мою шею. Знание того, что Трэвис просто хотел помочь, не успокаивает меня. Сегодня он дважды принимал важные решения без меня и сделал все сам.

Эмоции захлестывают меня, страх крадет мое дыхание, душевная боль душит.

— Ты такая сильная. Я почти не видела страданий, когда мы впервые встретились, — нежный голос Барбары прерывает мою внутреннюю тираду.

— Но вы видели это? — спрашиваю я.

— Ты не можешь скрыть затравленный взгляд.

Я отворачиваюсь от нее, закрывая глаза. Я так долго пыталась быть нормальной и на самом деле думала, что добилась этого.

— Трэвис не может спасти тебя.

Моргаю от внезапного ступора, Трэвис поворачивает голову в ее сторону.

— Но он знает, что такое боль и потеря. Пусть он поможет тебе, — добавляет она.

— Я сломлена, Барбара. А Деда... — замолкаю я.

— Красиво сломлена, — возражает она. — Вместе вы уже начали собирать все кусочки

воедино.

Моя грудь вздымается, часть меня хочет умереть. Оставшейся части нужно собраться, чтобы исправить причиненный ущерб. Я словно поймана и заперта в клетке, мое глубокое дыхание становится похоже на тихие крики раскаяния.

— Перестань быть сильной, — требует она.

Все замолкают, глядя на нее.

— Твоя жизнь прервалась из-за того, что ты что-то не смогла предотвратить или предсказать. Это не значит, что все кончено. Боль и страдания были тем, что поддерживало твою жизнь в течение шести месяцев, когда ты была в плену. Так ухватись за это и используй в своих интересах. Вспомни боль. Вспомни все это, и ты найдешь Деда.

— Что, если мы найдем его, но будет слишком поздно? — мой голос дрожит, не в силах разорвать цепи, которые все еще держат меня в плену моего похищения.

— Еще одно неудачное прерывание жизни, но, опять же, твоя жизнь бы не закончилась. Ты бы оплакивала его вместе с моим сыном. Но ты не должна идти на его могилу и делать это. Он не будет там спать спокойно. Он будет с твоими родителями смотреть на тебя. Они хотели бы, чтобы ты продолжала жить, жить так, чтобы каждый твой вздох был данью им. Но это произойдет, если ты, Холли, опоздаешь. Мне кажется, этот человек не тронет Деду, пока не доберется до тебя. Держи голову ясной — и с Трэвисом, и с тобой все будет хорошо. Вы втроем вернетесь домой.

Я сжимаю ее руку, благодарная за ее слова и временное утешение, которое она мне принесла.

Но, главное, я узнала то, что комфорт не устраняет страх или отчаяние. Он просто расширяет твое сердце, создавая место для всех, чтобы жить вместе.

Там, посреди всего хаоса, в моем мире, рушащемся вокруг меня, есть любовь. Я смотрю на Трэвиса, взгляд которого все еще прикован ко мне. У меня много любви.

Мандо

Прокрасться в жилище Эда сложно, так как дом старый и скрипит от каждого сделанного мною шага. Пока он спал, я вонзил в его шею наполненный транквилизатором шприц, приобретенный несколько лет назад у ветеринара. Задача стала легче. Поскольку его комната была на втором этаже, у меня не было другого выбора, кроме как сбросить старика с лестницы, хотя, если честно, я бы все равно так поступил, даже если бы и был другой вариант.

Я тащил его безжизненное тело к своей машине и насвистывал по дороге домой.

После того, как я поселил его в сарае, я ударил его пару раз, чтобы заставить проснуться. Только транквилизатор действовал лучше, чем я ожидал. Я снял с него одежду и привязал к той же стене, к которой была прикована Холли. Насмотревшись на то, как он лежит на холодном цементном полу, я вернулся к Эрике.

Пока мы смотрим телевизор, я жду, беспокояно постукивая ногой. Знаю, ее это раздражает, но она ничего не может с этим сделать.

Наконец, после полуночи действие транквилизатора, должно быть, развеялось, поэтому я смотрю на Эрику, убедившись, что она все еще беззвучно спит рядом со мной. Целую ее в лоб и поглаживаю рукой по щеке, прежде чем оставляю ее.

Я на цыпочках выхожу из комнаты, стараясь не шуметь, хотя знаю, что сон под действием снотворного глубокий. В сарае я открываю дверь и улыбаюсь, видя, что Эд старается прикрыть себя, только у него ничего не получается.

Его чувство собственного достоинства покачнулось, и он даже не узнал меня, так что я представляюсь.

— Мандо, — протягиваю руку и смеюсь, довольный собственной находчивостью. — Знаешь, я тот парень, что разрушил жизнь твоей дочери и зятя, — с радостью сообщаю ему.

Понимание, появившееся на его лице, радует меня еще больше.

— Холли?

— Не волнуйся, старик. Она придет.

— Нет, — говорит он.

Его глаза округляются, страх и отчаяние завладевают им.

— Да, старик. Пока ты был без сознания, я позвонил ей. Мы позвонили ей, и она придет за тобой.

Я громко смеюсь, когда он начинает задыхаться от страха.

Наконец, она возвращается домой.

Я ни на что не способна, кроме как ерзать в кресле, обратный перелёт домой длится гораздо дольше, чем мне запомнилось. Самолет, который мы арендовали, небольшой, здесь нет других пассажиров, что позволило нам взять Лилу с собой. Лилу остается возле моих ног и не показывает никаких признаков страха, пусть даже она никогда раньше не была в самолете. Тепло её тела на моих ногах — это привычный уют, который меня немного успокаивает. Когда она вошла в мою жизнь и вынудила меня погладить её, мы стали друзьями. Она — частица постоянства в моей жизни, я и не осознавала, что стала зависимой.

Всё, о чем я могу думать, — это Деда. Я полностью полагаюсь на Деррика. Трэвис хочет помочь. Его мама считает, что он может помочь.

Но я не могу подвергнуть Трэвиса опасности. По моей вине у него в руках Деда. Я не могу позволить тому же произойти и с Трэвисом.

Поэтому я пойду одна или с Дерриком. Как полицейский, он обучен для такой ситуации.

Деррик встречает нас в аэропорту, и, когда он прижимает меня к себе, я цепляюсь за его широкие плечи и открыто плачу. Как и в прошлый раз, Деррик держит меня в своих объятиях, пока мир вокруг меня выходит из-под контроля.

— Мы вернем Деда, — обещает Деррик.

Я киваю и отстраняюсь от него — нужно прийти в себя. Вытирая слезы, смотрю на лицо Трэвиса, когда он кладет твердую руку мне на плечо.

— Это Трэвис, — указываю я жестом, и оба мужчины пожимают руки, подозрительно разглядывая друг друга.

Гнев медленно зарождается в моем животе, путешествуя вверх по позвоночнику. Я вдыхаю, приветствуя его.

— Не будем сейчас выяснять, у кого больше член.

Лишившись всех эмоций, кроме внезапного гнева, я с гордым видом направляюсь в сторону грузовика Деррика. Мои слова повисли в воздухе, пока Трэвис и Деррик бросают изумленные взгляды в мою сторону. Я отказываюсь предоставить этим мужчинам право оценить друг друга посреди серьезного кризиса.

— Так, заканчивайте тратить попусту время, чтобы мы могли разобраться с этим дерьмом.

Трэвис бежит за мной, и я встряхиваю рукой, когда он хватается меня за запястье. Как только я оказываюсь на заднем сиденье, хлопнув дверь с громким стуком, какая-то часть меня радуется, когда Деррик вздрагивает.

— Она никогда не видела мой член, — уточняет Деррик, когда мы все оказываемся в его машине.

— Разве это важно? — спрашиваю его я, махая руками в воздухе, уже потеряв здравый

СМЫСЛ.

— Думаю, он должен знать, — Деррик пожимает плечами и заводит машину.

Трэвис смотрит на меня с переднего пассажирского сидения и подмигивает.

— Ты никогда прежде не жаловалась на размер моего члена.

Смутившись, я отвожу взгляд, на щеках вспыхивает румянец и распространяется вниз по шее, пока вся моя верхняя часть тела не оказывается охваченной стыдом, словно пламенем. Чувствуя себя словно помеченная территория, я намеренно сосредотачиваю все свое внимание на Лилу, положившую свою огромную голову мне на колени, и методично поглаживаю ее. Руки ритмично перемещаются от ее головы по спине и затем обратно, назад и вперед, давая мне ощущение целеустремленности и спокойствия.

Двое полицейских приветствуют меня, когда мы прибываем в дом Деды. Они спрашивают меня о моем похищении, о похитителе, о том, как я сбежала. Они хотят знать каждую деталь телефонного звонка.

Они хуже, чем Энн и ее раздражающие вопросы. Страх растет с каждым вопросом, потому что у меня нет ответов. Я не могу помочь им. Я не могу помочь Деду.

Расстроившись, я поднимаюсь из-за кухонного стола и ухожу в холл, пока Трэвис рассказывает им о своем разговоре с человеком, похитившим Деду.

Мыслей тьма. Скрип старых деревянных полов резонирует от стен, каждый звук эхом отдается в моей голове. Ноги дрожат, я опираюсь на стену, в то время как моё сердце пытается вырваться из груди, но стены словно наваливаются на меня. Они сотрясаются от моего прикосновения.

Мне тесно в доме, я покидаю его на свинцовых ногах.

Теплый свет солнца встречает меня, поэтому я поднимаю лицо вверх, чтобы впитать тепло. Музыка, едва ли громче шепота, наполняет воздух, и я кружусь вокруг, чтобы найти источник.

Тишина.

Качая головой, приседаю на корточки на переднем дворике, сжимая руки так, что ногти впиваются в кожу.

По-прежнему тишина.

По-прежнему тесно.

Я была рождена из темноты, из пыток и страха. Мужской певческий голос заполняет пространство в моем сердце, где жили радость и сострадание, и заменяет его виной и эгоистичными решениями.

Я встаю, прижимая руки к ушам, чтобы заглушить звук. Сильные руки подхватывают меня, и я снова держусь за Деррика, пока он шепчет успокаивающие слова в мои волосы.

— Он пел мне, — шепчу я, и Деррик целует меня в макушку. — Journey «Open Arms» (Примеч. Дословно название песни переводится как «С распростертыми объятиями»), — он застывает, так что я вопросительно смотрю на него.

— Что еще ты помнишь?

— Ничего, — смотрю на свои ноги. — Просто его голос, поющий мне.

— Ты не хочешь остаться у меня сегодня? — спрашивает Деррик, и я морщу брови. — Ты и Трэвис?

И хотя я благодарна за приглашение, но отказываюсь от предложения Деррика. Дом Деда — мой дом. Я поняла это, как только увидела его снова. Это то, чему я принадлежу, и уезжать было бы глупо. Теперь из-за моего эгоизма Деда в той же опасности, в которой была однажды я.

Когда полиция наконец-то уезжает, я, не зная, что делать, возвращаюсь на кухню и разогреваю еду Хизер, оставленную в холодильнике для нас. Я слежу за таймером на микроволновке, нажав кнопку «отмена», прежде чем он доберется до нуля и начнет издавать звуковой сигнал. Находя утешение в мелочах, я могу контролировать себя, я держусь за них, чтобы не потерять себя снова и вернуться к тому времени, когда я покинула больницу.

Деррик подходит ко мне сзади, я поворачиваюсь к нему лицом, и он снова кладет руку на мое плечо.

— Ты знаешь, что тебе нужно сделать, не так ли? — спрашивает он.

Я оглядываюсь на него. Если бы я знала, что мне надо делать, то не тратила бы впустую свое время, разогревая еду, которую, вероятно, не съем.

— Ты должна вернуться к Энн. Ты должна вспомнить.

Как просто он говорит мне об этом. Я должна вспомнить.

Разве я не пытаюсь это сделать?

«Нет», — честно отвечаю себе. Прием оставляет меня равнодушной.

Я вспомнила, что не связано с риском — обрывки событий с Дедой и моими друзьями. Но остальное... я убегала, пытаюсь начать новую жизнь, не состоящую из кошмаров, которые я не позволю себе вспомнить.

Разве не это главное?

Хотя я покорно рассказываю всем, что хочу вспомнить, правда заключается в том, что я не хочу знать. Я не хочу вспоминать, что произошло со мной, когда попала в плен, я больше хочу помнить события, произошедшие до этого дня.

Я не хочу вспоминать всё это.

— Да, — соглашаюсь я, — чего бы это ни стоило.

Деррик исчезает — наверное, чтобы позвонить Энн и сообщить ей хорошие новости. Я подхожу к Трэвису и кладу голову ему на грудь, прислушиваясь к биению его сердца. Я не расслабляюсь, пока его руки не обвиваются вокруг меня.

— Я все еще злюсь на тебя, — слова имеют малое влияние, пока мои руки обнимают его за талию.

Так как его губы покоятся у меня на лбу, я замечаю, когда они изгибаются в полуулыбке.

— Мы найдем его, Холли. Я обещаю.

Мои глаза наполняются слезами. Я не знаю, как мы найдем или вернем Деда. Я оставила его и тем самым подвела его. Деда, который не бросил и не отходил от меня, который перевернул бы небо для меня, если бы я попросила. А что я сделала для него взамен? У меня его похитили.

И внучке присуждается...

В поиске хоть толики нормальной жизни, я накрыла на стол, пока Лилу внимательно следит за мной. Когда Трэвис отвернулся, чтобы взять наши напитки, я бросаю ей кусок

курицы, который она быстро проглатывает не разжевывая. Благодарная за ее оперативность и умение конспирироваться от ее хозяина, я поглаживаю ее за правым ухом, когда она с энтузиазмом виляет хвостом для меня.

— Для тебя больше нет, — вместо того, чтобы оставить без внимания мои слова, она смотрит на меня влюбленными глазами.

— Не позволяй ей одурачить тебя, — говорит мне Трэвис.

Невинность наполняет мои глаза, когда я оглядываюсь на него.

— Ты ей нужна только из-за еды.

— Да, хорошо ... — вздыхаю и отворачиваюсь от него. Я уже превращаюсь в робота, покинувшего больницу месяцы назад.

Трэвис захватывает мой подбородок своими тонкими пальцами и наклоняет мое лицо, пока я смотрю на него. Он опускает голову, и наши губы встречаются в мягком поцелуе.

— Итак, — Деррик прерывает нас с приклеенной к лицу добродушной улыбкой.

— Итак, — повторяю я.

Деррик вскидывает руки, но я слишком хорошо его знаю. Он не тот, кто отступает.

— Позже я могу быть старшим братом. Когда тебя нет рядом, — обещает он.

— Не делай этого, — предупреждаю я. — Не притворяйся, что все нормально, и я просто привела домой какого-то мальчика для того, чтобы ты с ним познакомился, — мой голос повышается, в то время как руки дрожат.

Мягко вздохнув, Деррик расправляет плечи и кивает.

— Энн сказала, что завтра могла бы встретиться с тобой.

Внутренние процессы моего организма сбиваются, но я в состоянии скрыть свою реакцию и ощущение, что Деррик только что оставил меня в канаве, откуда мне не выбраться. Я не могу выбраться, но могу бороться своим способом.

— Кто такая Энн? — спрашивает Трэвис.

— Мой психотерапевт, — напоминаю ему я, затем объясняю, а Деррик подтверждает то, что мне нужно делать.

Я должна вспомнить. Для Деды.

Мандо

Старик не боец. Всполохи борьбы всколыхнулись в нем только тогда, когда я упомянул имя его внучки.

Холли. Его милая Холли.

Я буду медленно ломать их обоих, так медленно, что они обрадуются наступлению смерти.

Сейчас я держу его в темноте с лыжной маской на голове, связав по рукам и ногам. Он не знает о моих намерениях, пока я не начинаю наносить удары по его лицу и животу.

Я получаю столько радости, когда его тело вздрагивает и напрягается от звука моих шагов. Он никогда не знает, что я собираюсь сделать. Иногда я сижу напротив него и разглядываю. Его хилое тело слабеет. Беспокойство за внучку поглощает его, но он угрожает мне, хотя знает, что они оба умрут от моих рук. Он пытается скрыть свою дрожь, когда я расхаживаю перед ним с ликованием, которое может принести мне только Эрика. Звук его щелкающей челюсти возбуждает меня, и я часто бью его в лицо, заморожено смотря на кровь и на то, как она стекает с уголка его рта.

Но большую часть времени я загоняю кулаки в его душу.

Это психологическая война, и я намерен победить.

Холли

Моя встреча с Энн не отличается от предыдущих сеансов. Не знаю, почему я ожидала, что будет по-другому — словно это для меня открытие, что в моей голове будут копаться и извлекать до сих пор скрытую информацию. Я обвиняю Трэвиса, потому что он показал мне «Пятый элемент», заключающий в себе революционные идеи, которые киношники создали, показав всему миру то, что никогда не случится за время нашего существования.

Вместо этого мы прибегаем к гипнотерапии. Верно. Меня загипнотизируют. Это глупо. Это так банально, словно сцена из какого-то фильма по Hallmark, и мне кажется, мои глаза вот-вот вылезут из орбит. *(Примеч. Hallmark — кинокомпания и телевизионный канал, транслирующийся в США. Специализируется на производстве и трансляции классических сериалов и фильмов).*

Но это единственный имеющийся у меня шанс.

Никто не отвечает, когда я звоню на телефонный номер Деда, и никто не звонил мне с его номера. Однако я упрямо проверяла свой мобильник, только чтобы убедиться, что не пропустила ни одного вызова. Уверена, телефон зазвонил бы сейчас, если бы Деррик не позвонил в полицию, или если бы я не позвонила Деррику, или если бы Трэвис не забрал бы телефон у меня.

Конечно, Деда не оказался бы в такой ситуации, если бы я не ускользнула от моего похитителя.

Я виню всех, потому что не могу винить его.

Вместе с Лилу я иду в лес за домом Деда и пытаюсь не волноваться о том, что Трэвис и Деррик остались наедине друг с другом на несколько часов. Я уверена, один из них достаточно ответственен для того, чтобы вызвать неотложку, если Деррик и впрямь возьмет на себя роль старшего брата и сможет выяснить, что мы с Трэвисом замыслили, в то время как я должна была сосредоточиться на своем психическом здоровье.

Деррик видел меня слабой, так что я не виню его за то, что он так рьяно опекает меня. Я покинула Техас из-за парализующего страха перед прикосновениями. После моего возвращения в Харбор-Айленд я привела с собой человека, руки которого блуждают по моему телу, будто они принадлежат мне. Да, я закатываю глаза. Трэвис нашел приключения на свою задницу.

Бездумно иду, не зная куда, но придерживаюсь внутреннего компаса — так я буду знать, как вернуться домой. Я аккуратно обхожу кустарники, чтобы они не оцарапали мое лицо, и перелезаю через большие камни, скорее всего, так я делала в детстве.

Добравшись до ручья, я сажусь на валун, свесив ноги, так что они не касаются воды. Высокие деревья окружают меня, их листья падают в ручей. Пасмурно. Тучи словно убежище от солнца, нависшая тьма разрывает подобие мира. Вода течет непрерывно, и здесь я пытаюсь увидеть себя.

Кеды, косички, грязные ногти...

Я не могу представить это.

Собака, большая и черная, как Лилу...

Нет, у меня была дворняга — помесь разных пород, которую Деда называл Уродцем. Я любила этого пса так сильно, что считала его своим младшим братом. Я была опустошена, когда мы потеряли его, и не могла спокойно смотреть на маленькую белую собачку, принесенную мамой домой, чтобы излечить мое разбитое сердце. Но для молодых сердец характерно все быстро забывать, так что Бетси стала моей новой лучшей подругой.

Я представляю Уродца с всегда высунутым языком, потому что он был слишком большим, чтобы поместиться у него во рту, и его пронизательные глаза всегда следили за мной. Помню, как однажды я посадила свои куклы ему на спину, будто он — любезный жеребец. И я думаю о маленькой Бетси, которая была с нами до моего совершеннолетия.

Блуждая в воспоминаниях, я смотрю вниз на ручей, пытаюсь вспомнить свое похищение. Должно быть, была какая-то борьба. Он использовал шнур или веревки? Или, может, успокоительное, чтобы не было борьбы? Были ли люди вокруг? Или я был одна, как сейчас?

Беспокойство и напряжение скапливаются в основании шеи, и я осматриваюсь, ища виновника. Потираю шею и встаю, поворачиваясь по кругу, осматривая деревья, окружающие меня. Оставив Лилу играть в ручье, я иду глубже в лес, перешагивая через сломанные ветки деревьев и камни. Чем дальше я от дома Деда, тем отчетливее ощущаются тревога и волнение в районе шеи. Бесперывный поток ручья все еще в пределах слышимости, когда меня настигает головная боль. Я хватаюсь руками за голову, но продолжаю двигаться вперед, так или иначе, зная, что иду в правильном направлении.

Мои ноги перестают двигаться, когда я натыкаюсь на дерево с пригвожденной к нему белкой. Листок бумаги свисает со рта мертвого зверька, и я знаю, что это.

Это послание для меня.

Глубоко вдыхая, протягиваю руку и аккуратно беру бумагу изо рта белки, не разрывая ее. Я выдыхаю, отказываясь плакать, если он смотрит на меня. В животе образуется узел, как только я открываю записку. Только два слова, написанные на бумаге.

«Приходи одна».

— Куда? — я озираюсь вокруг, мое отчаяние повисает в тишине, пытаюсь утащить меня. — Скажи мне куда, и я приду!

Никто не отвечает, поэтому я падаю на колени, закрывая лицо руками, и начинаю рыдать. Незримый узел сплетается вокруг моего сердца, сжимает и перекрывает мне доступ воздуха. Тогда как внутри меня образуется смятение, ветер усиливался, отчего мои волосы развеваются у лица. Я оглядываюсь на деревья и, в конце концов, встаю, цепляясь за мельчайшие кусочки надежды. Постоянный стук в моей голове говорит мне, что я иду в правильном направлении, когда боль становится невыносимой. Я успокаиваю свое тело, опираясь рукой на различные стволы деревьев, периодически останавливаясь, чтобы приложиться головой к грубой коре.

Изнуряющая боль вызывает у меня тошноту и слабость, но я борюсь с ней, пока на расстоянии не вижу дом, во многом похожий на дом Деда. Мой взгляд мечется, так как мне приходится бороться с болью. Я смахиваю пот со лба тыльной стороной ладони, а затем зажимаю пальцами переносицу, надеясь, что небольшое давление поможет унять головную боль.

Успокаивающе и глубоко вдохнув, я делаю небольшой шаг в сторону дома.

— Остановись.

Я взвизгиваю, но Трэвис закрывает рукой мой рот, чтобы не создавать шума.

— Тихо.

Я была бы намного спокойнее, если бы он не напугал меня.

Прищурившись, пока подозрение пускает корни в моем животе, я сердито гляжу на него. Возникают разнообразные мысли, ослепляя меня. Все же он не мог быть частью этого. Он просто не мог.

Мое тело начинает трясти, поскольку я понимаю правду.

Глядя в глаза Трэвиса, я вижу незнакомца. Его ложь снова и снова пронзает меня.

— Я искал тебя и нашел Лилу, играющую в воде. Я звал тебя, но когда ты не ответила... — он проводит дрожащей рукой по волосам и громко вздыхает. — Я думал, он похитил тебя, Холли, — он убирает ладонь от моего рта и прижимает мое тело к своему. — Было не трудно выяснить, куда ты пошла. Ты повсюду оставила следы.

Волна воспоминаний поднимается во мне, напоминая о том, кто мы и что между нами было. У меня болят глаза, слезы капают из глаз, пока я всматриваюсь в его лицо.

— Ты видел белку? — мой голос такой слабый, и я не думаю, что он меня слышит.

Он кивает, так что я достаю записку, оставленную для меня, и передаю ему.

— Ты должен уйти, — говорю я после того, как он прочитал.

— Нет.

— Нет? — иду к нему, толкая его в грудь. — Я не хочу, чтобы ты был здесь, Трэвис. Я не хочу тебя, — слова потоком срываются с моих губ, каждое слово предназначено навредить, прорывая его неуверенность.

Он прищуривает глаза, его пульс пульсирует на шее. Я вижу страх, поскольку он распространяется и пускает корни в его сердце, потом он появляется в его глазах.

— У меня есть Деррик. Возвращайся на свой маленький остров. Я хочу Деррика, не тебя.

Глаза Трэвиса темнеют, прежде чем его губы впиваются в мои, раскрывая мою ложь. Пытаюсь оттолкнуть его, но мое тело отвечает вопреки здравому смыслу, и я открываю себя для него, в то время как мои губы ищут его, страстно желая. Мне нужна лишь минута нашей страсти, чтобы увести меня из леса и сарая.

— Ты можешь остаться с Дерриком, но прежде мы закончим. Я обещал тебе помочь вернуть дедушку, и я собираюсь это сделать.

Мои слова причинили боль, которая наложила отпечаток на его лицо, ожесточив его черты, пока он пытается скрыть печаль в своих глазах.

Я оглядываюсь на дом, не желая встречаться глазами. Деда где-то там, и я зря трачу время, пытаюсь оттолкнуть Трэвиса.

— Отлично, — я оглядываюсь на него. — Но он должен поверить, что я одна.

Трэвис кивает головой в знак согласия.

— Итак, мы вернемся сегодня вечером.

Я качаю головой на то, как он пытается взять все под контроль, и злюсь от того, что согласилась принять его помощь. — Мы пойдем сейчас, — отхожу от Трэвиса, готовая бежать к дому без него.

— Подумай, Холли, — он хватается за руку, не позволяя двигаться. — Если мы вернемся, когда стемнеет, он не сможет увидеть нас.

Я хочу, чтобы он видел меня. Я хочу, чтобы он знал, что я здесь. Но он хочет, чтобы я

была одна, так что да, если он не увидит Трэвиса, то это будет хорошо.

— Ладно.

Не встречаясь глазами с Трэвисом, я разворачиваюсь и иду обратно через лес. Я не потрудилась поговорить с ним или придумать план. Моя единственная задумка состоит в том, чтобы вернуться в дом к мужчине из моих кошмаров, таким образом, он позволит Деду уйти. Я не хочу ни о чем больше думать, кроме этого.

Как только мы возвращаемся к ручью, Трэвис зовет Лилу, для того чтобы мы могли вернуться в дом, и если бы эта собака могла бы говорить, то она бы его послала. Этой собаке предназначено быть в воде, и она ненавидит находиться вдали от нее. Вернувшись в дом, Трэвис поливает Лилу из шланга, пока я стою на крыльце дома Деды.

Мои эмоции балансируют на грани уничтожения.

Грузовик Деррика припаркован в нескольких метрах от места, где я стою, поэтому знаю, что он все еще здесь. Я понимаю, что подвергнусь допросу, и не хочу идти внутрь. Он будет задавать слишком много вопросов, и я также не хочу, чтобы он шел со мной.

Приходи одна.

Это то, что говорилось в его записке для меня.

Приходи одна.

Я не могу привести с собой Трэвис и копа.

Трэвис хлопает Лилу, вытирая ее, прежде чем впустить внутрь. Я слежу за ее печальным взглядом, направленным в лес, и знаю, что она уже не пойдет к ручью.

— Позже.

Она виляет хвостом, не зная, что это позже может не наступить для меня.

Деррик выходит из дома, а я собираюсь зайти, оборачиваюсь и вожусь с мокрым полотенцем, оставленным Трэвисом на земле. Вместо того, чтобы направиться к своему грузовику, Деррик следует за мной.

— Как все прошло с Энн? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

Я ощущаю присутствие Трэвиса, и, как только он оказывается рядом со мной, мое тело инстинктивно прижимается к нему. Он обнимает меня, полностью завладев мной.

— Ой, ты знаешь, она хочет загипнотизировать меня, — говорю я, и Деррик смеется.

Хотя Трэвис не понимает юмора, я рада, что Деррику это удастся.

— Думаешь, она заставит тебя кудахтать, как курицу? — спрашивает Деррик.

— Ты имеешь в виду, что у Энн нет чувства юмора? — спрашиваю я, а он ухмыляется.
— Крайне маловероятно, — говорю я, передразнивая ее суровый тон.

— Так что, нет идей, помимо превращения тебя в циркового клоуна?

— Нет, — я качаю головой.

Деррик возвращается к своей машине, готовый к отъезду, но оглядывается на меня, прежде чем уехать.

Он раз проводит ладонями по лицу и просит.

— Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится.

— Я позвоню, — отвечаю я.

Одновременно с этим Трэвис говорит ему:

— Она не позвонит.

У меня нет даже мысли наступить Трэвису на ногу или оправдать его, потому что меня это не волнует. Это все не важно, я все равно живу прошлым.

Бесконечное море темноты расстилается перед нами, уже далеко за полночь, когда мы приближаемся к дому. Я веду нас через лес и останавливаюсь сразу за линией деревьев, когда показываются очертания сарая. Деревья усыпаны крупными листьями, которые, свисая над нами, отбрасывают причудливые тени. Здесь тихо, и потому отчетливо слышен каждый сделанный нами шаг, так как мелкие ветви трещат под нашими ногами.

Когда мы подбираемся ближе к сараю, Трэвис, шагая впереди, протягивает мне руку, и я хватаюсь за нее. Взглянув на него, я прослеживаю за его взглядом, который сосредоточен на сарае. Его взгляд нервно мечется из стороны в сторону, я прищуриваюсь, чтобы получше рассмотреть, что нас окружает. Мой пульс стучит в ушах так громко, что я не могу услышать, что говорит Трэвис. Я открываю рот, чтобы ответить, но кричу, когда Трэвис вдруг спотыкается об землю, кряхтя от боли.

Мои глаза снова сканируют пространство вокруг нас в поиске кого-то или чего-то, но я ничего не вижу, поэтому становлюсь на колени рядом с Трэвисом. Он кричит на меня, но я его не слышу. Он тянется к своему бедру, и я слежу за его рукой, вытаскивающей из плоти стрелу.

Выпучив глаза, я смотрю на бледное лицо Трэвиса. Его губы по-прежнему быстро двигаются, и я моргаю несколько раз, пока мой мозг запоминает то, что он говорит.

— Что с тобой? — кричит он. — Убирайся отсюда.

— Ты ранен, — запинаясь, говорю я, указывая на стрелу, торчащую из его бедра.

Его кадык дергается, когда он тяжело сглатывает. Сделав сильный рывок, он ломает стрелу пополам, встает на ноги и тянет меня с собой. Трэвис кладет руку мне на плечо и, хромя, быстро направляется к лесу, где мы будем в безопасности. Борясь с волной головокружения, я высвобождаюсь из его объятий, выкрикивая имя Деды, и убегаю от Трэвиса.

Трэвис ворчит возле меня, стараясь при этом не отставать, когда я внезапно слышу свист еще одной стрелы, пролетающей мимо меня. Трэвис громко ругается, но, оглянувшись назад, вижу, что он все еще бежит следом за мной.

Не знаю, подстрелили ли его снова, я просто не позволяю этой мысли остановить меня. Я не могу. Я должна добраться до Деды.

С этой обосновавшейся в голове мыслью я бегу быстрее в логово демона.

Когда я оказываюсь всего в десяти метрах от сарая, из тени появляется фигура. Его глаза будто светятся в темноте, и я могу разглядеть очертания его рта, когда он улыбается мне, обнажая зубы. Наконец, он включает свет, и я вижу его лицо.

Я сразу узнаю его и, пытаюсь вдохнуть, начинаю задыхаться. Он — не только лицо из моих кошмаров, но также тот самый человек, который утешал меня в больнице, когда мои родители погибли в автокатастрофе.

После аварии Деду позвонили из больницы. Мы не знали, что произошло. Мы только знали, что мои родители пострадали. Каково же было удивление, когда Деда попросил опознать их тела.

Деда был обескуражен их словами, и я стиснула его руки в своих.

— Произошла авария, — спокойно сказала я медсестре. — Но они в порядке, — я хотела, чтобы мои слова были правдой.

На мгновение в глазах медсестры промелькнуло сострадание, быстро скрывшееся за нейтральным взглядом.

— Пожалуйста, следуйте за мной, — ответила она.

Я спотыкаюсь и сталкиваюсь с Трэвисом, чье дыхание гулко раздается позади меня. Он берет меня за руку, чтобы успокоить, и я чувствую влагу, когда его рука прикасается к моей руке. Посмотрев на свою руку, где Трэвис касался меня, я вижу кровь... кровь Трэвиса.

Я смотрю на него, кожа на его красивом лице блестит от пота. Опускаю взгляд к другому пятну на его бедре, это след от другой подстрелившей его стрелы.

— Я в порядке, — шепчет он в мои волосы.

Глаза наполняются слезами от внезапного понимания, что я принесла Трэвису и себе лишь страдание и смерть.

— Добро пожаловать домой, Холли, — говорит мужчина. Он заходит в сарай, не оглядываясь, чтобы посмотреть, следуем ли мы за ним.

Мандо. Это его имя. Его вместе с женой сбила машина моих родителей, когда папа свернул на их полосу. Его жена, Эрика, была тяжело ранена, но выжила. Она выжила. Мои родители умерли, не она.

Трэвис берет меня за руку и целует мои дрожащие пальцы, пока он ведет нас в сарай. Ноги сами несут меня, но я внезапно останавливаюсь. Сердцебиение рывками отдается в ушах, а ненависть наполняет мою грудь.

Волнующие воспоминаниями, которые я скрывала от себя, всплывают словно спасение, накрывая меня черными завитками действительности.

Сарай и его темнота слишком знакомы.

Я помню. Я помню все это.

Ярость разжигает огненный ад, когда я отпускаю руку Трэвиса, нападая на Мандо, быстро разоружая его, лишая лука и стрел. Стрелы падают на пол, и я бросаюсь за ними, встав только тогда, когда одна из них оказывается у меня в руках.

Избавляясь от всех мыслей, кроме подготовки Деррика, я сбавляю темп, пока Трэвис стоит рядом со мной, также готовый бороться. Стиснув зубы, я сдавливаю стрелу в кулаке. Трэвис атакует первым, бросаясь вперед, и наносит удар в челюсть Мандо. Его голова откидывается назад, в то время как Трэвис хватает его правую руку и тянет ее за спину. Скручивает ее как можно сильнее, пока Мандо не начинает молить о пощаде.

Подняв подбородок, я осторожно прокрадываюсь вперед и, сузив глаза, смотрю на человека, который хотел отнять у меня все. Трижды быстро ударив Мандо по лицу, я улыбаюсь той же улыбкой, какой однажды он улыбался мне, пока его кровь струйкой капает из носа на пол.

Наши рваные вдохи наполняют воздух, в то время как мы смотрим друг на друга, выплескивая ненависть из наших пор. Когда я в очередной раз нападаю на Мандо, он извивается, направляя нож, спрятанный под ремень, в сторону живота Трэвиса.

Паника настигает меня, пока я смотрю, как Трэвис, падая и держась за бок, ударяется о

пол. Взгляд Мандо блуждает в ожидании, и, когда он бьет меня в живот, мое тело падает на землю раньше, чем я прихожу в себя от сильного удара. Хватаю ртом воздух, в этот момент Мандо хватается за воротник моей рубашки, и я чувствую, как разрывается ткань. Встретившись со мной глазами, он наотмашь бьет меня, и, теряя оружие, я падаю. Я теряю шанс на наше выживание.

— Твой парень умирает, — Мандо опускается на колени и сжимает мой подбородок, оставляя след на коже. — Я могу зашить и спасти его, — он прижимается своим носом к моему, его слюна капает на мой рот. — Я сделаю это для тебя. Своеобразный компромисс. Ты должна следовать моим правилам, Холли, или он умрет. Ты понимаешь меня?

Воспоминания о Мандо длительное время скрывались в глубинах моего сознания, а сейчас вылезли и дразнили, от чего я съеживалась от страха. Это куда страшнее. Теперь, когда тень исчезла и показала себя в образе обычного человека, я прячусь в безопасности его слов.

— Я понимаю, — киваю я. — Ты спасешь его.

Моя защита дрогнула и по частям обрушилась. Воинственное сопротивление, овладевшее мной несколько секунд назад, улетучивается, сокрушая надежду на выживание.

Правда очищает, и я ее раб.

— Может быть, — губы Мандо дергаются.

Я пробегаю ногтями по лицу, пока из горла вырывается крик. Деда стонет мое имя, и я сразу перестаю кричать, сосредоточив свое внимание на его поиске.

— Деда, — зову я, в моем голосе отчетливо различим страх. Взгляд блуждает по темной комнате, и я нахожу его. Деда голым лежит в углу комнаты.

Он снова стонет, и я бросаюсь к нему. Иду, чтобы утешить его, чтобы принести ему тепло от моего теплого тела, но Мандо хватает меня, прежде чем я могу ему помочь, и тянет от Деды. Мандо быстро бросает меня к стене, и я падаю на землю с тяжелым глухим стуком.

Кровь — это последнее, что я чувствую, прежде чем мир чернеет.

Холли

— Холли, — его голос слабый, почти неразборчивый.

Хоть и ослабевшая, я узнаю Трэвиса. Моргаю, открывая глаза, но зажимаюсь, когда свет падает на них.

— Холли, милая, — его голос, глубокий и рокочущий, к которому я уже привыкла, тянет меня домой.

Хаос в моем сердце успокаивается от осознания, что Трэвис здесь. Жизнь всегда улыбается мне в ответ, когда он рядом.

Свернувшись калачиком, я снова открываю глаза, моргаю несколько раз, пытаюсь сориентироваться, одновременно приспособившись к мощному освещению от светильников, свисающих с потолка. Я прикрываю глаза, прячась от навязчивого света. Ахаю, понимая, что Трэвис распростерт передо мной, а его руки и ноги раздвинуты и образуют на полу скованную «х». Осознание того, где мы, быстро доходит до меня, в то время как я беру в руки его избитое и окровавленное лицо.

— Трэвис, — его имя срывается с моих губ.

Несмотря на головную боль и тошноту, я поднимаюсь с грязного пола. Встав слишком быстро, цепляюсь за стену для поддержки, затем бегу к нему. Как только я добираюсь до него, дверь в сарай открывается.

Пульс отдается в ушах, и боль охватывает все конечности моего тела, я смотрю на него — на Мандо — человека, который разрушил мою жизнь и уничтожил меня. Я не спрашиваю почему, потому что наконец-то вспомнила. В его помутившемся рассудке он думает, что мстит за свою жену.

— Эрика, — произношу я имя его жены, зная, что он ненавидит, как ее имя звучит в моих устах.

Я должна испугаться, столкнувшись с реальностью. Черт, я боюсь. Но помимо этого я просто хочу, чтобы все закончилось, куда бы это ни привело.

— Эрика, — на его лице медленно появляется расчетливая улыбка, его голос куда более спокойный, чем я ожидала. — Наконец-то ты поняла.

Хотя я до сих пор не понимаю. Даже теперь, будучи с Трэвисом, я все еще не понимаю извращенную версию любви Мандо.

Мандо кивает в сторону Трэвиса, и страх зарождается в животе. Он знает. Прежде, чем мне представился шанс поговорить с Трэвисом, Мандо понял, что я влюблена в Трэвиса.

— Любовь жестока, — улыбка Мандо насмешливая, пока он смотрит на Трэвиса и на меня. — На самом деле, никто и никогда не определяет любовь как злую шутку. С той минуты, когда мы впускаем любовь в наше сердце, начинается ломка, которая ничего не дает, кроме разрушенного беспорядка.

— Как насчет того, что осталось? — я горжусь силой своего голоса и сцепляю

трясущиеся руки вместе, надеясь ослабить в них дрожь.

Я не пытаюсь искать Деда или установить зрительный контакт с Трэвисом. Они не остановят меня от того, что я должна сделать, чтобы вытащить нас отсюда.

— Они не могут быть красивыми? Эрика была твоей спасительной благодатью. Вот, что ты сказал мне. Она спасла тебя от самого себя. Да, Эрика сломана, но она все еще здесь, — боже, надеюсь, она все еще здесь и не умерла после того, как я ушла. — Что бы она сказала, Мандо? Что бы она подумала? — я пытаюсь использовать Эрику против него, как сделала тем утром, прежде чем смогла убежать. Если я смогу поставить его в то же запутанное положение, как и раньше, может быть, я смогу забрать Деда и Трэвиса отсюда. Он сжимает руки в кулаки. — Моя Эрика ушла. То, что отсталось, — просто тело, гниющее тело, разрушающее ее так же, как и меня.

— Нет.

Я хочу поспорить с ним, но он прикладывает палец к губам, а потом подходит к Трэвису. Я следую за ним, он шагает, держа в руках мое сердце. Я качаю головой, но делаю выпад вперед, когда он пинает Трэвиса в живот.

— Все нормально, — Трэвис, ошеломленно глядя на меня и пытаюсь успокоить между удушливыми вздохами.

Я падаю рядом с ним, положив руку в утешительном жесте ему на щеку.

Его боль — это моя боль, и она приводит меня в ужас.

— Я в порядке, Холли, — шепчет он в изгиб моей шеи, когда я наклоняюсь, чтобы обнять его.

Слабо всхлипнув, я сижу, шаря взглядом по его телу в поиске травм. Испытываю временное удовлетворение, когда замечаю, что Мандо сдержал свое обещание и зашил ножевую рану Трэвиса.

Взгляд Трэвиса пробегается по мне, и слезы от причиненной боли катятся вниз по моей щеке, падая на него. Усталость овладевает моим сломленным духом, но я ищу надежду или способ спасти любимых мною мужчин.

— Я в порядке, — повторяет Трэвис, но я опускаю глаза, не в состоянии встретиться с его взглядом.

— Вот как будет дальше! — кричит Мандо, отчего Трэвис и я подпрыгиваем. — Каждый раз, когда ты сделаешь что-то, что рассердит меня, или будешь противоречить тому, что я говорю, или будешь дерзить, твоему парню будет больно. Это твое наказание за побег, — он пожимает плечами, как будто ничего страшного не произошло. — Ты будешь смотреть, как твой дедушка медленно умирает. Возраст и данные обстоятельства — его злейшие враги, и твой парень будете страдать в твоих руках, — он хлопает в ладоши — раз, два, три — прежде чем развернуться и оставить нас в сарае.

По крайней мере, на этот раз он оставил свет.

Мои руки и ноги развязаны, и рот не заклеен. Это расчетливый ход, потому что он знает: я не уйду.

Борьба, которой я обучалась, превращается в небольшое, легко гасимое пламя, когда я думаю о попытках Мандо, которым он может подвергнуть Деда и Трэвиса, если я буду бороться или убегу, чтобы обратиться за помощью. Я не могу их защитить, но, по крайней мере, могу остаться рядом с ними.

Я сознательно подавляю эмоции, бурлящие во мне, и целую Трэвиса в губы, в то время как мои слезы потоком катятся на его щеку. Это из-за меня он попал в неприятности. Он

будет страдать и, в конечном счете, умрет, потому что имел несчастье встретиться со мной.

Я рассматриваю стены, подумывая, как бы вырвать цепи, державшие его в заложниках, но знаю, что это бесполезно. Мандо тщательно подготовился. Он один раз облажался, и я сбежала. Он не позволит этому повториться.

— Прости, — шепчу я в губы Трэвиса, снова его целую.

— Единственный, кто должен извиняться, это я, — отвечает Трэвис. — Я знал, что мы шли в ловушку, но не смог это предотвратить. Я был недостаточно быстрым. Я упустил его... он старик, чертов старик, — он смеется, но в его смехе отсутствует юмор. — Старик надрал мне задницу.

— Да, серьезно, Трэв, что с тобой происходит?

Несмотря на обстоятельства, нам все еще удается смеяться. Это не хохот до слез. Черт, мы даже смеемся неубедительно, но это часть нас — часть того, что Мандо не может отнять.

У Трэвиса по-прежнему кровоточат раны на бедре, поэтому я поднимаю его шорты вверх по ноге и делаю все возможное, чтобы надавить на них, как видела в кино. Он кривит лицо от боли, и его глаза темнеют.

— Трэв, — начинаю я, с тоской наклоняя лицо.

— Я в порядке, Холли. Это кровотечение остановится самостоятельно.

Я не так в этом уверена. Но разве я знаю, что делать в такой дурацкой ситуации?

Киваю головой, пытаюсь скрыть печаль.

— Я должна проверить Деда.

Трэвис слегка кивает, а его глаза смотрят на меня со всей напряженностью, пока я иду к Деду. Приблизившись, нахожу старое одеяло в нескольких метрах от него и прикрываю его голое тело. Он до сих пор вздрагивает во сне, я подворачиваю одеяло под ним в надежде, что оно его согреет. Я разрываюсь между тем, чтобы обнять его и просто оставить в покое. Если бы не рваные вдохи, от которых его тело дрожит каждый раз, когда он вдыхает и выдыхает, я бы сказала, что он выглядит спокойным. Глаза закрыты, сухие губы приоткрылись, во сне его лицо спокойно, морщины разгладились.

Мне придется попросить у Мандо воды для того, чтобы намочить тряпку: Деду нужна жидкость. Если Мандо хочет играть, то ему придется немного уступить.

Бешеные эмоции охватывают меня, я сижу и наблюдаю, как грудь Деды двигается вверх и вниз, в то время как слезы дорожками катятся по лицу. Мягко прикоснувшись губами к воспаленному лбу Деда, я отрываю от одеяла два куска ткани и возвращаюсь к Трэвису, где прилагаю все усилия, чтобы перевязать его раны. Убедившись, что это лучшее, что я могу сделать, ложусь рядом с ним.

— Ты должна уйти, — призывает он меня, когда я кладу голову ему на грудь.

Я не могу уйти. Он должен знать это. Если я уйду за помощью или побегу, Мандо убьет Деда и подвергнет пыткам Трэвиса. Все во имя извращенной любви.

Я слушаю сердцебиение Трэвиса, признавая его своим собственным, и продолжаю влюбляться не только в него, но также в спокойствие, которое он приносит. Даже сейчас, когда смерть и боль окружают нас, я кладу голову на него, и через пару секунд страх вдруг исчезает, позволяя мне отдохнуть, пока я слушаю звук его сердцебиения.

— Ты должна уйти, Холли, — повторяет Трэвис, перед тем как я засыпаю.

Я даже не пытаюсь ответить. Я там, где мне нужно быть.

Я резко просыпаюсь с пульсирующей головной болью, которая со временем только ухудшается. Отстраняюсь от Трэвиса, надеясь, что не разбужу его, пока привыкаю к темноте. Видимо, Мандо возвращался и выключил свет, пока мы спали.

Ненавижу быть в неведении. Но больше всего я ненавижу находиться в этом сарае в темноте. У нас ничего не выйдет в этот раз. Как я и думала, я умру здесь. Хуже: я умру после того, как увижу, что оба мужчины, которых я люблю, страдают и умирают.

— Доброе утро, принцесса, — голос Трэвиса звучит бодро, но когда мои глаза привыкают к темноте, я вижу его усталое выражение лица, это выдает его.

Я закатываю глаза, желая подыграть, в какую бы игру он ни захотел сыграть, если это помешает сосредоточиться ему на том, где мы находимся и как сюда попали.

— Почему это ты такой веселый?

— О, не знаю, — улыбается он своей кривой полуулыбкой.

Мои губы растягиваются в маленькой улыбке.

— Возможно, потому что на моей груди лежала самая красивая девушка, пока я привязан. Я в твоей власти, принцесса, — подмигивает он.

Но он не просто связан, он прикован к земле. Раны от стрел больше не кровоточат, но они далеко не в порядке. Его глаза практически полностью опухли, а губы рассечены, но все же этот сумасшедший подмигивает мне.

— Глупо, Трэвис. Действительно глупо.

— Мужчина может помечтать.

Он отводит взгляд от меня, и я морщусь, когда вижу боль, промелькнувшую на его лице.

— Что я могу сделать? — спрашиваю я, поглаживая пальцами его щеку.

— Ранее он принес ведро. Я не знаю, что в нем.

Кивнув, я встаю, чтобы подойти к ведру с другой стороны сарая. Я прохожу мимо Деда, бормочущего во сне. Надеюсь, его мечты забрали его отсюда, подальше от страха, боли и беспомощности.

— Это вода, — объявлю я, смотря в ведро.

По крайней мере, я так думаю, но нет никакой гарантии. Это вполне может быть вода, смешанная с мышьяком. Я наклоняюсь, чтобы понюхать ее, но, вдохнув, понимаю, что нет никакого способа определить запах мышьяка.

— Принеси его сюда, чтобы мы могли провести романтический ужин.

Начинаю ненавидеть то, что он пытается относиться несерьезно ко всей этой ситуации. Стискиваю зубы, но постепенно осознаю, зачем он это делает. Он думает, что я собираюсь сломаться. Он видел меня сломленной несколько раз в Харбор-Айленд, это то, чего следует ожидать.

Так почему я не сломалась?

Медленными, осторожными движениями я ставлю ведро рядом с ним и подношу пригоршню воды ко рту. Сделав несколько глотков, закрываю глаза и жду. Трэвис не спускает с меня глаз, и я откидываюсь на спину рядом с ним. Я не кладу голову на него, так что, если вода отравлена, ему не придется лежать с моим безжизненным телом. Приятная мысль для нас, находящихся в таких условиях.

— Я надеялся, что ты дашь мне воды тоже.

— Ты просто злишься, — говорю я, гадая, сколько времени потребуется, чтобы выяснить, отравлюсь ли я. Надеюсь, всего лишь несколько минут.

— Я рассчитываю на что-то, поскольку ты не воспользовалась тем, что я связан.

— У тебя проблемы, Трэвис.

— Говорит девушка, только что пившая воду, в которую, как она думает, что-то подсыпали.

Мои глаза округляются от шока, пока из меня вырывается раскатистый смех.

— Неужели меня так легко прочесть? — я сижу таким образом, что могу изучить его лицо.

— Только для парня, который слегка помешан на тебе и изучил тебя, таким образом, он может узнать, что кроется за любым твоим действием.

Под его напряженным взглядом по моим щекам распространяется жар, поэтому ярываю зрительный контакт, убрав прядь волос за ухо.

— Он не хочет убивать нас, Холли, по крайней мере, не раньше, чем насытится тем, что заставит нас пострадать.

Он прав. Конечно, он прав.

Я отесняю нарастающее напряжение в животе и заставляю себя улыбнуться не отводящему от меня взгляда Трэвису. Не говоря ни слова, я приношу ведро к нему ближе и зачерпываю ладошкой воду. Осторожно подношу руку к его губам. Облизываю свои, когда его губы принимают теплую воду из моих рук. Я возвращаюсь к ведру несколько раз, пока он кивает, давая мне понять, что напился.

— Я умою твоё лицо после того, как дам Деду немного воды.

Мою грудь сдавливает при виде Деда, во рту становится сухо. Скрепя сердце, я иду к нему, боясь того, что могу обнаружить. Не знаю, могу ли позаботиться о нем. Не важно, что я делаю, он все еще может умереть. Я беспомощна. И меня бесит это.

— Деда, — говорю я, слегка касаясь его лица. — Деда, проснись.

Его глаза широко открываются, и на его лице явственно проступает удивление, когда он видит меня, очевидно, что он не помнит ничего из событий вчерашнего дня. Это, наверное, хорошо. Он берет одеяло, которым вчера я укрыла его, поскольку глубоко вздыхает. Его страдания обрушиваются на меня.

— Зачем ты пришла? Тебе не следовало приходить, Холл.

— Я именно там, где должна быть, Деда.

— Вразуми ее! — кричит Трэвис в нашу сторону.

Я сердито гляжу на него.

— Скажи ей, чтобы убиралась отсюда к черту, — добавляет Трэвис.

— Кто это? — отрывисто спрашивает Деда, его глаза уже закрываются.

— Трэвис. Он вернулся со мной после того, как позвонил Мандо.

— Она может уйти, но не собирается делать этого! — кричит Трэвис, его слова, словно выстрел, рикошетят от стен, пока он колотит кулаками по полу.

— Холли...

— Тебе нужна вода, — прерываю я Деда, но за моей каменной устойчивостью слова Трэвиса криком отдаются в голове.

Они должны знать, что я никуда не денусь. Мандо будет мучить их. Если я останусь, возможно, он просто нас всех убьет, и дело с концом.

Я беру ведро и, как делала для Трэвиса, зачерпываю воду рукой и подношу ее к губам Деда. Он мгновенно начинает кашлять после первой глотка.

— Полегче, — после того как кашель утихает, я даю ему еще один небольшой глоток воды.

Останавливаюсь, когда его одолевает сонливость и он начинает дремать. Видя, что его щеки покраснели, я прикасаюсь губами ко лбу и понимаю, что у него жар. Я тяну одеяло, пока оно не рвется. Затем смачиваю небольшой кусок ткани в ведре и кладу влажную ткань на лоб, надеясь сбить жар.

Закончив, возвращаюсь к Трэвису, чей гнев выплескивается, обжигая меня. Несмотря на это, я сажусь рядом с ним и целую его в губы.

— Если ты уйдешь, то сможете привести Деррика, полицию, да все равно кого, — говорит он.

Но его глаза говорят мне, что он знает правду, так же, как и я, и он просто пытается спасти меня.

— Но если я останусь, Трэвис? — я глажу его щеку, и, когда он льнет к ней, давление на ладонь укрепляет принятое мной решение.

— Если ты останешься, ни у кого из нас не будет шанса выжить.

— Если я уйду, он не просто убьет тебя. Он будет мучить. Я не могу, Трэвис. Пожалуйста, не проси меня об этом.

Проглотив свой следующий вдох, я беру пару горстей воды из ведра и пью, а потом трясущимися руками делаю то же самое для Трэвиса, прежде чем беру тот же кусок ткани, который использовала для Деда, и подношу его к лицу Трэвиса. Его взгляд все время сосредоточен на мне, в то время как я осторожно пробую очистить его лицо и царапины. Наши взгляды встречаются, задерживаясь, и я вздрагиваю, нажимая на его опухшие глаза.

Я сделала это. Я причинила боль двум мужчинам, которых люблю. Это я их обрекла на смерть.

Задыхаясь в этом тесном мире и отвергнув отчаяние, я быстро встаю, шатаюсь, когда комната начинает кружиться. Слышу, как Трэвис произносит мое имя, но продолжаю слепо хвататься за ускользающее сознание.

Мои легкие сами собой сжимаются, и я закрываюсь в себе. Я не должна уходить. Покровы тьмы накрывают меня, давление в груди растет, в то время как мое сердце нагнетает мерзкую правду о нашей дальнейшей судьбе.

Мандо

Лучи солнечного света падают на нашу кровать, пока Эрика просыпается в моих объятиях на следующее утро, и я улыбаюсь, глядя в ее любящие глаза. Сегодня будет хороший день. Я наклоняюсь к ней и закрываю глаза, когда наши губы соприкасаются. Ее губы изгибаются в улыбке напротив моих губ, поэтому я обнимаю ее и поддвигаю ее тело ближе к себе.

— Мандо, — практически разборчиво шепчет она мое имя.

Она знает, что я мщу за нее? У нее есть какое-то предчувствие, что я отказался от нее?

Расположив голову под моим подбородком, она начинает напевать «Open Arms» группы Journey, и я присоединяюсь к ней, напевая слова своей любимой песни. Я поглаживаю ее по спине и целую в макушку, пока планирую свой день, напоминая себе, что все равно придется сделать Эрике завтрак и проверить Холли.

— Потанцуешь со мной? — спрашиваю Эрику. Вижу, как на ее губах появляется улыбка, мне даже не надо смотреть на ее лицо. Я знаю, что ее глаза светятся от моего вопроса.

Отойдя от кровати, иду к ее стороне, где помогаю ей сесть, а затем встать. Я обнимаю ее за талию и жду, когда она положит свои руки вокруг моей шеи. Когда она кладет голову на мою грудь, я начинаю петь песню Джеймса Тейлора «Something in the Way She Moves» ей прямо в ухо, осторожно раскачивая ее из стороны в сторону. Она тихо хихикает, и я знаю: она помнит нашу двадцатипятилетнюю годовщину свадьбы.

Мы повторили наши клятвы на лугу, усыпанном васильками, перед нашими друзьями и солнцем, которое улыбалось, глядя на нас. Мне до сих пор не стыдно за слезы, что я пролил на ее слова о любви ко мне, и мне только жаль, что моя клятва не смогла сделать мои чувства к ней справедливыми. После поцелуя мы танцевали под звездами и все время целовались. Когда солнце начало садиться, я взял ее на руки и спел эту песню, в то время как наши друзья подбадривали нас. Закончив петь, я поцеловал ее со всей любовью, что она давала мне на протяжении многих лет.

Она была моей родственной душой. Женщина в моих руках — это только оболочка человека, которым она когда-то была.

Если бы я был милосердным человеком, то отпустил бы ее из ада, в котором она живет каждый день. Но я эгоист и если не могу вернуть мою Эрику, то, по крайней мере, ее тело рядом со мной для напоминания мне, как надо дышать.

Закончив петь, я целую ее в лоб, задержавшись, делаю медленный вдох и веду ее обратно к кровати, и она ложится со счастливой улыбкой на лице. Я люблю ее улыбку даже сейчас, когда эта улыбка больше не может появляться на ее лице, как это было раньше.

Как только Эрика съедает завтрак, приготовленный мною для нее после наших танцев, оставляю ее отдыхать в постели и направляюсь к старому швейному набору Эрики, вытащив иглу. Я вращаю ее между моим большим и указательным пальцами, мои глаза светятся от

радости и предвкушения.

Да, сегодня будет хороший день.

— Ты и я сыграем в небольшую игру, — слова Мандо и его зловещая улыбка держат меня в напряжении.

Ад приближается.

Я смотрю мимо него на Трэвиса, уже не прикованного к полу, но теперь его руки связаны за спиной, а другая веревка обернута вокруг его шеи. Она, к счастью, завязана слабо, однако тянется вверх и присоединяется к большому кольцу на потолке. Другая её часть падает на пол.

Подъемное устройство. Мороз пробегает по коже, и я не желаю думать о том, в какую игру Мандо хочет сыграть.

Он щелкает пальцами, чтобы привлечь мое внимание. К сожалению, я отрываю взгляд от Трэвиса и смотрю на Мандо.

Мандо смотрит на меня довольным взглядом, слишком довольным, но с такой безжизненностью, какой может обладать только дьявол.

— Итак, наша игра, — он садится передо мной, раздвинув ноги, и продолжает вертеть иглу между пальцами.

Могу ли я отнять ее у него? Могу. И тогда я смогла бы ударить его в глаз, чтобы освободиться и спасти Деда и Трэвиса.

Но что, если я потерплю неудачу? Страх парализует меня, и я послушно оглядываюсь на Мандо.

— О, Холли, — он похлопывает меня по руке, будто мы были старыми друзьями. — Я вижу в тебе борьбу, но ты сделала правильный выбор, — он протягивает мне руку с иглой, предлагая принять ее.

Мой взгляд перемещается к Трэвису. Я моргаю и вынуждаю свой разум посмотреть мимо этого сарая.

Он сжимает свою протянутую руку в кулак и смеется.

— Хорошая девочка.

Взяв мою напряженную руку, по одному освобождает мои пальцы. Я знаю, что произойдет. Видела достаточно фильмов ужасов. Я кусаю изнутри щеку, пока не начинаю чувствовать привкус крови, и тогда продолжаю кусать ее еще сильнее, в то время как игла приближается к моему мизинцу. Она медленно скользит под моими ногтями. Ужасный миллиметр за миллиметром он толкает ее дальше. Я не должна — знаю, не должна, — но я кричу душераздирающе громко, приводя Трэвиса в бешенство.

— Ты проиграла, — улыбается он мне, выпрямляя ноги и вставая с проворной легкостью.

Мандо тянется к веревке, свисающей с противоположной стороны блока, и я снова кричу. Я прошу. Я плачу. А он поет.

Как и раньше, он поет «Open Arms», и она поглощает меня, напоминая о том, на что этот человек способен.

Он тянет веревку руками, сначала медленно, но как только ноги Трэвиса отрываются от земли, Мандо будто находит в себе юношескую энергию и тянет сильнее, быстрее. Затем он оставляет Трэвиса висеть в воздухе с веревкой, обмотанной вокруг шеи и душащей его.

— Ты победил! — кричу я Мандо, пытаюсь и не сумев встать на ноги, для того чтобы оттолкнуть Мандо от веревки. — Остановись! — воплю я. — Ты победил, ты победил, ты победил!

Мандо отпускает веревку, и Трэвис падает на пол с громким глухим стуком. Он лежит там, боль отбрасывает тени на его лицо, его страдания хватаются за меня. Вижу, как его разрывает рвота, но не подхожу к нему, потому что знаю, что Мандо не одобрит это.

— Давай попробуем снова, — Мандо опять берет мою дрожащую руку.

Когда он начинает втыкать иглу под ноготь, я закрываю глаза.

— Открой глаза, Холли, — говорит Мандо терпеливо, в то время как продолжает петь.

Я моргаю, смотря на него сквозь злые слезы, и не закрываю глаза. Мои зубы стиснуты, и, когда он ничего не делает, чтобы прекратить агонию, я кусаю изнутри щеку, пытаюсь сосредоточиться на боли, а не на игле, проникающей под мой ноготь.

Он поет последний куплет песни «Open Arms», только чтобы начать петь ее снова с самого начала.

Я сдерживаю крики, но не могу остановить свое тело от дрожи. Тошнота и боль превращаются в тихие всхлипы, я сосредотачиваюсь на дыхании.

Туда и обратно.

Туда и обратно.

Как игла в руке Мандо.

Туда и обратно.

Боли и дрожи становится слишком много, и я надеюсь, что слезы, скользящие моей щеке, не будут причиной того, что Мандо снова причинит боль Трэвису.

Трэвис. Он кричит мое имя в перерывах от кашля, но я не смотрю на него и не отвечаю. Я не могу.

Левая нога начинает дрожать, когда Мандо отпускает мою руку. Его улыбка теплая и приносящая уют. Потому что мы играем в его игру, я пытаюсь улыбнуться ему, но мне сложно оттого, что мои зубы стиснуты.

— Любовь — сука, — говорит он.

Я смеюсь.

Маленькие капли крови капаят из-под моих ногтей. Мандо наблюдает, как они падают на пол.

— Ты молодец, — поздравляет он меня.

Как только я встаю на ноги, и он ведет меня мимо Трэвиса, который устался на Мандо, сидя на полу.

— Не позволяй ему делать это с тобой, Холли, — требует Трэвис, искры гнева отскакивают от него, не доходя до меня. — Борись. Ты сильнее этого. Борись!

От стыда я смотрю вниз на пол и позволяю Мандо использовать меня как свою личную куклу.

Мандо сажает меня на землю рядом с ведром воды. Я не настолько глупа, чтобы думать, что он собирается предложить мне воды. Я была бы не прочь. Даже немного надежды было

бы неплохо.

Наконец, я оглядываюсь на Трэвиса. Он борется со своими ограничителями, пытаюсь добраться до меня. Он тоже знает, что произойдет.

Я прислоняюсь головой к стене, только для того чтобы он дернул меня за волосы. Небольшое хныканье срывается с моих губ, прежде чем я останавливаю его, Мандо шикает. Я набрасываюсь на него, хватая его руки своими, и он смотрит на меня с чем-то, что напоминает жалость.

— Не надо, — прошу его. — Пожалуйста, не надо.

— Правила просты. Ты плачешь, кричишь, умоляешь, и твой парень страдает. Все зависит от тебя, — он с отвращением сжимает мою руку.

Я прикрываю глаза руками, но слежу за Трэвисом. Если он страдает, я страдаю вместе с ним. Я встречаю его взгляд, и он успокаивающе улыбается мне и подмигивает. Мои губы дергаются на секунду, перед тем как Трэвис вновь свисает под потолком.

На этот раз я не кричу и не умолю. Я следую правилам. И я смотрю на подергивание ног Трэвиса в воздухе, пытающегося найти опору. Он продолжает висеть, пока его ноги дергаются, и небольшой кусочек надежды растекается по моей груди. Может быть, он умрет, и для него все закончится.

Мандо выпускает веревку, и Трэвис падает на землю. Сначала он не двигается, но потом заходится в рваном дыхании и кашле.

Эгоистичная часть меня благодарна, что он еще жив.

Мандо идет обратно ко мне и приказывает мне лечь. Я пытаюсь бросить очередной взгляд на Трэвиса, прежде чем лечь, но Мандо толкает меня на землю. Боль пронзает тело, когда я ударяюсь головой обо что-то тяжелое и поднимаю к ней руку. Мандо хватает меня.

— Не размахивай руками. Ты же не хочешь, чтобы твой парень страдал, не так ли?

Качаю головой. Я не знаю. Я хочу, чтобы это все было одним из моих кошмаров. Я хочу вернуться в Харбор-Айленд и сидеть на берегу с Трэвисом, пока Лилу играет в прибое.

Надеюсь, Деррик позаботится о Лилу, не сумеет нас найти. Черт, я надеюсь, Хизер приходила в дом Деда, покормила Лилу и вывела ее на улицу побегать в ручье, который она так любит.

Мандо прижимает тряпку, смоченную водой, ко рту, носу и глазам, и я начинаю задыхаться. Мои руки хотят схватить тряпку, но я приказываю им не двигаться.

Утопление. Я тону и по какой-то нелепой причине вспоминаю больших рыб, с которыми столкнулась во время погружения с Трэвисом.

Мои ноги яростно брыкаются, пытаюсь вытащить меня на поверхность, но руки сжались на боках. Наконец, Мандо убирает тряпку, и я хватаю воздух, жадно принимая больше, чем могу заполнить легкие, и начинаю кашлять.

Мандо хлопает меня по плечу, еще раз поздравив меня, и возвращает к жестокой реальности. Прежде чем я могу отдышаться, он снова кладет тряпку на мое лицо, и мысли разлетаются в стороны.

Утопление. Отчаяние. Смерть.

Как же я жажду смерти. Я приветствую ее больше, чем кислород, желанный моему телу. Ускользнуть. Тихо и незаметно. Жить среди звезд Трэвиса.

Когда Мандо снимает тряпку с моего лица, я открываю глаза, но закрываю их, когда внезапное головокружение накатывает на меня. Закрыв глаза, я делаю небольшой вдох, больше не желая дышать водой, когда Мандо кладет тряпку обратно на меня.

Это происходит на протяжении долгих минут, часов.

Это не имеет значения. Время уже не имеет значения, когда есть слишком много времени.

Закончив со мной, он направляется к Трэвису и пинает его в живот, отчего тот скручивается. Прежде чем он успевает прийти в себя, Мандо вновь тянет за веревку, таким образом, Трэвис висит в нескольких сантиметрах от земли.

Мой разум сходит с ума, я не могу вести себя тихо.

— Я следовала твоим правилам! — кричу я, следя за подергиванием ног Трэвиса. — Мандо! Ты сказал, что если я буду следовать твоим правилам...

Он смеется, прерывая мое возмущение.

— Разве ты не видишь, Холли?

Трэвис продолжает борьбу, все еще подвешенный в воздухе.

— Я здесь главный. Я решаю, что происходит.

Он не позволит мне умереть. И он не убьет Трэвиса, по крайней мере, пока.

Он мучает нас. Чтобы уничтожить нас по частям. Наказания за грехи, которые мы не совершали.

Знаете, что самое грустное? Я позволяю Мандо пытаться себя, для того чтобы он не причинял боль Трэвису. Но он все равно причиняет ему боль. И Мандо будет наслаждаться каждой секундой.

Мы не более чем его новые игрушки. Он будет держать нас в живых, пока не удовольствуется своей мезтью.

Нет никакого спасения. Нет никакой борьбы. Нет никакой надежды.

Есть только мы, умирающие в сарае.

Я удовлетворенно напеваю, готовя ужин, пока Эрика смотрит телевизор на диване. Сегодня она была счастлива, что, в свою очередь, делает счастливым и меня. Я люблю такие дни, как сегодня, потому что это почти так, как если бы у меня была моя девочка.

Зная, что это сделает ее счастливой, я позвонил нашему сыну и пригласил его на ужин. Когда она услышала, что он приедет, то пожелала надеть что-то другое, не домашнее платье, и я сделал все возможное, чтобы уложить ее волосы так, чтобы ей понравилось.

Находясь на кухне, я вижу их. Бэб сидит рядом с Эрикой, и его рука лежит на спинке позади нее.

У нас был умный, хороший сын, чертовски хороший мальчик. Он много работает, любит свою маму и чтит своего отца. Эрика хорошо его воспитала, а я старался научить его не облажаться.

Ужин проходит за разговором с Бэбом, рассказывающим о своей жизни.

В его жизни нет отношений, но я надеюсь, что скоро он найдет кого-то и подарит Эрике внука, чтобы любить его так сильно, как она любит Бэба.

Его работа — это стресс, но он наслаждается этим. Он слишком много работает, и я хочу, чтобы у него было немного свободного времени. Возможно, он мог бы сходить на рыбалку.

Я даже отметил, что он не оставил свою маму, а вынуждал ее смеяться над его шутками. Я люблю ее смех так же сильно, как скучаю по ней. Мне жаль, что я не слышал его так часто.

Я выпроводил их из кухни, поэтому они могут продолжить разговор, пока я мою посуду. Эрика сонная и потому быстро засыпает. Это был один из ее самых активных дней.

Закончив мыть посуду, я тихо похлопываю Бэба по плечу, чтобы не разбудить Эрику, и указываю ему следовать за мной на улицу. Я веду Бэба в сарай, желая показать ему, что я сделал для его матери, для нас.

Он любит свою маму так же сильно, как и я. Я знаю, он поймет.

Когда я открываю дверь, Холли поднимает голову от груди Трэвиса и смотрит на нас со страхом в глазах. Мне нравится ее страх почти так же сильно, как и надежда, горящая в ее взгляде, но она быстро угасает, когда ее одолевает непонимание.

— Нет! — вырывается у нее, в то время как в глазах застывает неожиданность. — Только не ты, — запинается она.

Холли

— Деррик, — говорю я, вкушая горечь от его предательства. — Почему? — я хотела, чтобы мой голос, обвиняя, звучал сильнее, но все, что я слышу, боль от его имени.

Голова Трэвиса дергается вверх, когда он слышит, как я зову Деррика, и тут же его тело напрягается, когда он видит его с Мандо.

— Ты ублюдок! — Трэвис тянет за цепи, удерживающие его на земле.

Когда я увидела, что первым заходит Деррик, то на мгновение подумала, что мы спасены, что не все потеряно, потому что он сдержал свое слово. Но, когда Мандо зашел следом за ним, я сорвалась на самое дно адской ямы.

Раны, нанесенные мне Мандо, не сравнятся с болью от обмана Деррика. Это раны которые никогда не появятся на наших телах и которые уничтожают нас.

— Добрый вечер, — Мандо улыбается, как будто он был хозяином вечеринки, на которой приветствует своих гостей. — Вот мы все встретились.

— Я доверяла тебе, — шепчу я.

Смотрю вниз, когда Деррик направляется ко мне, борясь с подступающими слезами, так что он не сможет увидеть их. Он опускается на колени рядом со мной, и я напрягаюсь, когда его рука касается моего подбородка, поднимая мое лицо.

— Холли.

— Я доверяла тебе!

Гнев вскипает в венах, слепит меня так, что все вокруг видится в красном цвете. Вскочив на ноги, бью его в челюсть. Локтем ударяю его по почкам и не останавливаюсь, когда он падает на землю. Я пинаю его, даже когда он сворачивается и кричит мое имя.

Неожиданно я получаю удар по лицу, Мандо отправляет меня на землю.

«Моя ошибка», — ругаю себя. Я должна была следить за Мандо, напав на Деррика.

Мандо набрасывается на меня сверху, но отпускает, когда Деррик хватает его за воротник.

— Это должно прекратиться, папа.

Папа?

Я сплевываю кровь и ковыляю обратно к Трэвису, готовая защищать его и своего умирающего Деда до последнего вдоха.

— Беги, — шепчет мне Трэвис, кивнув на дверь головой.

Комната сжимает свои стены вокруг меня, и я печально качаю головой. Сжав кулаки, я стою перед Трэвисом и готовлюсь к борьбе. Деррик поднимает руки в воздух в знак отступления, но я ему не доверяю.

— Холли... — он медленно приближается ко мне, — я не знал. Ты должна поверить мне. Я не знал.

— Так это просто совпадение, что ты оказался моим художником-криминалистом и мы

стали друзьями? — мои слова, словно яд, срываются с губ, надеясь, что это отравит его.

— Нет, я договорился.

Он делает еще один шаг ко мне, и мое тело слабеет в боевой стойке.

— Я сделал это, чтобы защитить тебя.

Он садится в паре метрах от меня, тем самым удивляя меня, но я не позволяю себе расслабиться.

— Примерно в то же время, когда ты была найдена, блуждающая по лесу Деды, мой папа сошел с ума. Нетрудно было выяснить, почему, — он замолкает, но потом продолжает, когда я ничего не говорю. — Это леса Деды. Мой отец позволил себе полагать, что твои родители были ответственны за гибель моей мамы, но это не так.

— Это они! — ревет Мандо, вышагивая позади Деррика, как зверь в клетке.

— Это не так, папа. Ты помнишь, что случилось, — уговаривает Деррик.

Я недоуменно смотрю, как Мандо разрушается перед нами.

— Ты рассказал мне, что случилось, когда вернулся из больницы, — говорит Деррик отцу.

Мандо продолжает вышагивать, бормоча ерунду, которую я не могу понять.

— После того, как он был найден в больнице, у меня не заняло много времени, чтобы выяснить, что он был тем, кто похитил тебя. Я разговаривал с начальником полиции и сказал ему, что хочу работать с тобой, чтобы увидеть, могла ли ты вместе со мной нарисовать рисунок твоего похитителя. Я не говорил ему о причастности моего отца. Я должен был защитить его, но я также хотел защитить тебя, — он вздыхает, проводя рукой по своему лицу несколько раз.

Я смотрю на него, не в состоянии понять слова, вырывающиеся из его рта.

Это все ерунда.

Ничто больше не имеет смысла.

— Я уже знал, что ты потеряла память, но должен был убедиться, помнишь ли ты что-нибудь, в чем может быть замешан мой отец. И я хотел держать тебя в безопасности от него.

— Ты же знаешь, что они сделали с твоей матерью, Бэб! Как ты мог предать ее?

— Ты предал ее.

— Я люблю ее, — он непреклонно кивает своему сыну.

Мой желудок скручивается.

Они сошли с ума. Оба.

Опустившись на колени, беру руку Трэвиса и сжимаю ее.

— Я должна вытащить нас отсюда, — шепчу я, ища что-то, чем можно разорвать его цепи, чтобы мы могли выбраться отсюда с Дедой, пока Деррик и Мандо заняты.

— Просто иди, Холли, — шепчет он.

Я медленно привстаю, когда Мандо перестает ходить и останавливается напротив двери. Его глаза распахиваются в явном шоке. Затем его лицо становится потеряннным, и он вдруг падает на колени, дрожа и плача.

Я поворачиваюсь и пристально смотрю на дверь.

Мандо

Когда дверь в сарай открывается, последним человеком, которого я ожидал увидеть, была Эрика. Ее лицо бледное, дыхание беспорядочное энергии, затраченной чтобы добраться до нас. Она оглядывает сарай, сначала задерживает взгляд на Трэвисе, потом на Холли и, наконец, на Эде, по-прежнему лежащем в углу, потрепанное одеяло прикрывает его обнаженное тело.

Наконец, она смотрит на меня, и я вижу разочарование.

Падаю на колени, плачу, потому что она наконец-то увидела ее — тьму, что живет в моей душе. Она держала меня в страхе, когда была цела, но после аварии темнота просочилась в мои вены и распространилась как болезнь, пока не стала всем, чем я сейчас являюсь.

— Эрика, — шепчу я, склонив голову, когда она медленно приближается ко мне.

— Почему? — спрашивает она меня.

— Они причинили тебе боль. Они должны были заплатить за причиненную тебе боль.

Истощенная, но полная решимости, она прочищает горло и складно говорит впервые с момента аварии.

— Мандо, мой милый Мандо, — она вздыхает и берет мое лицо в свои руки, вставая на колени передо мной. — Я никогда не хотела, чтобы ты причинял кому-нибудь боль ради меня.

— Но я это сделал, — мое тело трясется, пока я пытаюсь удержать контроль.

Разве она не видит? Я сделал это для нее. Я сделал это во имя отнятого у нас будущего.

Оставив ее стоять на коленях на земле, я встаю и прохожу мимо нее.

— Сейчас все закончится, — я улыбаюсь Холли и наслаждаюсь моментом, впитывая ее страх.

Я сказал ей, что был ее хозяином. Я определяю, сколько времени она проживет и когда умрет.

— Мандо, не надо! — говорит Эрика мне вслед, ее голос дрожит.

Взбешенный, я резко поворачиваюсь, оказываясь с ней лицом к лицу. Впервые я ненавижу свою жену. Я сделал все, чтобы поддержать ее, но в единственный раз, когда я хочу ее поддержки, она мне отказывает.

— Я делаю это ради тебя! — указываю на нее пальцем. — Не забывай об этом. Все это для тебя.

— Я не хочу, Мандо. Пожалуйста, я не хочу!

— Тогда ты умрешь вместе с остальными.

Я выхожу из сарая и направляюсь к дому, где мой мачете ждет меня.

Я убью их всех.

Холли

— Нам нужно убираться отсюда, — Деррик берет мою руку и пытается выйти из сарая без Деда и Трэвиса.

— Что, черт возьми, это было? — кричу я на Деррика, широко открыв глаза, мое тело дрожит.

— С кем он разговаривал? — кричит следом Трэвис.

Он направляется к двери без меня, но оборачивается и смотрит на нас.

— Моя мама.

Я озираюсь, еще больше запутавшись.

— Твоя мама?

Деррик вздыхает.

— Она мертва, Холли, и у нас заканчивается время.

— Мертва? — я смотрю на него, сердце колотится в груди.

— Она умерла в ночь аварии, — Деррик разочарованно проводит рукой по волосам и шепчет себе под нос. — Они поссорились, когда ехали домой. Моя мама хотела развестись, но отец был против. Он слишком сильно любил ее. Это было своего рода навязчивой идеей, а она устала от него. Она не могла больше жить с ним. В тот вечер она сказала ему, что подала на развод. Они поссорились, и, думаю, мама не видела другого выхода, поэтому отстегнула ремень безопасности и открыла дверь. Она собиралась прыгнуть, когда отец схватил ее. Он свернул на встречную полосу и врезался в твоих родителей.

— Но я думала... — произношу я, запинаясь, но останавливаюсь, потому что не знаю, что думаю на этот счет.

Я была в шоке, когда разговаривала с полицией. Помню, что общалась с ними после того, как Деда опознал моих родителей. Помню, как их губы двигались, но не могу вспомнить, слышала ли, что они говорили. Потом, когда Мандо столкнулся со мной, он утешал меня. Он сказал мне, что не винит моих родителей в аварии. Ему было жаль, что я потеряла родителей, но он был благодарен Богу, пощадившему его жену.

— С тех пор он жил в состоянии бреда. Он видит ее. Разговаривает с ней. Заботится с ней. Он не может жить с тем, что произошло.

— Мои родители. Это не их вина? — я сглатываю комок, образовавшийся в горле. — Эрика мертва? — мои руки и ноги трясутся, по коже пробегают мурашки.

— Твои родители мертвы, — прерывает Мандо. — Я убил их. После аварии я подбежал к их машине. Они думали, что я помогу им. Вместо этого я убил их. Я заставил твоего отца смотреть, как умирает твоя мать, а потом убил его.

Страдание промелькнуло в его глазах лишь на секунду, но вскоре его сменило призрачное выражение, наполненное болью и ненавистью к себе. Однако он улыбается той раздражающей меня улыбкой, но я не поднимаю головы, и он не видит мой гнев.

— Не волнуйся. Ты сможешь присоединиться к ним в ближайшее время.

Хотя моя голова все еще опущена, я вижу, как он приближается ко мне с мачете в руках. Мне просто нужно, чтобы он подошел немного ближе. Я сжимаю руки в кулаки так сильно, что мои руки начинают покалывать. Всего лишь несколько шагов.

Прежде чем он успевает добраться до меня, Деррик толкает Мандо на землю. Во время борьбы мачете падает на землю. Я хватаю его и, сделав два быстрых движения, освобождаю Трэвиса из заточения.

— Беги! — он хватается меня за руку и толкает к двери.

Я оглядываюсь на него, готовая силой пробить себе путь, чтобы добраться до Деда в случае необходимости.

— Я вытащу твоего дедушку. Найди нам машину! — кричит Трэвис.

Его план имеет смысл, поэтому я выбегаю из сарая, слыша, как Деррик ворчит, пока борется со своим отцом. Лучи света ослепляют меня, когда открываю дверь сарая. Поскольку я знаю, что Деррик держит ключ в замке зажигания, то бегу в сторону его грузовика — листья и мелкие ветки хрустят под моими ногами, с каждым шагом оставляя вмятины на мягкой земле, — и залезаю на водительское сиденье. Руки трясутся, мне требуется несколько попыток, чтобы завести машину. Заведя двигатель, нажимаю ногой на педаль газа и мчусь в сторону сарая, откуда Трэвис выносит Деда.

Добравшись до них, я выскакиваю и открываю заднюю дверь. Звук выстрела эхом раздается со стороны сарая, и я задерживаю дыхание. Меня парализует от страха, в то время как Трэвис, оттолкнув меня, кладет обмякшее тело Деда на заднее сидение. Затем он поднимает меня и сажает рядом с Дедой.

— Деррик? — спрашиваю я, глядя на сарай, пока Трэвис отъезжает. — Он не выходил. Я слышала выстрел. Трэвис?

Но Трэвис ничего не отвечает мне.

Сарай все дальше и дальше остается позади, пока едет Трэвис, и, тем не менее, я не вижу, чтобы Деррик вышел из сарая.

Борясь со слезами, осторожно беру голову Деда, кладу ее на колени и начинаю убирать волосы с его лица. Засохшая кровь прилипла к коже, удерживая его волосы на лице. Я перебираю каждую прядь, пока все волосы не отброшены назад. Его лоб все еще горячий от лихорадки, поэтому я прикасаюсь холодными руками к нему и надеюсь, что это поможет.

— Холли, — бормочет он мое имя.

Я хватаю его за руку.

— Я здесь, Деда. Теперь мы в безопасности.

— Деррик?

— Деррик спас нас.

Я не в состоянии больше сдерживать слезы, и они катятся вниз по моему лицу, падая на Деда.

Деррик спас нас. Он ударил своего отца, он выбрал нас.

Мандо

Ноги торопят меня, хотя я делаю преднамеренно медленные шаги. Я подхожу к Холли с мачете в руке, холодная сталь подводит меня на один шаг ближе к смерти, к ее смерти. Я запланировал этот момент со спокойствием и трезвой оценкой добра и зла, мира и насилия. Но на войне границы размылись, оставляя после себя страдания и смерть.

Желая насилия, я облизываю губы и делаю еще один шаг в сторону моей добычи. Сердце Холли бьется внутри моей груди. Ее мысли — мои мысли, и я наслаждаюсь ее страхом.

Воздух сгущается между нами в один сплошной импульс — страх.

Когда я иду к ней, мое тело толкают на землю. Я не успеваю среагировать или ответить.

Деррик наносит удар кулаком в мое лицо, и нос взрывается от боли. Затем он бьет кулаком в живот, и я падаю на колени, хватая ртом воздух.

— Бэб, — хриплю я.

Но он не останавливается.

Внезапно он наваливается на меня, и я защищаюсь, нанося беспорядочные удары. Мы перекатываемся и кричим, несмотря на то, что мы — семья, и это единственное, что у нас осталось. Кровь брызжет на бетонный пол, но, несмотря на это, мы продолжаем. Машинально мы переворачиваемся, погружая кулаки в плоть друг в друга.

До тех пор, пока я не чувствую, как холодная сталь прижимается к спине моего сына.

Я вытаскиваю пистолет из кобуры Деррика, прежде чем он успевает осознать, что я делаю.

Я никогда не намеревался стрелять в собственного сына, но планы изменились. Мы можем либо пасть жертвой их или приспособиться, даже если изменение причиняет боль... особенно, когда больно нам.

Снимаю пистолет с предохранителя, пот стекает по моей спине, пока я закрываю глаза.

Прости меня, Эрика.

Громкий бум разносится по помещению, сбивая меня на землю. Остатки человечности во мне умирают, когда я понимаю, что сделал. Я выстрелил в мою единственную связь с Эрикой.

Кровь кипит, а душа становится холодной, пустынной.

Пустая трата времени. Моя жизнь имела значение только тогда, когда Эрика была в ней. Она была светом в моей темной жизни, и она дала мне повод, чтобы уйти от зла внутри меня и оставить все позади, жить в солнце, сияющем внутри нее.

Она видела хорошее во мне, и я верил ей.

А теперь?

Лежа на холодном полу, я знаю, что она ошибалась.

Она догадалась, что ошибалась. Вот почему она хотела развода. Вот почему она

поверила мне, когда я угрожал ее жизни после того, как она сказала, что уходит от меня. Вот почему она пыталась выпрыгнуть из машины.

Вот почему она мертва.

Я пытаюсь заблокировать память, но она пробивается через фальшивые воспоминания, всплывая на этом же месте.

Я убил ее.

Сначала медленно. Так медленно, что она даже не видела, как тьма вползает в нашу жизнь, пока она все не поглотила. Она просила о разводе несколько раз до той роковой ночи. Я не позволил ей это сделать.

Я слишком любил ее, чтобы позволить ей уйти от меня. Она была единственной, кто удерживал моих демонов в страхе. Без нее я бы вернулся к тому, кем был, — к чудовищу, чьей единственной радостью было охотиться на тех, кто слабее меня.

Но она не могла больше жить со мной. Поэтому открыла дверь и попыталась выпрыгнуть из машины. Когда я схватил ее, то свернул на другую полосу и столкнулся лоб в лоб с другой машиной.

Я сделал это, не они.

А сейчас я стрелял в нашего сына.

С трясущимися руками я поднимаюсь с земли, но боль в животе делает меня беспомощным. Положив руку на живот, я замечаю кровь. Подношу дрожащие руки к лицу и недоуменно смотрю на них.

— Ты хотел застрелить меня, — Деррик стоит надо мной, его лицо исказилось от отчаяния. — Ты хотел застрелить меня, папа, — повторяет он, его голос слабый, как у испуганного мальчика.

— Ты боялся воды. Ты помнишь это? — спрашиваю я его.

Он опускается на колени передо мной, прижимает свой лоб к моему и кивает.

— Поэтому ты водил меня к пруду недалеко от нашего дома каждый день, чтобы научить плавать.

Деррик берет мою руку в свою и сжимает. Я ненавижу то, каким грустным он выглядит.

— Никогда мой мальчик ничего не боялся, тем более воды.

Деррик смеется так, как делал это всегда, но быстро успокаивается.

— Я сожалею, папа. Я...

— Ты поступил правильно, — я последний раз ловлю его пристальный взгляд. — Я горжусь тобой.

Поднимаю руку к его щеке, и он удерживает ее там. Сирены приближаются к дому, но я знаю, что они не успеют. Убив бесчисленное количество раз, я знаю, что такое — ощущать смерть. И это смерть.

Это отвратительно.

Это освобождает.

Мое существование не более, чем ошибка природы. Внутри меня монстр, это дико и жестоко, но красиво.

— Я очень сильно любил твою маму.

— Я знаю, папа. Я знаю, — он сжимает мою руку, прижимая ее крепче к своему лицу.

Я сопротивляюсь слезам, он не должен видеть, что я плачу.

— Я любил ее так, будто не было завтра, — завтрашний день так и не наступил. — Этого было недостаточно. Я не смог заставить ее остаться.

Любовь, которую я испытывал к ней, поддерживала меня, помогала мне выжить, но только в тот момент, который определял меня.

Чудовище. Чудовище и я держимся за руки, приветствуя вместе мрачное безмолвие смерти.

Деррик держит руку на щеке еще долго после того, как я закрыл глаза.

— Папа.

Я слышу, что Деррик зовет меня еще раз, но комфорт в тихих уголках смерти также взывает ко мне, и я отвечаю ей.

Холли

Ненавижу больницы. Они предназначены для спасения людей, но иногда все, что они делают, — ломают их. В успокаивающих стенах члены семьи страдают в течение нескольких дней, только чтобы увидеть, как их близкие умирают. Да, я ненавижу больницы.

Приехав, больничные персонал забрал Деда и Трэвиса, пока медсестра приводила меня в порядок, а затем перевязала мои раны. Но это не заметные раны, причиняющие боль. Это те раны, которые вырезаны в моей душе и которые будут преследовать меня каждый день и каждую ночь.

После того, как она закончила со мной, я пошла искать Деда только для того, чтобы услышать, что врачи еще работают с ним. Медсестра не сообщает никаких подробностей, и я слишком напугана, чтобы спрашивать, поэтому ищу Трэвиса и нахожу его в отдельной палате в отделении неотложной помощи.

Его взгляд озлобленный. Светлые глаза потемнели до коричневого, настолько темного, что они выглядят почти черными. Его тело изранено пытками, которые он терпел. Оно отмечено моим ужасным прошлым. Многие шрамы останутся навсегда. Я пыталась спасти его от худшего, но Мандо доставляло удовольствие причинять мне боль.

Разве есть лучший способ причинить мне боль, как не через людей, которых я люблю?

Остановившись в дверном проеме, я смотрю, как Трэвис орет на медсестер. Они терпят его, и я благодарна им за это. Наблюдая за ним, замечаю, что его взгляд наполнен страданием и болью — я хочу забрать себе его муки. Почувствовав, что я стою в дверях, он поворачивается ко мне лицом и крадется в мою сторону, уже сняв все датчики, отслеживающие его состояние, которые пытались надеть на него. Он поднимает меня одним быстрым движением и усаживает к себе на колени. Я прикасаюсь своими губами к его шее, делая глубокий вдох.

— Холли, — выдыхает он мое имя мне в волосы.

Я зажмуриваю глаза в молчаливой молитве.

Медсестры оставляют нас, наверное, воспользовавшись тем, что Трэвис слишком занят мной, чтобы кричать на них. Я обнимаю его за шею и нежно целую в губы. Он углубляет поцелуй, зарываясь пальцами в мои волосы. Мягкий ропот зависает в воздухе, поскольку мы знаем, что самое страшное позади, мы в безопасности.

Монстры ушли, надежно спрятались в шкафы и под кровати, где им и место.

Мы — то, что осталось: Трэвис, Деда и я. Только я не могу думать о Деде, поэтому я сосредотачиваюсь на Трэвисе. Его мягкие губы тянут мою нижнюю губу. Его мягкие волосы в моих пальцах. Твердость его плеч. Его голое тело прижато к моему одетому.

— Как Деда? — спрашивает он после того, как заканчивает наш поцелуй, оставив мои губы покалывать от нашего внезапного разъединения.

— Они не позволили мне увидеть его, — мои пальцы следуют по повязке,

охватывающей его в том месте, где Мандо порезал его плоть. — Ты в порядке? — хотя перед глазами все размыто, я удерживаю взгляд на уровне повязки и подальше от его испытующего взгляда.

— Я в порядке, — успокаивает он меня, наклоня мой подбородок так, чтобы наши взгляды встретились. — Твой Дед — боец, — он убирает непослушные пряди волос от моего лица, находя взглядом мои глаза. — Он так долго продержался.

Я киваю головой, а затем меняю тему.

— Как ты думаешь, Деррик был причастен к этому? — из-за вопроса руки дрожат, поэтому я держу их вместе и прижимаю к коленям.

— Я не знаю, принцесса, — он берет мои руки в свои и подносит их к губам, целуя кончики пальцев.

Принцесса. Я улыбаюсь ему, и в его глазах вижу мое будущее.

— Я люблю тебя, — говорю ему.

Трэвис смеется, положив руку на повязку на животе.

— Способ отрезать парню яйца, — шутит он.

Моя улыбка становится шире, в то время как электричество между нами отбрасывает искры по всей комнате.

— Ты не могла позволить мне первым сказать тебе об этом?

— Я ждала в течение нескольких недель, — возражаю я.

— Я ждал, чтобы сказать тебе, так как ты сбила меня с толку в первую же секунду нашей встречи.

— Ты это заслужил.

Я пытаюсь увернуться от него, но он крепко прижимает меня к себе.

— Я не заслуживаю тебя, — он обнимает меня крепче, и я таю, прижавшись к его груди. — То, что ты сделала для меня... Холли, я бы предпочел, чтобы он повесил, сжег меня — что угодно, лишь бы не видеть, как ты страдаешь.

Тело Трэвиса вздрагивает подо мной, пока он вспоминает, что мы пережили вместе. Подобно ему, я не могла смотреть на его страдания, так что страдала за него.

Только наша любовь объединяет нас. Что чувствует один, другому передается десятикратно.

Я обхватываю его лицо ладонями и целую.

— Ты еще не сказал мне, что любишь меня.

Трэвис дарит мне дерзкую улыбку, отчего я смеюсь. Он целует мою шею, оставляя губами и языком влажные следы, посасывает и целует, пока не достигает подбородка. Держа его, он наклоняет мою голову вверх и целует в губы.

— Я люблю тебя, Холли.

— Я тоже люблю тебя, Трэвис.

— Никто никогда не любил меня так, как ты. Каждый день, который я провожу с тобой, самый лучший день в моей жизни.

Мне не чужды слезы. Бывали дни, когда единственное, что я делала, — это плакала, и однажды я проснулась без воспоминаний. Сегодня ничего не изменилось. Только теперь, пока Трэвис и Деда спят, я плачу у кровати Деда.

Это самые ужасные слезы. Это те слезы, которые никто не увидит. Те, которые сотрясают ваше тело с каждым всхлипом и заставляют хотеть кричать в подушку. Те, которые заставляют вас обнимать живот, пока вы пытаетесь вздохнуть. Те, которые затягивают в безумство.

Деда проснулся только один раз, поскольку его лечащий врач, доктор Харрис, наконец, пустил Трэвиса и меня в его палату. Я стояла над кроватью Деда, но он не реагировал. Он не видел меня и поэтому не знает, что мы в безопасности.

Мы в безопасности.

Они пытались заставить меня уйти после того, как приемные часы закончились, но, должно быть, пожалели из-за всего, что мне пришлось пережить, и они больше не поднимали эту тему. В иной раз жалость привела бы меня в бешенство, но сегодня я приветствовала ее. Они принесли мне кровать со строгими инструкциями, что только один может лежать на ней.

Это не проблема, так как единственный раз, когда я оставляю кресло возле кровати Деда, — когда иду в туалет.

Храп Трэвиса настигает меня через всю палату, и на лице появляется маленькая улыбка. Я сказала ему уйти и остаться в доме Деда, но я благодарна ему, что он не оставил меня.

Это чудо, что Деда жив. Чудо, что все мы живы. Я все еще не уверена, что нам было суждено выбраться, и все еще жду, что кто-то нажмет на кнопку перемотки к нашим последним минутам в сарае, прежде чем Деррик напал на Мандо, своего отца.

В реальности это так ужасно, что я на самом деле приветствую кошмары.

Кошмары стали явью, как только полиция приехала к Мандо после того, как я вызвала их, лишь только мы примчались в больницу. И оказались далеко от сарая. Не знаю, что они нашли, и надеюсь, они не предоставят мне эту информацию.

Зная серьезность травм Деда — три переломанных ребра, травма плеча и сотрясение мозга наряду с пневмонией, — я не могу оставить его, особенно теперь, когда у меня есть мои воспоминания.

Проблема с ними состоит в том, что вы не можете выбирать их. Они появляются все и сразу. Как отбойный молоток, они высекают свой путь в вашем сердце и наполняют вас.

Танцы босиком с мамой перед камином в гостиной Деда. Мое первое свидание. Рыбалка с папой. Семейные обеды и пикники. Приготовление обеда с бабушкой. Деда, еще долго читающий мне после того, как я научилась сама. Семейные ссоры. Выпускной. Софтбол. Похороны.

Слишком много похорон: мама, папа, бабушка.

Бабушка сломала шейку бедра два года назад. Вскоре после операции она заболела пневмонией. Она упорно боролась, потому что мы все бойцы. Но, в конце концов, некоторые бои просто нельзя выиграть.

Я скучаю по ним.

Надеюсь, Деда не оставит меня, чтобы быть с ними.

Сильные руки поднимают меня со стула у постели Деда, и я сворачиваюсь в них, когда Трэвис усаживает меня к себе на колени и целует в лоб. Укачивает меня назад и вперед, напевая неизвестную мне песню, пока я продолжаю плакать. Он не успокаивает меня и не

говорит, что все будет хорошо.

Потому что он знает так же, как и я, что, возможно, никогда больше не будет хорошо.

Холли

Изображения ярко оживают на обратной стороне листа бумаги, что оставила одна из медсестер. Образы моего прошлого и настоящего сливаются в прекрасный хаос, несовершенный, но бурный.

Трэвис покинул палату полчаса назад, чтобы забрать свою маму из аэропорта. Как только он рассказал ей, что мы пережили, она настояла на том, чтобы приехать и быть рядом. Прежде, чем он уехал, я взяла его лицо в руки и напомнила, что у него была семья.

— Это и есть любовь, Трэвис, — сказала я ему. — Это твоя мама.

Он глубоко поцеловал меня, отчего мои колени ослабли, и улыбнулся.

Думаю, он наконец-то верит мне.

Деда немного шевелится на своей кровати и бормочет имя бабушки Эли. Она была красивой, доброй и веселой. Я очень скучаю по ней и по родителям.

Не знаю, как я могла забыть их. Но даже когда моя память покинула меня, я держалась за них, потому что сущность того, кем я являюсь, напрямую связана с ними. Моя семья. Они научили меня бороться, даже когда надежды, казалось, не существовало. Они гордились моей независимостью. Они окружили меня радостью и любовью.

С того момента, когда я открыла глаза, я боролась. Я смеялась. Я любила.

За это я должна благодарить их.

Поправляю маску на носу у Деда, обеспечивающую его кислородом, но он отворачивается в другую сторону, подальше от меня. Руки тянутся к Деду, когда он снова шепчет имя бабушки, и я склоняю голову в молитве, одновременно ей же опираясь на его руку, стараясь не потревожить капельницу.

Я так сильно скучаю по ним.

— Я знаю, что ты плачешь не из-за старика.

Поднимаю голову на звук голоса Деда. Голос слабый, но его улыбка дает мне понять, о чем уже говорил Трэвис. Деда — боец.

Он вытирает мои слезы трясущейся рукой, но останавливается, начав кашлять. Его глаза наполняются слезами, когда он пытается остановить кашель, и отворачивается не в силах сделать это.

Я сижу на кровати и держу его за руку, пока жду, когда кашель утихнет. Знаю, он страдает, и мне жаль, что я не могу ничем ему помочь. Найдя салфетку на своей тумбочке, вытираю ему рот, когда он перестает кашлять, а потом поправляю кислородную маску.

— Никогда, Деда.

Целую его в щеку, и он хватает мою руку. Он слабый, но проснулся. Это что-то.

— Я плачу, потому что только что узнала, что пропустила большую распродажу красивых туфель.

— С ремнями и большими каблуками? — спрашивает он, и я киваю. — Звучит странно.

Я хихикаю. Мне не нужно много времени, чтобы рассказать ему о том, что произошло в сарае, как только Трэвис и я пришли туда, тем более что я опускаю часть про пытки.

Вздыхаю, когда добираюсь до того момента рассказа с участием Деррика. Деда устает, поэтому я останавливаюсь на середине фразы и смотрю на его кровать.

— Рассказывай, девочка, — требует он.

Смех бесследно исчезает, в то время как я поеживаюсь на кровати и смотрю мимо него в окно.

— Так плохо, да?

— И да, и нет, — я пожимаю плечами, но не смотрю на него.

Сердце разрывается, мой дух сломлен. Жизнь продолжается, наши истории никогда не закончатся, так как мои отношения с болью становятся еще более близкими и нерушимыми.

Деррик — сын Мандо. Он знал, что его отец виноват в моем похищении, но я верю, что он пытался защитить меня, одновременно защищая своего отца. Но когда я позвонила ему и сказала, что Деда похитили, Деррик должен был спасти его. Я могу простить ему все его ошибки и заблуждения, но не то, что он подверг опасности Деду.

Прикусываю нижнюю губу, не зная, что сказать Деду.

— Холл, — говорит он мягко, привлекая мое внимание. — Забудь об этом. Не надо ничего предпринимать, забудь об этом. Мы в порядке, и это главное.

Я киваю.

— Есть еще кое-что, о чем ты должен знать, Деда. Я объясню все позже, а сейчас хочу, чтобы ты знал: Деррик спас нас, — я вытираю слезы, текущие по лицу. — Просто когда Мандо собирался убить меня и Трэвиса, Деррик повалил его на землю. Пока они дрались, Трэвис вытащил тебя, а я взяла грузовик Деррика. Нам удалось сбежать с его помощью. Хотя я так и не увидела покидающего сарай Деррика, Деда.

Делаю глубокий вдох, и сердце трепещет от отчаянья.

— Я услышала выстрел, когда Трэвис посадил тебя в машину, но так и не видела, чтобы Деррик вышел из сарая.

Деда сидит и качивает меня в своих объятиях.

Комната начинает вращаться. Я сжимаю челюсти, закрываю глаза и начинаю считать.

Один. Я медленно вдыхаю через нос.

Два. Выдыхаю сквозь зубы.

Три. Снова вдыхаю и вынуждаю напряжение отпустить мою челюсть.

Четыре. Я выдыхаю, открывая губы.

Пять. Открываю глаза и оглядываюсь на Деда.

Шесть. Я улыбаюсь.

Семь. Мы живы.

Восемь.

Дверь в палату Деда открывается, и Трэвис входит вместе с Барбарой.

Девять. Мое сердце сразу узнает его.

Десять.

Трэвис сообщает:

— Рад, что ты проснулся, старик, — говорит он.

Барбара тихонько шлепает его рукой.

— Я хотел познакомить тебя с моей мамой.

Глаза Барбары округляются, отчего на моих губах появляется улыбка.

— Мама, это Эд, Деда Холли. Деда, это моя мама, Барбара.

Вместо того чтобы пожать руку Деда, Барбара поворачивается к Трэвису и обнимает его. Деда с любопытством следит за мной — я обещаю, что объясню ему позже.

Медсестры приходят вскоре после появления Трэвиса и Барбары, и в то время, как Деда убеждает нас поехать домой, я отказываюсь уезжать, пока не поговорю с доктором. Деда отдает приказы безропотно выполняющей все пожелания медсестре.

— Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе «нет»? — спрашиваю я.

Он выглядит еще более уставшим, глаза еле открыты, но я боюсь того, что он закроет их.

— Нет, если они знают, что для них лучше.

Дверь снова открывается, но на этот раз через нее проходит доктор Харрис, и я встаю, чтобы поприветствовать его. Он высокий и с такими же уставшими глазами, как у Деда.

Доктор, знакомый со мной после бесчисленного количества времени, проведенного за вчерашним разговором, пока мы ждали, когда Деда проснется, кладет свою руку мне на плечо и выдавливает свою невысказанную уверенность.

— Я слышал, ты не уйдешь из больницы, пока не поговоришь со мной, — он улыбается, обнажая ровные пожелтевшие зубы.

— Она хочет убедиться, что я проснусь, если усну, — слегка усмехается Деда, легко читая меня.

Наклоняю голову вперед, и доктор Харрис смеется.

— Холли, ваш дедушка перенес несколько довольно серьезных травм, в результате которых половина мужчин его возраста осталась бы беспомощной, но я слышал, что он уже сел в постели, и если дадут зеленый свет, то он, наверное, будет ходить по коридорам больницы, — доктор Харрис дружелюбно мне улыбается.

Пусть я и согласна с ним, но его слова не унимают мое беспокойство.

— Вот такой он упрямый сукин сын, — я подмигиваю Деду, который, прикрываясь руками, прячет смех. — У него пневмония.

— Поэтому он принимает антибиотики и стероиды. Он на лечении кислородотерапией, — врач смотрит на Деда с предупреждением в глазах, зная, что Деда хотел быть одним из тех пациентов, с которых снимут кислородную маску. — Но он преуспевает. Он прошел через многое, и ему нужно отдохнуть. Наши медсестры позаботятся о нем. Я обещаю, — он кладет свою правую руку на сердце и смотрит прямо мне в глаза.

— Хорошо. Нам тоже нужно отдохнуть, — теплая рука Трэвиса берет мою холодную и тянет к нему.

— Мы отдохнем, — говорю я, глядя на Трэвиса. Его глаза красные от усталости. — Но только на пару часов.

— Ничего другого я не ожидал, — Трэвис тянется ко мне, и я наваливаюсь на него, когда он прижимается губами к моему лбу.

— Позаботься о моей внучке, — взгляд Деда цепляется за нас, и я вижу радость в его глазах в то время, как его голос становится суров.

— Каждый день всей оставшейся части моей жизни, — обещает ему Трэвис.

Изнеможение настигает меня, когда мы, наконец, приезжаем в дом Деда, поэтому после того, как Трэвис целует Лилу и успокаивает ее, прыгающую возле нас, он поднимает меня на руки и несет в мою комнату, оставив Барбару у подножия лестницы, не сказав ей, где гостевая спальня. Она во всем разберется.

Я нахожусь в полусне, когда он кладет меня на кровать, но просыпаюсь, когда он снимает мои джинсы.

— Душ, а потом спать.

Он целует мой живот, прежде чем спуститься поцелуем вниз к одной ноге и затем к другой, стягивая с меня джинсы. Я наблюдаю за ним, мои глаза полны решимости проследить все его действия. Когда он заканчивает, я сажусь и поднимаю руку над головой, чтобы он смог снять мою рубашку.

Холодный воздух охватывает мою грудь, заставляя сделать резкий вдох. После того, как Трэвис снимает рубашку, он кладет меня обратно на кровать и склоняется надо мной. Он начинает целовать меня от пупка к шее, где на время задерживается. Я пробегаю пальцами по его шее, выводя ленивые круги, не желая, чтобы он останавливался.

Расстегнув мой лифчик, он поднимает меня на руки и уносит в душ, где нас ожидают горячие брызги. Я помогаю Трэвису освободиться от его джинсов, а затем беру его за руку и веду в душ. Стоя под потоками воды, я пробегаю пальцами по его груди, а затем оборачиваю руки вокруг его шеи, притягивая его лицо к себе. Когда наши губы соприкасаются, все вокруг исчезает.

Здесь только мы. И все, что я могу делать, — это чувствовать.

Наши губы соприкасаются достаточно долго, отчего наши души объединяются, в то время как тела вспыхивают вместе, вытесняя воздух между нами.

Сердце наполнено любовью и жизнью, наполнено смехом, и это то, что обещают мне его поцелуи.

Итак, я полностью открываю себя ему и верю в нас.

Холли

Мы спим дольше, чем я планировала. И хотя мне трудно оставлять теплое тело Трэвиса и комфортную кровать, которую мы делим, я встаю и потягиваюсь. Подхожу к Трэвису, чтобы прикрыть его обнаженное тело, но останавливаюсь, рассматривая синяки на животе и груди. Сломанные ребра и ножевое ранение не помешали ему в полной мере показать, как сильно он меня любит: сначала в душе и два раза на кровати.

Я целую один из его уродливых синяков и смеюсь, когда Трэвис тянет меня на себя.

— Безумно устал, — бормочет он в мои волосы.

— Так спи, — целую его, проводя пальцем по коже. — Мне нужно проведать Деду.

— Отлично, — он кладет руку на мою попу, другой все еще удерживая меня на месте.

— Трэвис?

— Ты такая требовательная, — он убирает руку с моей спины, оставив другую на моей попе.

— Трэвис? — хихикаю я.

— Да? — он дарит мне полуулыбку.

— Рука. Попа, — говорю я.

Он вновь сжимает мою плоть и говорит.

— Это хорошая попа.

— Ты сможешь проверить ее позже.

— Хотелось бы, — он облизывает губы, а потом наклоняется ко мне и кусает их. —

Думаю, я привыкну так просыпаться.

— Я тоже, — провожу языком по его губам, а потом отстраняюсь. — Но сегодня мы должны идти. Никаких споров.

— Отлично, — он мягко шлепает меня по попе, а затем отпускает.

Пока я натягиваю на себя одежду, Трэвис встает с постели и тоже одевается.

— И ты пойдешь? — спрашиваю я.

Боль мелькает в его глазах за секунду до того, как он маскирует ее своей полуулыбкой.

Я подхожу к нему и обнимаю за талию.

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной, — уточняю я. — Но я знаю, что ты устал. Я буду в порядке, если ты предпочтешь остаться.

— Мы вместе, помнишь?

— Да, — киваю я.

Спустившись, мы находим внизу Барбару, которая разговаривает с Хизер на кухне и лакомится едой, расставленной на столешнице. Хизер перестает говорить, увидев меня, и заключает в крепкие объятия, так любимые мною с детства. Лилу снова танцует вокруг, приветствуя нас, и на этот раз я опускаюсь на колени, чтобы погладить ее.

— Я видела Деда в больнице несколько часов назад, — говорит мне Хизер. — Он

сказал, что я должна накормить тебя, прежде чем ты снова поедешь к нему, — она вытирает слезы.

— И поэтому ты сделала обед из пяти блюд? — спрашиваю я.

Она смеется.

— Я рада, что ты вернулась, Холл.

Мы снова обнимаемся, и я задерживаю наши объятия, принимая ее вместе с воспоминаниями, которые мы разделяли на протяжении многих лет.

— А сейчас поешь. Вы оба. Или Деда рассердит.

— Властный старик, — шучу я, но приступаю к еде с энтузиазмом.

Я сижу в кухонном закутке рядом с Трэвисом, и он ест с таким же энтузиазмом, как и я. Забавно вспоминать, что несколько месяцев назад я не узнавала этот стол, этот дом, живущих в нем людей. Я не узнавала ни своего собственного, ни чужих лиц. Будто кто-то вырезал того человека, кем я была.

Но жизнь продолжала двигаться вперед, даже если моя стояла на месте.

Теперь, когда моя память вернулась, Деда в больнице, но жизнь просто продолжает свое движение.

Еще в Харбор-Айленде Барбара сказала мне, что моя жизнь была прервана, и в каком-то смысле это было правдой. Моя жизнь была прервана, но, несмотря на это, она продолжалась, иногда без моего участия.

Есть кое-что, что надо знать о жизни. Она просто продолжается дальше, никогда не ждет тебя, чтобы ты ее догнал или отдышался. Это вихрь цвета, хаос. Это растущий, неконтролируемый торнадо с небольшими чудесами, оставленными им, которые делают все это стоящим.

Дыхание перехватывает, когда мы с Трэвисом заходим в палату Деда. Неожиданно я сталкиваюсь с Дерриком, и он ловит меня.

Деррик. Он жив.

— Я думала, ты умер! — кричу я на него.

Он успокаивающе проводит руками по моей спине.

— Я слышала выстрел. Я подумала... — задыхаюсь от собственных слез, но остаюсь в объятиях Деррика.

— Было бы плохо, если бы я действительно умер, Холли? — спрашивает Деррик.

Я отстраняюсь, но рукой держусь за него.

— Да, черт возьми, это было бы плохо, — я соплю, но сдерживаю слезы, пока во мне кипит злость. — Часть меня ненавидит тебя, Деррик. Так сильно. Он твой отец, я понимаю, но ты же мой брат. Я ненавижу тебя так же сильно, как и люблю.

Он отпускает меня, отталкивая руку, как будто мои слова обжигали его кожу.

Я обхватываю себя руками.

— Почему ты не помог Деду, когда я тебе звонила? Ты знал, что Мандо похитил его, но ты ничего не сделал, — обвиняю я. — Почему?

Деррик вздыхает, прежде чем снова смотрит на меня с грустными глазами.

— Я знал, что он не позволит Деду умереть. Мой папа хотел использовать Деда как приманку, — объясняет он, засовывая руки в карманы джинсов.

Я прищуриваю глаза, подготавливая себя к его дальнейшим словам, так как ужас и скорбь наносят мне удар кулаком в живот.

— Если бы я решил спасти Деда, пока тебя не было, мне бы пришлось объяснять, как я нашел его, что привело бы меня к тому, что я должен был признаться, что я знал, что мой отец — твой похититель. Я защищал себя. Мне очень жаль, Холли.

Он делает шаг вперед, а я по-прежнему стою и жду, чтобы увидеть, дойдет ли он до меня. Он поднимает руку, но роняет ее, прежде чем она вступает в контакт с моей кожей, так что я иду к нему и оборачиваю руки вокруг его талии.

Он делает глубокий вдох, после чего обнимает меня в ответ.

— Я рассказал начальнику полиции правду. Теперь он все знает. Я отстранен и могу попасть в тюрьму на некоторое время.

— Нет, — я качаю головой. Подобно болезни, меня охватывает ужас, от чего я трясусь. — Они не могут этого сделать. Ты спас нас. Ты защитил меня. Ты научил меня бороться. Ты толкнул меня к независимости, когда я была слишком напугана, чтобы пойти на это в одиночку, — я снова качаю головой. — Я поговорю с кем надо, Деррик. Ты не сядешь в тюрьму.

Деда хихикает в своей постели, Деррик и я смотрим на него.

— Я говорил, что она не злится на тебя, не так ли? — спрашивает Деда Деррика.

— Да, — он смеется и отходит от меня, медленно расхаживая по палате. — Мой отец мертв. Это был тот самый услышанный тобой выстрел. Он вытащил мой пистолет из кобуры, но у меня есть запасной, который я ношу на лодыжке.

— Деррик... — я тянусь к нему.

Потерпев поражение, он качает головой, его плечи опускаются.

— Я сожалею, — обнимаю его за плечи, защищая себя от навязчивых идей Мандо.

Я рада, что он мертв. Жаль, что он не умер тогда, задолго до аварии, так бы у меня все еще были родители.

Трэвис обнимает меня, и напряженность умирает вместе с неприязнью, которую я питаю.

— Он был твоим отцом, и я сожалею, — говорю честно.

Деррик раз кивает мне и идет к двери.

— Ты не оставишь нас, Деррик, — отвечаю ему. — Мы оба потеряли семью, а ты — часть нашей семьи. Я не хочу потерять и тебя.

Смотрю, как он уходит, кивнув головой, и дверь закрывается за его удаляющейся фигурой с хлопком, эхом отдающимся внутри меня.

Холли

— Ты слышишь это? — спрашиваю Трэвиса, пока он несет меня на руках к дому Деда, моему дому. Я прижимаюсь к его груди и улыбаюсь, в то время как Эмбер и Стефани кидают на нас завистливые взгляды. — Это был звук вздыхающих в унисон вагин всего мира.

— Потому, что я забочусь о тебе? — Трэвис смотрит на меня, загадочно улыбаясь, и качает головой, когда видит глупую улыбку, появившуюся на моем лице.

— Потому, что ты любишь меня, — исправляю я.

— Вагины пели бы еще громче, если бы я оставил тебя в дверях, чтобы помочь Деду выйти из машины?

— Они бы взорвались, если бы такой красавчик, как ты, осторожно поставил меня на пол, чтобы помочь пострадавшему пожилому мужчине выйти из грузовика.

— Не позволяй ему услышать, как ты называешь его пожилым, — смеется он.

Встаю на ноги, бегу к Эмбер и Стефани и обнимаю их, пока они сквозь рыдания произносят мое имя.

— Я помню Пако, — хихикаю я, и Эмбер отодвигается от меня.

— Пако? — спрашивает Стефани, а Эмбер кричит.

— Пако!

— Кто такой Пако? — требует ответа Стефани.

Эмбер и я одновременно смеемся.

— Перхоть, — говорит Эмбер сквозь смех.

Стефани щурит глаза.

— Глазные козявки, — намекаю я.

Глаза Стефани округляются.

— Девственность — пуф! — и нет! — я один раз хлопаю в ладоши.

Стефани берет мою руку и сжимает ее.

— Если ты помнишь Пако...

— Я помню нас, — заканчиваю я за нее. Я задерживаю дыхание, ожидая их реакцию пока мое сердце бьется в груди.

— Ты все помнишь? — спрашивает Эмбер, ее голос чуть громче шепота.

— Все, — киваю, вытирая случайную слезу. — Даже то, когда мы учили Стефани пользоваться тампоном.

Лицо Стефани краснеет, но она запрокидывает голову от смеха. Стефани, Эмбер и я обнимаемся вновь, образуя между нами непробиваемый круг. Пока Трэвис поддерживает Деда, он смеется вместе с нами, так что Эмбер берет его за руку и ведет к нам, где мы вчетвером обнимаемся, плачем и смеемся.

Это как прекрасная концовка сериала «Полный дом» на канале Hallmark. (Примеч. «Полный дом» (англ. *Full house*) — американский телесериал в жанре ситком). Только это

не конец, а начало новой главы в нашей жизни. Мы не можем продолжить с того, где остановились, потому что слишком многое произошло, чтобы допустить подобный прекрасный переходный период.

Из-за Трэвиса изменился маршрут моей жизни, я приспособливаюсь к новой действительности. Его губы касаются моего уха, посылая острые ощущения дрожи по спине. Я покидаю групповые объятия и направляюсь к Трэвису, но он останавливает меня, кивнув головой в сторону гравийной дороги Деда.

Мое сердце бьется быстрее, сильнее, когда я вижу грузовик Деррика, припаркованный позади грузовика Деда. Трэвис сжимает мое плечо, прежде чем поворачивается к Деду и моим друзьям, направляясь с ними в сторону нашего дома.

Я бросаю один последний взгляд на спину Трэвиса и знаю, что он не вернется в Харбор-Айленд. Он нашел причину, чтобы покинуть остров. Он нашел свой дом и семью, которая была у него в течение многих лет. Мы не говорили об этом, но я не отпущу его из своей жизни, даже если он решит вернуться в Харбор-Айленд. Это всего лишь означает, что я буду жить на острове.

Расправив плечи, иду к Деррику, прежде чем у него появится шанс уйти. Каждый шаг приближает меня к реальности, которую хочу похоронить, но продолжаю двигаться вперед, зная, что у Деррика больше никого нет. Как только я добираюсь до его грузовика, он открывает дверь и медленно выходит.

Мы стоим там, молча глядя друг на друга, пока я, наконец, не нарушаю молчание, слегка посмеиваясь. Протягиваю к нему руку и надеюсь, что он примет ее. Когда он делает это, то тянет меня к себе и держится за меня с такой свирепостью, что это в действительности больно. Но я позволяю ему это, зная, что он нуждается в ком-то, кто не позволит ему развалиться на части. Трэвис одобрил бы мое решение.

Я не скажу ему о звездах и газовых туманностях, потому что звезды принадлежат Трэвису и мне. Но я нахожусь возле Деррика, пока он скорбит по тому человеку, пытавшемуся меня уничтожить.

В конце концов, мне придется оставить это в прошлом, но сейчас я буду там для Деррика, одновременно ненавидя его отца за то, что он сделал со мной, за ночные кошмары, которые я пережила, за причинение вреда Деду и Трэвису.

Однажды я вспомню о Мандо и о том, каким больным убудком он был. Но не сегодня. Пока я не имею ничего против Деррика. Я просто не могу, он значит слишком много для меня, чтобы отпустить его. Он помог мне исцелиться.

Он помог мне, и точка.

— Давай, пойдём.

Я тащу его за руку, но он настороженно смотрит на дом, потом на меня.

— Деррик, — мягко говорю я, — просто ужин.

— Да, ужин, — он трет рукой свое небритое лицо. — Вы все должны меня ненавидеть.

Грустные и усталые глаза смотрят на меня, окна его души умоляют открыть их и освободить от страданий.

— Верно, — соглашаюсь я с небольшой улыбкой на губах. — Мы так и делаем. Вот почему мы приглашали тебя каждый день с тех пор, как ты покинул больницу после посещения Деда, и почему попросили тебя прийти сегодня на ужин.

Деррик не улыбается в ответ. Он продолжает смотреть на меня затравленным взглядом.

— Я не могу это исправить.

— Само собой все исправится, — возражаю я. — Между прочим, еда Хизер остывает.

Я снова тяну его за руку. С едва заметным намеком на улыбку, Деррик, наконец, смягчается и следует за мной внутрь, где семья ждет его. Мы не можем быть семьей, где он родился, но мы семья, которую он выбрал, когда решил поставить меня выше своих интересов.

Деррик

Хоронить папу одновременно и горько, и сладко, и я полностью понимаю выражение «горькая сладость». Демоны моего отца, скрывавшиеся всю его жизнь, наконец, остались в прошлом, покинув мир, в котором лучше без них.

Ему и самому лучше без них, даже если это означает, что он мертв. Он знал это. Умирая, он знал, что демоны наконец-то исчезнут навечно, и вот почему ему было настолько легко принять свою смерть.

Где бы он ни был, он больше не сможет никому навредить, даже самому себе.

Он совершил так много грехов в своей жизни. Лес, окружающий его дом, тому доказательство. Полицейские копали вокруг леса отца несколько дней после его смерти и обнаружили могилы бесчисленного количества животных и одной девушки. Она была убита недавно, и раскаяние поразило меня, когда я понял, что она — замена Холли.

Не знаю, где мой папа после смерти. Возможно, он воссоединился с мамой. Если так, я не уверен, что она рада его видеть.

Всю мою жизнь папа лишь хотел заботиться о маме, но всегда терпел неудачу. Не знаю, полностью ли это его вина. Может, мама взяла часть этих неудач на себя. Я не знаю, потому что никогда не спрашивал.

В конце концов, это не важно. Они были моими родителями. Теперь они оба мертвы, их больше нет в живых, черт возьми, они заставили друг друга уйти.

И теперь мне несравнимо лучше.

Черт, разве что кое-кто облажался? Я, их единственный сын, которому лучше умереть.

Все-таки я скучаю по ним.

— Ты заслуживаешь лучшего, — шепчу я, зная, что отец слышит меня, и оставляю на его могиле цветы, собранные в мамином саду.

Тяжело опускаясь, я касаюсь земли, под которой покоится отец, и надеюсь, что он счастлив. Он заслуживает немного счастья, даже если это будет в загробной жизни. Прежде чем подняться, вдыхаю аромат свежескошенной травы и понимаю, что это будет памятью, которую я заберу с собой.

Мой отец любил природу, и от него всегда пахло землей. Теперь он часть земли. Да, я знаю, что он счастлив. Он был бы счастлив, если бы знал, что он часть чего-то, что так любил.

Грустно улыбаясь, я встаю и оборачиваюсь, обнаружив Холли, находящуюся в нескольких метрах позади и терпеливо ожидающую меня.

Я хотел защитить ее от отца, и она единственная, кто спас меня от него.

Я потерял работу, но обрел свободу. Я потерял свою семью, но приобрел новую.

Я иду к ней, к моей сестре, оставляя своего отца покоиться с миром.

*** КОНЕЦ ***

Больше книг на сайте - Knigolub.net